Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

Выпуск 3 (71)

Нижний Новгород
2025

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Вып. 3 (71). — Н. Новгород: НГЛУ, 2025. — 179 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор
В. М. Бухаров

Редакционная коллегия:
А. В. Иванов (*зам. главного редактора*), М. А. Ариян, О. В. Байкова (Киров), М. К. Бронич, М. А. Викулина, Н. К. Гарбовский (Москва), Н. А. Голубева, М. А. Грачев, Б. А. Жигалев, В. И. Карасик (Москва), С. Б. Королева, Л. П. Крысин (Москва), И. В. Леушина, Н. В. Макшанцева, М. И. Никола (Москва), О. А. Обдалова (Томск), О. Г. Оберемко, Е. Р. Поршнева, Л. В. Рацибурская, Т. Н. Синеокова, В. В. Сдобников, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия), К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен ВАК РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2025

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

LINGUISTICS UNIVERSITY OF NIZHNY NOVGOROD

LUNN BULLETIN

Issue 3 (71)

Nizhny Novgorod
2025

LUNN Bulletin. Issue 3 (71). — Nizhny Novgorod: Linguistics University of Nizhny Novgorod, 2025. — 179 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief
Valeriy M. Bukharov

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), M. Ariyan, O. Baykova (Kirov),
M. Bronich, M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev,
B. Zhigalev, V. Karasik (Moscow), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow),
I. Leushina, N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko,
E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France),
U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© LUNN, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА 9

Фрагмент древнелужицкой топонимии Саксонии
Беляев А. Н. 9

Особенности грамматикализации аналитических форм перфекта с *habban* в древнеанглийском (на примере поэтических текстов)
Разумных Е. В. 22

Описание звукового строя русского языка в работах Якоба Родде
Иванов А. В., Иванова Р. А. 37

О понятии «рекламный профиль компании» в лингвистике
Миндиахметова Р. М. 56

Языковая репрезентация концепта ЛЮБОВЬ в различных песенных текстах
Исаева Л. А., Остроухова К. С. 75

Концепт *FOREIGN* в британской языковой картине мира
Суворова Е. В. 92

Особенности функционирования концепта *MEDICAL LAW* в дискурсе англоязычных массмедиа
Голубых А. А., Исаева О. Н. 108

Средства выражения имплицитной речевой агрессии в интернет-комментариях к политическим статьям
Васильева М. А. 124

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ 135

Педагогические условия модернизации профессиональной подготовки учителя иностранного языка в русле смысловой парадигмы
Дмитриева Е. Н., Макшанцева Н. В., Валери М. 135

Коммуникативное обучение иностранным языкам на Ближнем Востоке: практика и проблемы
Архаван Фаттах Аудил, Хема Рошени Мустафа, Софи Хама Али Хуссен Хама Амин 154

ХРОНИКА 168

III Международная научная конференция «Рецепция личности и творчества А. С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)» (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 24–26 апреля 2025 г.)
Александрова М. А., Ладухина Н. Р. 168

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 177

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE 9

A Fragment of Saxony's Old Lusatian Toponymy
Andrey N. Belyaev 9

On Grammaticalization of Analytical Perfect Tense Forms with *Habban* in Old English (as Exemplified by Poetic Texts)
Elena V. Razumnykh 22

Descriptions of the Phonetic Structure of Russian in Works by Jacob Rodde
Andrey V. Ivanov, Rimma A. Ivanova 37

The Notion of "A Company's Advertising Profile" in Linguistics
Rimma M. Mindiakhmetova 56

Linguistic Representation of the Concept "Love" in Song Lyrics
Lydiya A. Isaeva, Kseniya S. Ostroukhova 75

The Concept "Foreign" in the British Linguistic Worldview
Elena V. Suvorova 92

Functional Characteristics of the Concept "Medical Law" in the English Mass Media Discourse
Anastasiya A. Golubykh, Olga N. Isaeva 108

Means of Expressing Implicit Verbal Aggression in Online Comments on Political Articles
Maria A. Vasileva 124

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION 135

Pedagogical Conditions for Modernizing Foreign Language Teacher Training Within a Meaning-Centered Paradigm
Elena N. Dmitrieva, Natalia V. Makshantseva, Marta Valeri 135

Communicative Language Teaching in the Middle East: Practices and Challenges
Arkhawan Fattah Audil, Hema Rosheny Mustafa, Sofi Hama Ali Hussen Hama Ameen 154

CHRONICLE.....168

III International Research Conference, “Reception of Alexander S. Pushkin and His Work in Russian and World Culture (19–21 centuries).” N. A. Dobrolyubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod, 24–26 April, 2025.
Maria A. Alexandrova, Natalia R. Ladukhina.....168

CONTRIBUTOR INFORMATION 177

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 81.112
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-9-21

ФРАГМЕНТ ДРЕВНЕЛУЖИЦКОЙ ТОПОНИМИИ САКСОНИИ

А. Н. Беляев

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

В статье всесторонне анализируются происхождение и история средневековых названий славянских поселений, местностей, племенных названий на территории современной Саксонии. Существовало множество вариантов написания племенных названий, которые зависели от слуха, уровня образованности и национальности летописцев. Обозначения жителей рассматриваются в тесной связи с названиями территорий: *Colodici* и *Colditz*, *Nudzici* и *Neutzt*. Автор пытается выяснить, что отражают эти связи с точки зрения истории поселения. Основное внимание уделяется механизмам заимствования древнелужицких топонимов в немецкий язык. Выделены и описаны два главных типа древнелужицких топонимов: 1) топонимы, образованные от личных имен, и 2) топонимы, образованные от нарицательных имен (апеллятивов). В каждом типе выделяются частотные словообразовательные модели топонимов. Автор описывает суффиксально-производные модели на *-ici-*, (*-ovici*), *-j-*, *-ov*, *-in*, *-ina*, *-ьn*, *-jnja*. В средневековых письменных памятниках засвидетельствованы формы названий, в которых славянские суффиксы унифицированы в немецком языке в финали *-itz*, *-ow / -au*, [*e*]*n*. Во многих случаях трудно установить характер праформы славянского топонима. Восточносредненемецкая адаптация славянских топонимов, помимо регулярных фонетических закономерностей, включала вторичное сближение с созвучными лексемами и антропонимами. В результате может возникнуть вторичная семантическая мотивированность, которая представляет собой ресемантизацию морфем и устанавливает новые связи на уровне семантики. Такое явление показано на примерах: *Rusavin — Roß / wein*, *Větrošiby — Wasser / suppe*, *Zaléšno — Saal / hausen*. Автор предполагает, что современная форма серболужицких топонимов на *-ow* или *-in* не является отражением их первоначального состояния, а объясняется более поздним процессом морфологического выравнивания. В ходе анализа первоисточников делается вывод о более раннем появлении славянских топонимов с двучленным личным именем в качестве топоосновы, чем с кратким личным именем. В структуре двучленных имен частотны вторые компоненты *-bor*, *-bud*, *-był*, *-chot*, *-část*, *-drog*, *-duch*, *-gost*, *-mysł*, *-rad*, *-spyt*, *-treb*, *-vad*, *-van*, *-vol*, первые компоненты *Łub-*, *Mil-*, *Mir-*. Имена со вторым компонентом *-sław* становятся продуктивными к началу X в.

Ключевые слова: немецкий язык; древнелужицкий язык; топонимия; топонимический тип; этимология; гибридное имя.

Цитирование: Беляев А. Н. Фрагмент древнелужицкой топонимии Саксонии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 3 (71). С. 9–21. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-9-21.

A Fragment of Saxony's Old Lusatian Toponymy

Andrey N. Belyaev

Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

The article provides a comprehensive analysis of the origin and history of medieval designations for Slavic settlements, localities, and tribal names within the territory of modern Saxony. There existed numerous variant spellings of tribal names, which were contingent upon the hearing, level of education, and nationality of the chroniclers. Designations for inhabitants are examined in close connection with territorial names, such as *Colodici* and *Colditz, Nudzici* and *Neutzt*. The author seeks to determine what these connections reflect from the perspective of settlement history in Saxony. Primary focus is placed on the mechanisms of borrowing Old Lusatian toponyms into the German language. Two principal types of Lusatian toponyms are identified and described: 1) toponyms derived from personal names, and 2) toponyms derived from common nouns (appellatives). Within each type, frequent word-formative models of toponyms are delineated. The author describes suffixal-derivational models, including those with *-ici-* (*-ovici*), *-j*, *-ov*, *-in*, *-ina*, *-ьn*, and *-jnja*. In medieval written records, attested name forms show how these Slavic suffixes were standardized in the German language into the endings *-itz*, *-ow / -au*, and [*e*]*n*. In many instances, it is difficult to ascertain the character of the proto-form of the Slavic toponym. The East Middle German adaptation of Slavic toponyms, in addition to following regular phonetic patterns, involved secondary convergence with phonetically similar lexemes and anthroponyms. This process could result in secondary semantic motivation, which constitutes a resegmentation and resemanticization of morphemes, thereby establishing new connections at the semantic level. This phenomenon is illustrated with examples such as *Rusavin — Roß / wein*, *Větrošiby — Wasser / suppe*, and *Zaléšno — Saal / hausen*. The author suggests that the modern form of Sorbian toponyms ending in *-ow* or *-in* does not reflect their original state but is rather explained by a later process of morphological leveling. Through the analysis of primary sources, the conclusion is drawn that Slavic toponyms with a bipartite personal name as their topostem emerged earlier than those with a short personal name. Within the structure of these bipartite names, frequent second components include *-bor*, *-bud*, *-był*, *-chot*, *-část*, *-drog*, *-duch*, *-gost*, *-mysł*, *-rad*, *-spyt*, *-treb*, *-vad*, *-van*, and *-vol*, while common first components include *Łub-*, *Mil-*, and *Mir-*. Names with the second component *-slav* became productive by the beginning of the 10th century.

Key words: German language; Old Lusatian language, toponymy; toponymic type; hybrid name.
Citation: Belyaev, Andrey N. (2025) A Fragment of Saxony's Old Lusatian Toponymy. *LUNN Bulletin*, 3 (71), 9–21. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-9-21.

1. Введение

Интерес к топонимам славянского происхождения в восточных землях Германии, на западной периферии славянского мира, неуклонно растет не только в славяноязычных странах, но и в самой Германии. Характерный для немецких ученых «кельтский взгляд» на необъяснимые географические названия Средней Германии постепенно смещается на Germania Slavica. Объясняется это своеобразным местом, которое занимает этот топонимический пласт в топонимии восточных областей Германии. Этимология древнелужицких топонимов представляет сложную задачу и в то же время увлекательный материал для исследования. Помимо этимологических задач интерес представляет для теории межязыковых контактов фонетическая и морфологическая адаптация славянских топонимов к топонимической системе немецкого языка. Как известно, критерии сегментации и идентификации древнелужицкого ономастического фонда, разработанные школой Э. Эйхлера, основаны на рекурсивном принципе: «Unter der Bezeichnung Rekursion ist die Methode des Forschers zu verstehen, die von der heutigen Namenform in ihrer sozialen Erscheinungsformen (in Schriftsprache, Umgangssprache und Mundart) ausgeht und über die historisch bezeugten Namen zur Ausgangsform zurückführt, entweder innerhalb derselben Sprache oder aber einer anderen, wie es bei den Ortsnamen slawischer Herkunft im heutigen deutschen Sprachgebiet der Fall ist» (Eichler 1988: 21–22). Что касается вопроса об интеграции славянских топонимов в немецкий язык, то здесь первостепенное значение приобретает комплексный подход, при котором исследовательская модель изучается в различных ее аспектах (Hengst 2013: 221–225).

Исследование исторической ономастики Саксонии имеет длительную историю. Славянскими топонимами занимался еще словенец по происхождению Фр. Миклошич. Затем последовали работы П. Кюнеля, П. Брониша, Э. Муки, А. Брюкнера, П. Кнаута, Р. Траутмана и других исследователей, внесших значительный вклад в развитие и консолидацию славянских ономастических исследований. В настоящее время существует практически необозримое количество работ в этой области. Обзор исследований по славянской ономастике Германии был недавно представлен К. Хенгстом для русскоязычного читателя. К концу XX в. исследование проблематики культурно-языкового наследия славян в Восточной Германии, по словам К. Хенгста, «достигло нового, более качественного уровня» (Хенгст 2019: 270). К числу таких исследований принадлежат работа В. Венцеля (Wenzel 2020), посвященная топонимам лужицкой территории Рохелинцы (нем. *Rochelinzi*), и работа К. Цшишанга (Zschieschang 2019). Как констатирует К. Хенгст, исследованы и объяснены все антропонимы и географические названия населенных мест со славянскими корнями (Хенгст 2019). Нам остается лишь отдать дань уважения коллегам-германистам. Однако, несмотря на широту рассматриваемого круга проблем, до сих пор отмечается

диспропорция между «историческим» и ономастическим описанием, остаются практически не исследованными механизмы заимствования топонимов в дославянский и ранний славянский периоды. Не представляется возможным решение данной проблемы без обращения к такому классу имен, как этнонимы и хоронимы. Хорошо известно, что названия племен и территорий могут быть тесно взаимосвязаны, с одной стороны, с гидронимией и с топонимией — с другой. Так, следы древних этнонимов и хоронимов явно обнаруживаются в топонимах. Сравните хороним *Serimunt* и древний ойконим *Sermuth* (р-н Гримма), соответственно *Colodici* и *Colditz, Nudzici* и совр. *Neutzt, Quezici* и совр. *Quesitz* (р-н Лейпциг), *Quetz* (у Цёрбига) (Die Slawen in Deutschland 1985: 12). До сих пор еще до конца не выяснено, что отражают эти связи с точки зрения истории поселения. При решении вопроса о славянском происхождении топонимов Саксонии необходимо иметь в виду малое количество общеславянских антропонимов, лежащих в основе топонимов. На это указывают, например, материалы восточнославянских исследований (Васильев 2012, 2025; Гордова 2019). В связи с последним хочется подчеркнуть, что работа над изучением славянского топонимического наследия Восточной Германии должна вестись также с привлечением восточнославянского материала. Углубление и накопление знаний за счет расширения объекта исследования, на наш взгляд, могут более точно фиксировать объективные изменения в языковом развитии топонимов, совершенствовать приемы их описания.

Цель настоящей статьи — описание фрагмента исторической топонимии Саксонии, относящейся к периоду X–XII вв. с выявлением продуктивных типов и частотных словообразовательных моделей. В соответствии с поставленной целью основными задачами являются: 1) выявить древнейшие славянские топонимические типы на территории Саксонии и определить их частотность; 2) уточнить этимологию некоторых топонимов с учетом возможной их вторичной семантической мотивированности; 3) определить, существует ли зависимость между временем возникновения топонимов и характером структуры лежащих в их основе личных имен; 4) дать лингвистическую характеристику гибридным славяно-немецким названиям; 5) разработать классификацию древнелужицких топонимических типов по словообразовательным моделям.

2. Характеристика материала и методов исследования

Исследование базируется на основных теоретических положениях, выработанных в Лейпцигской ономастической школе в области немецко-славянских языковых контактов. Привлекает внимание прежде всего методология известного немецкого слависта Э. Эйхлера и его учеников. Мы не останавливаемся здесь исключительно на непосредственных последователях идей Э. Эйхлера. Тут речь идет о внутреннем развитии направления, созданного

самим Эйхлером. Материал для исследования отбирался из двухтомного «Исторического словаря топонимов Саксонии» Э. Эйхлера и Х. Вальтера (HOvS 2001), из «Словаря немецких топонимов» (DONB 2012), топонимических словарей Верхней и Нижней Лужицы В. Венцеля (Wenzel 2006, 2008). При реконструкции древнелужицких топонимов применялся рекурсивный метод для восстановления исходной формы древнелужицкого топонима. Суть его заключается в том, чтобы проследить языковое развитие топонима в обратном временном порядке: от современной формы во всех ее проявлениях до самой ранней, исторически засвидетельствованной, которая является основанием для реконструкции этимона, т. е. исходной формы древнелужицкого топонима. Этимологический метод направлен на поиск апеллятивного этимологического значения топонима. Общими методами являются: описательный метод, метод компонентного анализа, метод семантического моделирования, морфологический анализ, системный анализ и метод сопоставительного анализа.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Извлеченный из словарей и исторических источников ономастический материал предусматривает первоначальную его классификацию на наиболее важные древнелужицкие типы с последующим их описанием в хронологической последовательности.

К двум основным типам древнелужицких топонимов мы относим: 1) топонимы, образованные от личных имен (именующие как отдельных лиц, так и группу лиц), и 2) топонимы, образованные от нарицательных имен (апеллятивов). Анализ показал, что оба типа в структурно-словообразовательном отношении представляют собой преимущественно суффиксально-производные образования. Сложные топонимы, образованные путем соединения апеллятивных основ (композиты), встречаются в исследуемом регионе крайне редко и относятся к более позднему периоду. Поскольку системный «анализ требует конкретизации единиц языка и типов отношений (связей) между ними» (Кобрин 1987: 31), славянские производные топонимы были подвергнуты анализу на предмет выявления различных специально онимических элементов (суффиксов). Отношения, связывающие эти элементы с топоосновами, могут быть обобщены и типизированы. Противопоставление выделенных нами типов имен не может быть достигнуто на основании исключительно суффиксов, так как один и тот же суффикс мог сочетаться как с антропонимической, так и с апеллятивной основой, что в отдельных случаях заставляет нас сомневаться в истинности реконструируемой формы топонима. В старейших памятниках древненемецкой письменности наблюдается унификация славянских суффиксов *-ici-, -ica, -c, -ova, -eva, -ini, -ina, -ьn* в немецкие финали *-itz, -ow / -au,* [*e*]*n*.

Поэтому во многих случаях трудно установить праформу топонима: имеет ли она антропонимическое или апеллятивное происхождение.

В процессе исторического развития исходные славянские топоосновы могут подвергнуться различным семантическим изменениям, в результате чего возникает так называемая вторичная семантическая мотивированность, которая в диахронии представляет собой процесс ресемантизации морфем, устанавливая новые связи собственных имен с лежащими в их основе апеллятивами. Ср. др.-луж. топонимы, интегрированные в немецкий язык: *Rusavin — Roß / wein, Větrošiby — Wasser / suppe, Zaléšno — Saal / hausen* и т. п.

На основе анализа многочисленных фактов исторически засвидетельствованного материала напрашивается вывод о том, что топонимы, образованные от двучленных личных имен, как правило, возникли раньше топонимов, образованных от сокращенных личных имен. В структуре двучленных имен частотны такие вторые компоненты, как *-bor, -bud, -był, -chot, -čast, -drog, -duch, -gost, -mysł, -rad, -spyt, -treb, -vad, -van, -vol*, первые компоненты *Łub-, Mil-, Mir-*. Имена со вторым компонентом *-sław* становятся продуктивными к началу X в. В качестве иллюстрации древности топонимов на *-gast* для сопоставления приведем топонимы *Trebgast, Schorgast, Leugast* в Верхней Франконии. В районе Лейпцига и в прилегающих к нему районах этот тип представлен такими названиями, как *Audigast, Baudegast, Dobergast, Laubegast* (на с.-в. Дрездена), *Radegast, Zschagast* (*-gost*); *Beidersee, Liebersee, Paudritzsch* (*-drož* < *-drogь*).

При историческом анализе древнелужицких топонимов следует различать плюрализацию на *-y* и *-ici, -ovici* (патронимные топонимы) и сингуляризацию на *-in, -ov, -j-* (топонимы-посессивы). Последние указывают на принадлежность данного объекта его владельцу. Говоря о плюрализации, вслед за В. И. Дегтяревым необходимо отметить, что «наиболее значительные, структурно-типологические изменения категории числа в истории славянских языков, отраженные в письменности и диалектах, связаны с падением категории единичности и преобразованием древних типов имен собирательных в грамматические формы множественного числа» (Дегтярев 1987: 59). Допустимость такой интерпретации в лужицких языках может быть обоснована тем, что формы мн. ч. на **-jane* утратили суффикс ед. ч. *-in* вследствие выравнивания основы по типу форм мн. числа. В топонимии формы единичности на *-in* часто отмечаются в полабских и лужицких топонимах (*Berlin, Demmin, Schwerin*).

На территории современной Саксонии древнейшими славянскими топонимическими типами являются типы на *-y, -jane, -ici* и *-in*(*i*), возникшие в период между VII–IX вв. В X–XII вв. заметно увеличивается продуктивность производных топонимов с суффиксами *-ov-* и *-ovici, -ovica*.

Высокую частотность показывают топонимы с патронимическим суффиксом *-ici* (или *-ovici*). Они образуются от полных, сокращенных личных имен

и прозвищ. Например: **Buchlici* (к сокращенному имени **Bucheł* или *Buchła*), **Božerovici* (к личному имени **Božer*, 1205 г. *Boserwitz*, совр. *Baselitz*), **Domasławici* (к полному имени **Domasław*, 1218 г. *Domezlawiz*, совр. *Domselwitz*), *L'utoborici, L'utętici, L'utanici, Nosakovici*, образованные соответственно от антропонимов *L'utobor, L'utęta, L'utan, Nosak*. Лежащие в основе топонимов сокращенные имена могли быть по структуре как простыми, так и суффиксальными формами. Ср. *Chot* и *Chotan* в топонимах *Chotici* и *Chotanici*. Древнелужицкие суффиксально-сокращенные имена чаще всего образованы с суффиксами *-k-*, *-n-*, *-ch-*, *-š-*, *-t-*; реже встречаются суффиксы *-l-*, *-m-*, *-r-*, *-ava*. Не обнаружены суффиксы *-d-*, *-j-*, *-s-*. Число патронимических топонимов в Саксонии, по предварительным подсчетам, достигает нескольких сотен. По наблюдениям Э. Эйхлера, топонимы, образованные от двусоставных личных имен (*Domasławici* и т. д.: *Domasław*) со вторыми членами *-mir*, *-sław*, преобладают над посессивными топонимами, образованными по модели «полное имя + суффикс *-j-*)» (Эйхлер 1962: 83). Еще в XII и XIII вв. суффикс *-ici* (*-ovici*) употреблялся в функции образования топонимов. О его важной роли можно судить по засвидетельствованным еще в IX в. топонимам: племенное название *Neletici*, хороним *Neletici*, 961 г. *regio Neletici*; 965 г. *in pago Neletici* (Eichler 1958: 9).

О высокой продуктивности в прошлом суффикса *-ici* свидетельствуют также гибридные славянско-немецкие топонимы. Колонизация заэльбских земель немецкими переселенцами обусловливала появление так называемых гибридных топонимов, состоящих из славянских и немецких языковых элементов. Например, *Arntitz* (от *Arnold*), *Bertitz* (от *Bernhard*), *Kerstenwitz* (от *Kersten*, из *Christian*), *Markritz* (от *Markward*) и т. д. Во всей древнелужицкой области встречаются такие топонимы, как *Hilberitz, Meinharditz, Wolftitz* (от *Wolfhart*). При этом имеются в виду новообразования в родном языке, использующие отчасти лексические единицы чужого языка. Это, например, контаминации типа *Bogumilsdorf*, в котором определяющее слово является славянским личным именем, а его основное слово — немецкий апеллятив. Такие гибридные, или контаминированные, образования возникали также в древнелужицком языке, ср. контаминации типа *Arnoltitz*, которые сохраняются как заимствованные имена собственные. Для контаминированных образований в ономастике характерно то, что каждый раз корневая морфема берется из чужого языка, ср. др.-луж. 1118 г. *Alboldistudinza* с нем. личным именем *Albold* + др.-луж. **studeńc* (ныне *Ebersbrunn*), тогда как у апеллятивов такие контаминированные образования создаются с помощью словообразовательных морфем.

Другим древним типом являются посессивные топонимы, образованные от личных имен с суффиксом *-j-*: **Udogošč, Chotěbuź* : *Chotěbud*; *Radobyl'* : *Radobył*; *Radogošč* : *Radogost*; *L'uboraź* : *L'uborad* и т. д.; *Mališ* : *Maliś* (или *Malich*). Более поздними являются посессивные топонимы на *-j-* от сокращенных

имен и прозвищ, чем соответствующие образования от полных личных имен. Приведем несколько примеров: *Audigast* (поселок в границах города Гройцш) < **Udogošč* или **Udogoź*; *Cottbus* (город на среднем течении реки Шпрее) < **Cotěbud*; *Laubegast* (деревня на Эльбе, к ю.-в. от Дрездена) < * *L'ubogošč*; *Mahlitzsch* (деревня в Саксонии) < **Malogost*; *Seitschen*, *Groß-*, *Klein-*, в.-луж. *Žičeń*, *Žičeńk* (деревни в Верхней Лужице) < **Žičań*.

Особую группу посессивных топонимов составляют названия на *-ov-*, *-in* и *-ynja*. Названия этого типа образуются главным образом от сокращенных имен и прозвищ, например **Borov* (к антропониму **Bor*, ‘поселение Бора’, в 1302 г. — *Tymo de Borow*, совр. *Bahra*), **Budov* (к антропониму **Bud*, ‘поселение Буда’, совр. *Bauda*). Трудно локализовать топонимы с суффиксами *-ov-* и *- in-*, восходящие к доисторическому периоду, так как наряду с именами мужского рода на *-ov* следует допустить существование имен женского рода на *- ova* и *-ovo* (имена на *-ovo* типа *Kosovo* представлены в документах лишь небольшим количеством примеров). Современная форма серболужицких топонимов на *-ow* или *-in*, очевидно, не является отражением их первоначального состояния и объясняется более поздним процессом выравнивания. Этот тип широко распространен также в северо-западной части Мекленбурга (*Bantow, Barnekow, Bibow, Bliesekow, Bölkow, Bössow, Gischow, Gorow, Gralow, Gramkow, Gressow, Güstow, Jastrow, Kalsow, Karow* и многие другие).

Топонимы с суффиксом **ъkъ* > (польск. *-ek*, др.-луж. **-k*) мы рассматриваем независимо от их происхождения. По способу словообразования мы различаем: 1) названия, образованные путем топонимизации апеллятивов, содержащих в своем составе этот суффикс (ср. польск. *Borek, Gródek* и др.-луж. **Bork, *Tisk*), 2) путем топонимизации личных имен с суффиксом *-ek* (польск. *Jędrysek, Ozimek*), 3) названия типа *Łączonek, Adamówek, Budyšink, Radšowk,* образованные путем топонимической деривации с помощью этого суффикса.

Названия с суффиксом *-*ъkъ-* в древнелужицкой области образуют два заметных ареала. Один находится между Баутценом, Каменцем и Низки, второй — вблизи Торгау и Бад-Дюбена. Суффикс широко представлен в названиях населенных мест, в первичных топографических названиях и так называемых культурных названиях, указывающих на какую-либо деятельность человека. Топографические и культурные названия старше производных отапеллятивных и посессивных названий. Хотя отдельные названия этого типа засвидетельствованы в исторических памятниках XIII–XIV вв. (Bily, Nowik 1995). Вариантом суффикса *-k* выступает иногда суффикс *-nik*. Суффикс *-nik* часто используется в славянских языках для образования названия леса в собирательном значении, например польск. *Dębnik* к *dąb* ‘дуб’, чеш. *Bučnik* к апеллятиву *buk* ‘бук’, *Javornik* к апеллятиву *javor* ‘клен’, русск. *дубняк, березняк*.

Древнелужицкие названия жителей образуются при помощи древнего суффикса *-’ane* (*Dol’ane, Łukov’ane, Rokucane* и т. д.). Этот суффикс также служит для образования этнонимов (например, *Nižane* около Дрездена на Эльбе, *Milčane, Besunzane, Drevane, Pol’ane, Pomoŕane, Stodoŕane, Wisl’ane*). Топонимы этого типа локализованы в области древних поселений между Заале и Эльбой. В Верхней Лужице, около Баутцена, встречаются лишь три топонима этой группы (др.-луж. *Błocane, Dol’ne, Stŕěl’ane*). Славянский суффикс *-’ane* адаптируется в немецком языке в *-ehna, -öna* (например, др.-луж. *Lomane* > *Liemehna*). К этому типу относятся также названия *Citici* (также *Zitici*), возможно, от слав. *sitъ* ‘камыш’; *Nizici*, возможно, от *niz* ‘низина’, ср. *Nizani* ‘люди, живущие в низине’; к личным именам восходят многократно встречающиеся топонимы *Neletici* (от антропонима *Nelet* или *Nelět*). Остается темным происхождение названия *Colodici*, которое, без сомнения, является производным образованием с суффиксом *-ici*, но его основа не находит надежного подтверждения в апеллятивной лексике. В качестве основы предполагается слав. **kol-* в значении ‘род’, не исключается также **kolda / *koldъ* ‘колода’.

Наряду с антропохоронимами обнаружено много названий территорий, образованных от нарицательных имен: *Dobna* (на территории Саксонского Фогтланда; возможно, название дано по гидрониму), *Plisni* (по гидрониму **Plisa*, позже *Pleißе*), *Selpoli, Zerwisti* (из др.-луж. **Čifvišče*), *Siusile* (из др.-луж. **Žužeły* к апеллятиву *žužlilca* ‘жужелица’ (насекомое) (Eichler 1958: 10), *Tuchorini* (из *tuchor* ‘болотистое место’) и *Zliuuini* (из *sliva* ‘слива’), *Sarowe* (из *žar* ‘гарь, пожарище’). Суффиксы этих названий (*-n-, -ov-, -išče*) встречаются во многих других топонимах. Особый случай представляет хороним *Mezumroka*, в основе которого лежат славянское *mezu-* ‘между’ и др.-луж. *mrok-*. Второй элемент может иметь др.-в.-нем. *marka* ‘Mark’ либо славянское слово с водной семантикой (*Wasserwort*) **mroka / *mroča* ‘болото’. Название *Zagost* ‘за лесом’ (историческая провинция в маркграфстве Мейсен) могло возникнуть только в период освоения земель позднего Средневековья.

Суффикс *-sk* образует названия населенных пунктов. Значительное количество топонимов на *-sk* образуется от названий физико-географических объектов. Например, *Glaubitz* (деревня, р-н Мейсен, земля Саксония) < **Głubočsk-*, к прилагательному **głuboky* ‘глубокий’; *Lausick, Bad* (город-курорт) < *lužk* ‘луг’; *Leipzig* (город в земле Саксония) < **Lipsk-*, к праславянскому апеллятиву **lipa*; *Tschernske* (в.-луж. *Černsk*, деревня в общине Креба-Нейдорф) < **Čiŕnsko* от прилагательного **čiŕn-* ‘черный’.

Помимо суффиксации выявлены и другие способы образования славянских топонимов: префиксация, трансонимизация, субстантивация прилагательных, плюрализация и сложение.

Префиксальные названия

Префиксация встречается, как правило, в сочетании с суффиксацией. В некоторых случаях префикс является частью того апеллятива, от которого образован топоним. Для определения действительно морфологического состава необходимо осуществить диахронический анализ. Например, *Ausmik*, пустошь к с.-з. от Дрездена, известна в XIV в. как деревня *Uzmik*. Название, видимо, апеллятивного происхождения от несохранившегося древнелужицкого слова **usmyk*, с предлогом **u* ‘вверх’, ср. в.-луж. *smykać* ‘тащить, волочить’.

Baderitz (деревня к с.-в. от Дёбельна) < **Podgrodici*, предлог **pod* ‘под’ и **grod* ‘крепость’ + суффикс *-ovici*.

Badersen (деревня к с.-з. от Ломшаца) < др.-луж. **Podbrež’e* ‘поселение, расположенное под берегом реки’.

Boderitz (деревня в Верхней Лужице) < др.-луж. **Podbreźe*, к апеллятиву **breza* ‘берез’ + предлог *pod* ‘под, у’.

Sagar (деревня в Верхней Лужице) < **Zagora* ‘за горой’.

Бессуффиксные названия

Переход имени нарицательного или имени собственного в топоним без изменения его морфологической структуры, в результате чего мы имеем дело с бессуффиксными топонимами, в древнелужицкой области не получил широкого распространения. Как правило, это касается перехода гидронимов в класс ойконимов и оронимов. Морфологически не переоформленное имя собственное, лежащее в основе топонима, не всегда удается выявить. Так, ойконим *Battaune* (р-н Северная Саксония) образован от др.-луж. **Batuń*, к личному имени **Batun*. Однако не исключено, что это название является суффиксально-производным. Ударение в этом названии падает на второй слог, что характерно для ряда славянских названий в этой местности. Возможно, это объясняется влиянием подвижного акцента в лужицком диалекте ко времени немецкого заселения; ср. *Wellaune, Badrina, Krippehna, Werbelin* и другие (Eichler 1958: 12).

Уменьшительные формы встречаются редко и известны, собственно, лишь по именам, распространенным в Лужице; ср. в.-луж. *Budyšink* (уменьшит. от *Budyšin*), н.-луж. *Gubink* (уменьшит. от *Gubin*, совр. *Guben*), *Žylowk* : *Žylow* (совр. *Sielow*), ойконим *Žylowk* представлен немецкой формой *Merzdorf*. Уменьшительный тип включает имена, образованный от уменьшительных форм существительных, например др.-луж. **Dubravka* к апеллятиву **dubrava* + суффикс *-k-* (совр. *Dubrauke*, р-н Баутцен); *Hoske*, в.-луж. *Hózk* (деревня к югу от Хоэрсверда) < др.-луж. уменьшительная форма **gozdk* к слову **gozd* ‘лес’ и другие.

Названия pluralia tantum

Cospuden (заброшенное селение и имение к востоку от Марклеберга) < др.-луж. **Kosobody* или **Kosobudy* является двучленным именем pluralia tantum. *Lauba*, в.-луж. *Lubow* (деревня на западе от Лёбау) < **Łub*, мн. число **Łuby*,

к апеллятиву *łub* ‘лубок’. Название селения, вероятно, связано с тем, что возникло в лесу. Имена типа *Kosobody, Žornoseky* и т. д. имеют довольно ясные очертания ареала. Несмотря на трудности этимологизации, ареал большинства онемеченных местных названий этого типа поразительно совпадает с областью распространения названий жителей на *-’ane*: эти топонимы также не встречаются в Нижней Лужице, а в Верхней Лужице отмечено лишь три названия этого типа. У многих имен (например, *Kosobody, Prestavil’ky, Sebě- / Soběkury, Tupadły, Všeroby* и т. д.) ясно прослеживается ареал распространения между Заале и Мульде. Имена этого типа имеют параллели в других славянских языках, и прежде всего в чешском. Ясными соответствиями др.-чеш. *Otěvěky* и *Nesvačiły*, например, являются др.-луж. *Otěvěky* и *Nisvačiły*.

Композиты

Drebligar (деревня, р-н Торгау, земля Саксония) — древнее двусоставное др.-луж. название, которое еще не имеет надежной этимологии. В качестве первого члена предполагается др.-луж. **treb(-)* ‘корчевать’, ср. **Treb’nica* (*Steindörfel*). Вторым членом может являться др.-луж. **gor-* ‘сжигать’, ср. *Görlitz*, русск. *Гари, Горель, Гарь, Пригари, Выгарь, Загарье*. Такие названия появились в результате развития подсечно-огневого земледелия, при котором выжигались или вырубались и выжигались под пашню участки леса.

Melpitz (деревня, входит в границы города Торгау), возможно, речь идет о древнелужицком сложном имени со вторым компонентом **put(c)-*, в.-луж. *puć* ‘путь, дорога’ и определяющем компоненте в.-луж. *mjel, měl* ‘отмель’.

Trebula (деревня в общине Альтенкирхен) < др.-луж. **Srebrogłovy*, сложное образование от **srebro* ‘серебро’ и *głova* ‘голова’; ср. также *Zschorgula* (около Наумбурга): в 1350 г. *in Zschornigolowe* (< **Čornogłovy* — ‘поселение черноголовых’). По другой версии, **Stribogołovy* — ‘головы бога Стрибога’.

4. Заключение

В настоящей статье была сделана попытка показать: 1) в чем состоит принципиальное различие между древнелужицкими топонимическими типами, 2) какие формы полных и кратких славянских личных имен явились основой для образования топонимов и 3) в чем заключается своеобразие немецко-славянских языковых контактов на уровне топонимики в период раннего Средневековья.

Историко-лингвистическое исследование топонимии Саксонии позволило выявить ее структурную типологию и показать, насколько структура топонимикона в целом обусловлена спецификой структуры древнелужицких диалектов.

Ранее полученные выводы о том, древнейшими типами являются топонимы на *-y, -jane, -ici* и *-in*(*i*), относящиеся к периоду VII–IX вв., подтверждены

настоящим исследованием. В целом при имеющейся надежной этимологии, видимо, можно говорить о том, что топонимы от двучленных личных имен функционировали еще до появления топонимов, образованных от сокращенных личных имен.

Высокая продуктивность патронимических и посессивных топонимов объясняется родоплеменными отношениями. Однако в дальнейшем патронимический суффикс *-ici*, возникший из праславянского *-*itjo*, теряет свое патронимическое значение и при образовании новых топонимов механически мог присоединяться к топонимическим основам.

Процесс вторичной семантической мотивированности и интеграция славянских топонимов в немецкий язык внесли существенные изменения в их структуру, затрудняющие доскональное уточнение древнелужицкой топонимической картины Саксонии.

Список литературы / References

Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. [Vasil’ev, Valerij L. (2012) *Slavyanskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoj zemli*. (Slavic Toponymic Antiquities of the Novgorod Land). Moscow: Rukopisny`e pamyatniki Drevnej Rusi. (In Russian)].

Васильев В. Л. Специфика топонимического субстрата на исторических землях Новгорода и Пскова // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2025. Т. 37. С. 32–36. [Vasil’ev, Valerij L. (2025) Specifika toponimicheskogo substrata na istoricheskix zemlyax Novgoroda i Pskova (Specificity of the Toponymic Substrate in the Historical Lands of Novgorod and Pskov). In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov`e* (Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages), Moscow, 37, 32–36. (In Russian)].

Гордова Ю. Ю. Древнерусские топонимы Рязанской земли: происхождение и структура // Российский научный журнал. 2019. Т. 62. С. 92–100. [Gordova, Yuliana Ju. (2019) Drevnerusskie toponimy` Ryazanskoj zemli: proisxozhdenie i struktura (Old Russian Toponyms of the Ryazan Land: Origin and Structure). *Russian Scientific Journal*, 62, 92–100. (In Russian)].

Дегтярев В. И. Плюрализация имен собирательных в истории славянских языков // Вопросы языкознания. 1987. № 5. С. 59–73. [Degtyarev, Vladimir I. (1987) Plyuralizaciya imen sobiratel’nyh v istorii slavyanskih yazykov (Pluralization of Collective Nouns in the History of Slavic Languages). *Voprosy Jazykoznaniya*, 5, 59–73. (In Russian)].

Кобрин Р. Ю. Языковые отношения и базовые единицы языка // Вопросы языкознания. 1987. № 5. С. 31–40. [Kobrin, Roman Ju. (1987) Yazykovye otnosheniya i bazovye edinicy yazyka (Language Relations and Basic Units of Language). *Voprosy Jazykoznanija*, 5, 31–40. (In Russian)].

Хенгст К. Исследования по славянской ономастике в Германии // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. С. 269–280. [Hengst, Karlheinz (2019) Issledovaniya po slavyanskoj onomastike v Germanii (Studies in Slavic Onomastics in Germany: An Overview). *Voprosy onomastiki*, Vol. 16, 2, 269–280. (In Russian)]. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.026.

Эйхлер Э. Древнелужицкая языковая область по данным топонимики (к вопросу о славянском ономастическом атласе) // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 80–91. [Eichler, Ernst. (1962) Drevneluzhickaya yazykovaya oblast' po dannym toponimiki (k voprosu o slavyanskom onomasticheskom atlase) (The Old Lusatian Language Region Based on Toponymic Data (Towards the Issue of the Slavic Onomastic Atlas). *Voprosy Jazykoznanija*, 6, 80–91. (In Russian)].

Bily, Inge, & Nowik, Krzystof. (1995) Die Ortsnamen mit dem Suffix -(e)k im Polnischen und im ehemaligen Altsorbischen Sprachgebiet (Ein Beitrag zum Slawischen Onomastischen Atlas). *Namenkundliche Informationen*, Beiheft 18, Studia Onomastica IX. Karl Hengst und Walter Wenzel gewidmet. 9–22. (In German).

Die Slawen in Deutschland. (1985) Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neiße vom 6. bis 12. Jh. Berlin: Akademie-Verlag. (In German).

Eichler, Ernst. (1958) *Die Orts- und Flussnamen der Kreise Delitzsch und Eilenburg*. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer. (In German).

Eichler, Ernst. (1988) Perspektiven der slawischen Ortsnamenforschung. *Beiträge zur Namenforschung, Beiheft*, 27, 20–51. (In German).

Hengst, Karlheinz. (2013) Forschungsergebnisse zu Integrationsprozessen von Siedlungsnamen aus der Minderheitensprache Sorbisch im sorbisch-deutschen Sprachkontaktraum. *Namenkundliche Informationen*, 101/102, 219–249. (In German).

Wenzel, Walter. (2020) Der Slawengau Rochelinzi im Licht der Ortsnamen. Ein Beitrag zur slawischen Frühgeschichte Sachsens. *Namenkundliche Informationen*, 112, 409–418. (In German).

Zschieschang, Christian. (2019) … ac iuxta unam paludem. Wasser, Siedlung und Grenzen in der deutsch-slavischen Kontaktzone. Ein Beispiel aus der östlichen Niderlausitz. Namenkundliche Informationen, 111, 344–362. (In German).

Словари / Dictionaries

HOvS — Ernst, Eichler, & Hans, Walther. (eds.) (2001) *Historisches Ortsnamenbuch von Sachsen*. 3. Bde. Leipzig: Sächsische Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. (In German).

DONB — Manfred, Niemeyer. (ed.) (2012) *Deutsches Ortsnamenbuch*. Berlin / Boston: Walter de Gruyter. (In German).

Wenzel, Walter. (2008) *Oberlausitzer Ortsnamenbuch*. Mit einem Exkurs zur Siedlungsgeschichte und 12 mehrfarbigen Karten. Bautzen: Domowina-Verlag. (In German).

Wenzel, Walter. (2006) *Niederlausitzer Ortsnamenbuch*. Mit einem Exkurs zur Siedlungsgeschichte und 8 mehrfarbigen Karten. Bautzen: Domowina-Verlag. (In German).

УДК 811.11-112
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-22-36

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ ПЕРФЕКТА С *HABBAN* В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ (на примере поэтических текстов)

Е. В. Разумных

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

В статье представлены результаты исследования, цель которого — выявить и описать структурно-семантические особенности становления в древнеанглийском аналитических конструкций с глаголом *habban,* давших начало современным глагольным формам перфекта. В качестве материала были выбраны три древнеанглийских поэтических памятника — «Беовульф», «Андрей» и «Елена», которые в совокупности позволяют получить достаточную выборку и сравнить характеристики рассматриваемого явления в текстах, схожих по жанровой принадлежности, но разных по своему происхождению. Методология исследования включает, помимо прочего, приемы вербоцентрического моделирования, использование которых для обозначенной цели в других работах не отмечается и потому определяет новизну настоящего исследования. Полученные данные позволили разделить на три группы общее количество предложений с предикативным комплексом *habban* + V_{pp}, полученных с помощью сплошной выборки. Первая из них отмечена субъектно-объектной структурой, наличием правого актанта — прямого дополнения и четко выраженной семантикой посессивности, которая реализуется за счет глагола *habban*. Во второй группе правая валентность комплекса расширяется, а семантика посессивности затемняется в результате появления дополнительных актантов и сдвига семантического фокуса на причастие. К третьей группе относятся случаи реализации *habban* + V_{pp} с непереходными глаголами, где правая валентность предикативного комплекса может носить факультативный характер, а сами формы демонстрируют наивысшую степень грамматикализации глагола *habban*. Дополнительным инструментом анализа стали аллитерационные схемы поэтических текстов, которые указали на существенные различия в участии глагола *habban* в аллитерации в тех контекстах, где он является полнозначным глаголом, и там, где он входит в состав сочетания с причастием прошедшего времени, что наглядно демонстрирует десемантизацию *habban* и его переход к роли служебного элемента. В результате исследования сделан вывод о поэтапном расширении функционального потенциала глагола *habban* и использовании грамматикализованных форм уже на древнем этапе существования английского языка.

Ключевые слова: древнеанглийский язык; перфектные формы с *habban*; вербоцентрическое моделирование; грамматикализация; поэтический текст.

Цитирование: Разумных Е. В. Особенности грамматикализации аналитических форм перфекта с *habban* в древнеанглийском (на примере поэтических текстов) // Вестник Нижегородского

государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 3 (71). С. 22–36. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-22-36.

On Grammaticalization of Analytical Perfect Tense Forms with *Habban* in Old English (as Exemplified by Poetic Texts)

Elena V. Razumnykh

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The article presents the results of a study whose aim is to identify and describe the structural and semantic features of the emergence of analytical verb forms *habban* + V_{pp} in Old English, which gave rise to the modern verbal forms of the perfect. Three Old English poetic monuments—*Beowulf*, *Andreas*, and *Elene*—were selected as the source material; collectively, these allow for a sufficient sample size and enable a comparison of the characteristics of the phenomenon under investigation in texts that are similar in their genre affiliation but different in their origin. The research methodology includes continuous sampling, content analysis, and verbocentric modeling; the latter is not typically applied in studies of a similar type and therefore offers a new perspective on the issue. The results of the study made it possible to identify three major groups of sentences comprising *habban* + V_{pp} as a complex predicate. The first group is characterized by the subject-object structure, direct object as the right actant and explicit possessive meaning due to *habban*. In the second group, the right valency of the predicate widens, while the possessive meaning becomes less obvious due to additional actants and the overall shift of the sematic focus from *habban* to the past participle. The third group includes sentences where *habban* bands with the past participle of intransitive verbs, the right valency of the predicate complex becomes optional, and *habban* reaches the highest level of grammaticalization. Alliteration patterns of the poetic texts proved to be an additional tool for our analysis, as they revealed that the involvement of *habban* into alliteration may be significantly different in cases where it appears to be a full verb as compared with those contexts where it makes part of the complex predicate. The results of the study confirm the extensive functional potential of *habban* in Old English accompanied with active development of perfect tense forms.

Key words: Old English; perfect forms with the verb *habban*; verbocentric sentence theory; grammalicalization; poetic text.

Citation: Razumnykh, Elena V. (2025) On Grammaticalization of Analytical Perfect Tense Forms with *Habban* in Old English (as Exemplified by Poetic Texts). *LUNN Bulletin*, 3 (71), 22–36. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-22-36.

1. Введение

Грамматические и семантические особенности формирования аналитических глагольных форм, и в частности перфекта, в истории английского языка неоднократно становились объектом исследовательского внимания. Данная проблематика в разное время была освещена в трудах А. И. Смирницкого,

Б. А. Ильиша, В. Н. Ярцевой, О. А. Смирницкой, Р. Хогг, Э. Трауготт, Б. Митчелл и других исследователей. Традиционная и разделяемая большинством ученых точка зрения сводится к тому, что современные формы перфекта в английском языке развились из некогда свободного сочетания полнозначного глагола *habban* с посессивной семантикой и причастия прошедшего времени.

При этом подчеркиваются особые отношения, которые устанавливались между посессивным глаголом, причастием и присутствующим в предложении дополнением. Так, В. Н. Ярцева пишет о расширении глагольно-объектной группы, которое могло происходить за счет различных частей речи, в том числе и причастия, выступающего в роли предикативного определения к дополнению глагола-сказуемого *habban*. Синтаксическая позиция такого определения была двойственной. С одной стороны, оно имело тесную связь с дополнением и составляло с ним единый комплекс по отношению к сказуемому, выступая в роли второго винительного падежа. С другой стороны, функция логического сказуемого, присущая такому причастию, наделяла его предикативностью и позволила со временем отделиться от прямого дополнения и сблизиться с личной формой глагола *habban*, которая стала выполнять вспомогательную функцию (Ярцева 2022). В схожем ключе размышляет и С. Д. Кацнельсон. Исследуя функционирование причастия в роли предикативного атрибута в обширном корпусе древнегерманских языков, он выделяет группы глаголов, допускающих конструкцию с двойным винительным падежом. Среди глаголов обладания именно глагол «иметь» обнаруживает склонность к служебной функции, что способствует развитию у него формального значения и нарушению согласования причастия с первым винительным падежом (Кацнельсон 2010: 337–338).

Более обширную характеристику значению формирующейся перфектной конструкции дает О. А. Смирницкая. Непосредственным синтаксическим источником и архетипом перфекта она называет общую для всех германских языков посессивную конструкцию *haben* + V_{pp} или в более широком варианте: N_{nom} + V_{haben} + $N_{acc.}$ + $V_{pp\ acc.}$. Причастие прошедшего времени, выступающее здесь в роли незамкнутого расширения, выполняло целый ряд не дифференцированных между собой функций — предикативную, атрибутивную и обстоятельственную. Преобразование данной конструкции в аналитическую форму перфекта было стимулировано особой семантической природой глагола *haben*, функциональное положение которого среди всех транзитивных глаголов можно сравнить с положением глагола бытия среди нетранзитивных глаголов (Ист.-тип. морф. 1977: 31–33; Смирницкая 1965).

Особая семантика глагола *habban*, способствующая его переходу к роли вспомогательного элемента, отмечается и зарубежными исследователями. В коллективном фундаментальном труде, посвященном истории английского

языка, Э. Трауготт пишет, что древнеанглийский имел некоторый набор глаголов, которые, функционируя в качестве полнозначных, могли в определенных контекстах приобретать ряд характеристик, присущих современным вспомогательным глаголам, и указывать на время, вид или модальность действия (Traugott 2005: 186). Способность глагола *habban* выступать в составе единого комплекса с причастиями непереходных глаголов, а также с причастиями переходных глаголов, объект которых выражен существительным в иных падежах помимо винительного, позволяет предполагать, что *habban* мог выполнять вспомогательную функцию уже в древнеанглийском (аналогичный взгляд на время формирования перфектных форм представлен у [Lecki 2010; Johannsen 2016]. Исходная конструкция с адъективным значением состояла предположительно из основного глагола *habban* с посессивной семантикой, объекта и адъективного причастия прошедшего времени, которое выполняло предикативную функцию по отношению к объекту. Трансформация полнозначного глагола *habban* во вспомогательный подразумевала переосмысление роли причастия как части глагольного комплекса.

Рассматривая процесс формирования аналитической формы перфекта в древневерхненемецком языке, известном своей генетической общностью и многочисленными грамматическими параллелями с древнеанглийским, В. М. Жирмунский обозначает несколько этапов преобразования сложного сказуемого. На первом из них глагол *haben* имеет значение «держать», которое далее преобразовалось в «иметь, владеть», и требует в силу своей семантики указания на материальный объект владения, с которым согласуется причастие прошедшего времени. На следующем этапе появляются сочетания с абстрактным, нематериальным объектом или вообще без объекта, в связи с чем утрачивается флексия причастия. Развитие грамматического значения у первоначально посессивного по своему значению оборота завершается с возможностью употребления в нем непереходных глаголов несовершенного вида, например *ich habe geschlafen*, где глагол *haben* может иметь исключительно грамматическую функцию (Жирмунский 2015: 255). При этом значение у зарождающейся аналитической формы было видовое, указывающее на достижение некоторого результата, и лишь впоследствии оно было переосмыслено во временное (Филичева 2003: 91); об этапах развития семантики перфектных форм в индоевропейских языках см. также (Типология результативных конструкций 1983).

Среди доступных работ последних лет проблематика перфектных форм в древнеанглийском освещается в статьях В. А. Бондаря, описывающих критерии выделения перфекта в древнеанглийском (Бондарь 2019), разницу между перфектными формами с глаголами *wesan* и *habban* (Бондарь 2017), а также семантические различия между разновидностями конструкции *habban* + V_{pp} с флектированной и нефлектированной формой причастия (Бондарь 2018).

Таким образом, несмотря на то, что в поле зрения исследователей каждый раз попадают различные аспекты, связанные с формированием и функционированием аналитических форм перфекта с *habban* в древнеанглийском (общая семантика предикативного комплекса, характер связи между его компонентами, наличие или отсутствие флексии у причастия), ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что непременным условием появления таких форм была десемантизация и связанная с ней грамматикализация изначально полнозначного глагола *habban*, который, утратив со временем свое посессивное значение, стал выполнять функцию служебного элемента в сочетании с причастием прошедшего времени. Очевидно при этом, что такая трансформация не могла произойти мгновенно и была растянута во времени. Более того, высока вероятность того, что даже на отдельно взятом синхронном срезе и в рамках отдельных письменных памятников можно обнаружить различные по степени грамматикализации сочетания *habban* с причастием прошедшего времени.

Изложенным предположением определяется цель настоящего исследования, заключающаяся в анализе семантических и структурных закономерностей, присущих сочетанию *habban* + V_{pp} на древнеанглийском этапе как показателей развития аналитических форм с перфектным значением. Актуальность исследования заключается в широком смысле в пополнении данных диахронического изучения древнегерманских языков и сведений об истоках современных перфектных конструкций в английском языке, а в более узком смысле — в реконструкции механизма грамматикализации указанного сочетания и выявлении внутренней логики развития грамматического значения у его первоначально свободных компонентов. Полученные данные могут в дальнейшем иметь применение в ходе сопоставительного анализа схожих направлений грамматикализации в германском ареале или за его пределами.

2. Характеристика материала и методов исследования

В качестве материала для настоящего исследования был взят ряд древнеанглийских поэтических памятников: героико-эпическая поэма «Беовульф» и две религиозных поэмы — «Елена» и «Андрей», авторство первой из которых приписывается Кюневульфу, а автор второй неизвестен. Предполагается, что текст «Андрея» может быть переводом с латинского оригинала, который в свою очередь основан на греческой легенде, однако исследователями было отмечено сходство манеры изложения и лексических особенностей данной поэмы с «Беовульфом». Использование нескольких памятников позволяет, во-первых, получить достаточное количество языковых структур выбранного типа, а во-вторых, провести их анализ и сравнение друг с другом в текстах разного происхождения и времени создания. К примеру, текст «Беовульфа», как считается, бытовал в устной традиции задолго до того, как был фактически

записан, это дает основания полагать, что здесь можно обнаружить аутентичные структуры, уходящие своими корнями в дописьменную эпоху. Методология исследования определяется его целью и включает в себя методы сплошной выборки, контекстуального анализа, а также метод вербоцентрического моделирования, использование которого в других работах схожей тематики не отмечено, но который, как будет показано далее, позволяет сделать важные наблюдения применительно к рассматриваемому языковому явлению.

Приступая к анализу поэтических текстов, нельзя не сделать важную оговорку о том, что язык древнеанглийской поэзии, подчиняющийся особым требованиям жанра, законам ритма и аллитерации, существенно отличается как от сохранившихся текстов всех других жанров, так, по-видимому, и от бытовавших в Средневековье норм устной речи. Уникальное место среди всех поэтических памятников занимает текст «Беовульфа», который демонстрирует, по меткому замечанию М. Годдена, особую степень развитости поэтического языка (Godden 2005: 509) и содержит большое число лексических единиц и их сочетаний, не повторяющихся не только в языке прозы, но даже и в других поэтических произведениях. Несмотря на это, есть основания полагать, что результаты исследования, объектом которого являются формирующиеся глагольные формы перфекта с *habban*, не будут существенно искажены данной особенностью. Характеризуя язык древнеанглийской поэзии, М. Годден указывает, что его специфической особенностью является особый акцент на существительных и прилагательных в ущерб глаголам и наречиям, которые довольно редко входят в круг лексических единиц, фигурирующих исключительно в поэзии. В этом смысле язык поэтических произведений является скорее именным, чем глагольным (там же: 501). В связи с этим можно ожидать, что глагольные конструкции в целом не будут являться уникальными ни в плане словотворчества, ни в части конструктивных особенностей, и их анализ даст вполне объективную картину исследуемого грамматического явления в древнеанглийском. Более того, как будет показано далее, в ряде случаев именно присущая поэзии ритмико-аллитерационная организация стиха поможет выявить некоторые характеристики грамматикализации перфектных форм.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Глагол habban

В своем прямом значении обладания глагол *habban* употребляется в исследованных текстах в 42 случаях (26 в «Беовульфе», 9 в «Андрее», 7 в «Елене»). Как правило, в них идет речь о наличии у персонажей некоторых конкретных материальных объектов, таких как оружие, дом, украшения и т. д. Ср.:

(1) ***Hafa*** *nu ond geheald / husa selest* (Beo, 658) — *имей теперь и охраняй лучший из домов* (орфография примеров здесь и далее сохранена в соответствии с используемыми источниками; перевод примеров здесь и далее наш. — Е. Р.);

(2) ***Næbbe*** *ic fæted gold ne feohgestreon* (Andreas, 302) — *Нет у меня ни украшенного золота, ни денег*.

В некоторых случаях в роли материального объекта обладания выступают люди, и тогда высказывания приобретают переносный смысл, указывая на пребывание (присутствие) этих людей рядом с тем персонажем, который является субъектом предложения. Ср.: (3) ***hæfde*** *wigena to lyt* (Elene, 63) — *имел (при себе) слишком мало воинов*.

В ряде случаев глагол *habban* используется для описания персонажей, указывая на их душевное состояние или некоторые внутренние и внешние качества (сила, мужество, терпение), а также на отношение героев друг к другу. В этих случаях объект обладания выражен существительным с абстрактным значением. Ср.: (4) *þa ðe ...// mægn ond modcræft / mæste* ***hæbben*** (Elene, 407–408) — *те, кто больше всего силы и разума имеют*;

Характерной особенностью тех контекстов, где глагол *habban* реализуется в своем прямом значении обладания, является его активное участие в аллитерации как особом средстве ритмико-интонационного построения и художественной выразительности текста. Наиболее отчетливо данная тенденция проявляется в тексте «Беовульфа», где из всех отмеченных случаев с посессивной семантикой (26) чуть менее половины (12) обнаруживают включенность данного глагола в аллитерационную организацию стиха, напр.: (5) *ne mægð scyne // **h**abban on **h**ealse / **h**ringweorðunge* (Beo, 3016–3017) — *ни одна дева прекрасная не будет иметь на шее украшение (из колец)*. Примечательно, что функцию объекта в таких случаях выполняют, как правило, существительные конкретной семантики. В тексте «Андрея», напротив, можно встретить аллитерационные схемы с абстрактными существительными: (6) *Ne **h**ele se ðe **hæbbe** / **h**olde lare* (Andreas, 1164) — *Пусть не скрывает (свои знания) тот, кто имеет добрые знания*. Случаев аллитерации с полнозначным глаголом *habban* в тексте «Елены» с наименьшей выборкой не выявлено.

3.2. Глагол habban в сочетании с причастием прошедшего времени (habban + Vpp)

Случаи сочетания глагола *habban* с причастием прошедшего времени оказываются во всех проанализированных текстах гораздо более частотными по сравнению с теми предложениями, где он используется как самостоятельный. Общая выборка таких примеров, составляющая 74 единицы (45 в «Беовульфе», 17 в «Андрее», 12 в «Елене»), является семантически неоднородной,

что позволяет разделить все отмеченные случаи на несколько групп в зависимости от семантических характеристик глагола *habban* и сочетающегося с ним причастия.

1. К первой группе относятся те предложения, контекстуальный анализ которых позволяет достаточно четко обнаружить в них значение посессивности, реализуемое предикативным комплексом '*habban* + V_{pp}' за счет указания на некоторое действие, осуществляемое субъектом и непосредственно направленное на объект, и приобретение в результате этого какой-либо выгоды действующим субъектом. Иными словами, субъект, совершая некоторое (зачастую физическое) воздействие в отношении объекта, как бы «получает» последнего в свое владение. Само действие при этом обозначается причастием прошедшего времени, а семантика посессивности, или приобретения, выражается за счет соответствующей формы глагола *habban*. Ср.:

(7) *hu hit Hring-Dene // æfter beorþege /* ***gebun hæfdon*** (Beo, 116–117) — *как его (зáмок) даны после пиршества заняли* (букв. 'имели зáмок занятым, т. е. получили его в свое владение');

(8) *þa þe snyttro cræft // þurh fyrngewrito /* ***gefrigen hæfdon*** (Elene, 154–155) — *те, кто искусство мудрости через древние письмена познали* (букв. 'имели изученным, т. е. получили знания').

Отдельную подкатегорию в рамках первой группы составляют случаи, в которых причастие прошедшего времени образовано от глагола чувственного восприятия или обнаружения, а в роли объекта выступает придаточное предложение как отдельная синтаксическая конструкция, описывающая то, что было услышано или обнаружено действующим субъектом. Ср.: (9) *Nu ic, god dryhten, /* ***ongiten hæbbe*** *// þæt ðu…* (Andreas, 896) — *Сейчас я, Господь Бог, понял, что ты…*

Типологическое сходство с данными примерами обнаруживают случаи, где в придаточном предложении говорится о последствиях действий, совершенных субъектом. Сам субъект приобретает при этом некое новое состояние, напр.: (10) *þu þe self* ***hafast*** *// daedum* ***gefremed*** */ þæt þin dom lyfað // awa to aldre* (Beo, 953–955) — *ты себе делами обеспечил, что твоя слава живет вечно* (букв. 'имеешь себе обеспеченным, что…').

В. Н. Ярцева считает, что способность предикативного комплекса *habban* + V_{pp} сочетаться не только с прямым дополнением, но и с отдельным предложением доказывает развитие перфекта в древнеанглийском как единой грамматической формы, подразумевающей грамматикализацию и превращение *habban* в связочный глагол, хотя и с оговоркой о том, что данный процесс был полностью завершен лишь в среднеанглийский период (Ярцева 2022: 226). В настоящей работе вышеуказанные случаи, тем не менее, относятся к первой группе, где значение обладания все еще достаточно очевидно. Несмотря на то,

что семантика причастий в примерах 9–10 не предполагает осуществления субъектом каких-либо активных действий в отношении объекта, смысл высказываний сводится к получению субъектом в свое обладание некоторой информации или приобретению им нового состояния. В связи с этим есть основания полагать, что полная десемантизация, необходимая для грамматикализации глагола *habban*, еще не происходит, хотя возможность замены прямого дополнения придаточным предложением, безусловно, свидетельствует о расширении возможностей структурной сочетаемости предикативного комплекса. Такое усложнение конструкции и одновременно абстрактный характер объекта способствует некоторому затемнению значения посессивности, проявляющегося у глагола *habban* в сравнении с примерами 7–8, где объект лаконично и точно выражен существительным.

2. Ко второй группе относятся предложения, которые, как и предложения первой группы, имеют субъектно-объектную структуру с прямым дополнением, однако описываемое ими действие во всех случаях носит абстрактный характер и не подразумевает непосредственного, в том числе физического, воздействия на объект. В связи с этим семантика посессивности или приобретения чего-либо субъектом оказывается еще более затемненной, чем в примерах 9–10 в составе первой группы. Ср.:

(11) *ge feor* ***hafað*** */ faehðe* ***gestaeled*** (Beo, 1340) — *и далеко разнес свою злобу* (букв. ‘имеет злобу разнесенную’);

(12) *swa him frea migtig, // scyppend wera, /* ***gescrifen hæfde*** (Andreas, 786–787) — *как ему господь всемогущий, творец людей, предписал* (букв. ‘ему предписанным имел’);

(13) ***hafað*** *mec* ***bereafod*** */ rihta gehwylces* (Elene, 909) — *лишил меня всех прав* (букв. ‘имеет меня лишенным всех прав’).

Как правило, смысл примеров в составе данной группы не подразумевает получения субъектом в свое обладание ни самого объекта, ни чего-либо с ним связанного, ни новой информации или состояния. Иными словами, если в первой группе результат действия, который заключался в обладании чем-либо (кем-либо), имел направленность к субъекту, то в данной группе действие направлено от субъекта вовне (ср. пример 11 выше – не ‘приобрел’ злобу, а, наоборот, ‘разнес’, т. е. ‘распространил’ ее по всему свету). Более того, в предложениях данной группы именно объект зачастую становится обладателем некоторого нового состояния, переживаемого им в результате действий субъекта (см. примеры 12–13).

Отличительной особенностью предложений второй группы является частое расширение их структурной схемы за счет дополнительных участников описываемой ситуации, которые отсутствовали в предложениях первой группы, а также во всех случаях самостоятельной реализации глагола *habban*. Такое

расширение может быть наглядно описано в терминах вербоцентрической концепции, в значительной степени разработанной на материале немецкого и нидерландского языков (см., к примеру, [Helbig, Buscha 1974; Миронов и др. 2001] и доказавшей ранее возможность ее применения к древнеанглийскому материалу (см. [Рючина 2006]). Так, если в примерах 7–10 глагол или предикативный комплекс управляет всего лишь одним правым актантом-объектом (понятия «левого» и «правого» актанта относятся в первую очередь к их составу, хотя и расположение их по отношению к предикативному центру зачастую соответствует принятым названиям), то здесь его валентность допускает включение в схему предложения дополнительных актантов. В круг их семантических ролей могут входить адресат, бенефициант, инструменталис, локатив и проч. Ср.:

(14) *swa* ***him*** *sio rice cwen // … beboden hæfde* (Elene, 411–412) — *как им могущественная королева… приказала*;

(15) *hæfdon ealfela / eotena cynnes //* ***sweordum*** *gesaeged* (Beo, 883–884) — (*они*) *многих из рода гигантов мечами сразили*; см. также примеры 11–13.

Представляется, что именно такое структурное усложнение конструкции предложения, которое становится очевидным при сопоставлении примеров первой и второй группы, равно как и более абстрактная семантика глагола, от которого образовано причастие прошедшего времени в приведенных примерах, способствует дальнейшему ослаблению посессивного значения глагола *habban*. Данная тенденция, отмеченная в некоторых примерах первой группы, получает дальнейшее развитие с появлением в структуре предложений новых актантов, которые способствуют тому, что в центре внимания оказывается не значение обладания, а характеристики того действия, которое описывается причастием прошедшего времени. Иными словами, семантический фокус сочетания *habban* + V_{pp} смещается с глагола *habban* на причастие, а вся конструкция приобретает значение результативности действия.

3. К третьей группе относятся немногочисленные случаи сочетания глагола *habban* с причастием прошедшего времени, образованным от непереходных глаголов, не имеющих прямого объекта (3 в «Беовульфе», по одному в «Андрее» и «Елене»). Ср.:

(16) ***Hæfde*** *ða* ***forsiðod*** */ sunu Ecgþeowes* (Beo, 1550) — *Тогда он погиб, сын Эггтеова*;

(17) ***Hæfde*** *þa se æðeling / in* ***geþrungen*** (Andreas, 991) — *тогда тот благородный вождь внутрь зашел*;

(18) *to hyðe hringedstefnan //…* ***geliden hæfdon*** (Elene, 248–249) — *к пристани корабли… поплыли*.

В этих примерах тенденции десемантизации и грамматикализации глагола *habban* в составе аналитической формы проявляются в наибольшей степени, а грамматическое значение конструкции *habban* + V_{pp} все больше приближается

к современным формам перфекта, указывающим на завершенное действие, которое имеет при этом связь с настоящим. Суть процесса грамматикализации как проявления динамического характера языка сводится к тому, что некоторые абстрактные грамматические значения, не имеющие для себя готовых форм выражения, заимствуют такие формы у лексических единиц, что и становится первой ступенью трансформации в стремлении говорящих решить необходимые для них коммуникативные задачи (подробнее о грамматикализации см., напр., [Hopper, Traugott 1993; Fischer et al 2000: 284–320; Голубева 2017]). Примечательно, что развитие аналитических форм перфекта с участием посессивного глагола «иметь» является распространенным направлением грамматикализации, отмечаемым во многих языках, которые не имеют между собой генетической связи или давно разошлись в историческом развитии (Ярцева 1980: 27; Fischer 2006: 141). По-видимому, данный факт свидетельствует о единой для всех языков когнитивной основе перфектных форм, которые, как и любые другие грамматические явления, суть не что иное, как способ осмысления человеком окружающей действительности. Говоря иначе, возможность описания текущей результативности ранее свершившегося действия через сочетание с глаголом «иметь» может быть одной из базовых когнитивных схем, реализующихся в человеческом сознании вне зависимости от принадлежности к конкретному языковому коллективу. Данная идея, равно как и противопоставление форм с глаголом «иметь» и «быть», положена в основу ряда философских концепций (см., напр., [Марсель 1994]).

Описывая процесс грамматикализации, сопровождающий развитие перфектных форм в древнеанглийском, О. Фишер отмечает, что структурный и семантический сдвиг претерпевали не только сами конструкции, но и те контексты, в которых они употреблялись. По мере того, как посессивная семантика глагола *habban* ослабевала, он приобретал возможность сочетаться с элементами предложения, не способными выполнять функцию аргумента или дополнения при глаголах обладания (Fischer 2006: 139–140). Данное замечание в целом подтверждается настоящим исследованием. На рисунке представлено схематичное изображение отмеченных в текстах структурных и семантических изменений объекта в конструкции *habban* + V_{pp}, которые сопровождали грамматикализацию посессивного глагола и идиоматизацию его сочетания с причастием в целом. На первом этапе (1) данная конструкция, выступая в роли предикативного центра предложения, управляет одним правым актантом, способным исполнять роль прямого объекта, в том числе при глаголах обладания (примеры 7–10). На втором этапе (2) правая валентность перфектной конструкции расширяется за счет дополнительных актантов, не являющихся прямыми объектами, а семантический центр конструкции смещается на причастие — именно оно требует наличия этих актантов (11–15). Значение

результативности, присущее конструкции в целом, становится более очевидным. На третьем этапе (3) рассматриваемая конструкция получает возможность употребления с непереходными глаголами, которые не имеют прямого объекта, но допускают наличие актантов — непрямых объектов (примеры 16–18), что указывает на высшую степень грамматикализации глагола *habban* и оформление конструкции в качестве полноценной перфектной формы.

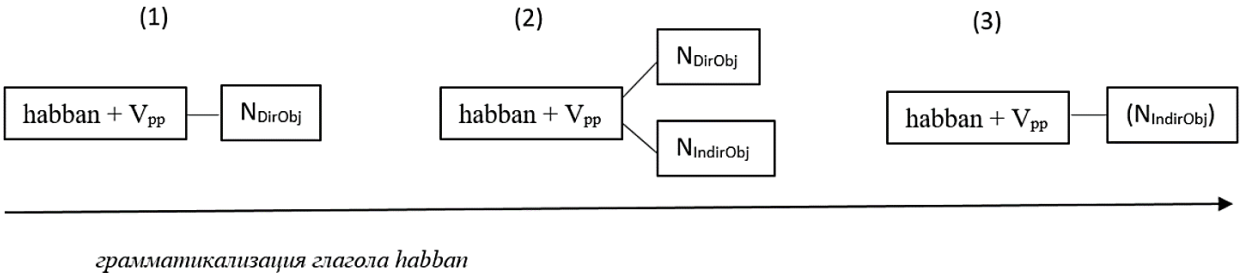

Рис. Развитие объекта в перфектной конструкции с *habban*

Завершая обсуждение структурных и семантических особенностей конструкции *habban* + V_{pp} в тексте древнеанглийских поэтических памятников, нельзя не отметить существенные различия в отношении включенности глагола *habban* в аллитерационную схему в тех случаях, когда он выступает в роли полнозначного глагола, по сравнению с теми контекстами, где он является компонентом указанной конструкции, причем ярче всего эти особенности проявляются в тексте «Беовульфа», где общая выборка оказывается наибольшей. Так, если из 26 случаев самостоятельного использования *habban* в «Беовульфе» аллитерация отмечена в 12 случаях, то в составе перфектной формы он аллитерирует всего в двух контекстах на 45 случаев употребления (см. Табл.). Представляется, что даже с учетом ранее высказанных замечаний о том, что язык древнегерманского героического эпоса делает больший смысловой и ритмико-интонационный акцент на именах, чем на глаголах, расхождение такого масштаба не может быть случайным совпадением. Суть аллитерации в древнегерманском стихосложении состояла в использовании одинаковых согласных для выделения ударных слогов полустишия и придания тексту особой музыкальности и выразительности. Следует полагать, что глагол *habban* в составе формирующейся перфектной конструкции был лишен такого потенциала с точки зрения средневекового поэта и воспринимался иначе по сравнению с теми контекстами, где он употреблялся самостоятельно. В связи с этим можно сделать вывод о том, что определенная степень идиоматизации конструкции, подразумевающая ту или иную степень ослабления семантики *habban*, присуща всем случаям ее реализации вне зависимости от их структурных характеристик.

Таблица. Участие глагола *habban* в аллитерации в тексте «Беовульфа»

	Общее число употреблений, ед.	Контексты с аллитерацией, ед.	Доля аллитерирующих контекстов от общего числа, %
habban в роли полнозначного глагола	26	12	46
habban в сочетании с причастием прошедшего времени	45	2	4

4. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, употребление глагола *habban* в сочетании с причастием прошедшего времени в изученных текстах оказывается значительно более частотным, чем его самостоятельное употребление в роли посессивного глагола. Это свидетельствует, с одной стороны, о расширении его функционального потенциала, когда с ослаблением значения посессивности он получает возможность выступать в составе единого предикативного комплекса, используемого для описания крайне широкого спектра всевозможных действий и состояний. С другой стороны, распространенность конструкции *habban* + V_{pp} свидетельствует также о том, что процесс формирования перфекта в древнеанглийском уже набрал достаточную силу, поскольку именно частотность, или повторяемость, формы является ключевым фактором в ходе ее грамматикализации (Fischer 2006: 142).

Во-вторых, анализ всех случаев реализации конструкции *habban* + V_{pp} в текстах позволил установить семантическую неоднородность выборки, сопровождающуюся структурными различиями в организации предикатно-актантной схемы соответствующих предложений. Так, значение посессивности глагола *habban* оказывается наиболее явным в тех случаях, когда предикативный комплекс управляет одним правым актантом — прямым дополнением. С расширением круга правых актантов тенденции десемантизации *habban* усиливаются, а семантический центр конструкции переходит к причастию. При использовании причастий непереходных глаголов актанты могут носить факультативный характер, грамматикализация *habban* как вспомогательного глагола оказывается наиболее очевидной, а значение всей конструкции становится идентичным современным формам перфекта в английском языке.

Наконец, были выявлены существенные различия в участии глагола *habban* в аллитерационных схемах в зависимости от его реализации самостоятельно или в составе формирующейся перфектной конструкции. Аллитерация, таким образом, послужила дополнительным инструментом языкового анализа

и позволила обнаружить разницу в восприятии семантического и функционального потенциала *habban* говорящими. Данное наблюдение подтверждает его особый статус в составе конструкции *habban* + V_{pp} уже на древнем этапе развития английского языка.

Список литературы / References

Бондарь В. А. Перфект и формы второго причастия в древнеанглийском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 4. С. 55–67. [Bondar, Vladimir A. (2018) Perfekt i formy vtorogo prichastiya v drevneangliijskom jazyke (The Perfect Tense and the Forms of Past Participle in Old English). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, Vol. 17, 4, 55–67. (In Russian)]. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.5.

Бондарь В. А. Перфект в древнеанглийском языке: критерии выделения / Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1 (16). С. 100–107. [Bondar, Vladimir A. (2019) Perfekt v drevneanglijskom jazyke: kriterii vydelenija (Perfect Tense Forms in Old English: Identification Criteria). *Verkhnevolzhski Philological Bulletin*, 1 (16), 100–107. (In Russian)].

Бондарь В. А. Habban + причастие II с глаголами движения в древнеанглийском языке // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 75–91. [Bondar, Vladimir A. (2017) Habban + prichastie II s glagolami dvizhenija v drevneanglijskom jazyke (Habban + participle II with Motion Verbs in Old English). *Voprosy jazykoznanija*, 5, 75–91. (In Russian)]. DOI: https://doi.org/10.31857/S0373658X0001031-3.

Голубева Н. А. Грамматикализация как стратифицирующий фактор категориальной семантики в современном немецком языке // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе. М.: «Канцлер», 2017. С. 81–89. [Golubeva, Nadezhda A. (2017) Grammatikalizatsiya kak stratifitsiruyushchij factor kategorialnoj semantiki v sovremennom nemetskom jazyke (Grammatikalization as the Stratification Factor of Categorial Semantics in the Modern German Language). In *Grammaticheskie kategorii germanskih yazykov v antropocentricheskoj perspektive* (Grammar Categories of Germanic Languages in the Anthropocentric Perspective). Moscow: Kantsler, 81–89. (In Russian)].

Жирмунский В. М. История немецкого языка. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2015. [Zhirmunskij, Viktor M. (2015) *Istoriya nemetskogo yazyka* (The History of German Language). Moscow: URSS: Lenand. (In Russian)].

Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола: Колл. монография / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Издательство «Наука», 1977. [Yartseva, Viktoriya N. (ed.) (1977) *Istoriko-tipologicheskaja morfologija germanskikh jazykov. Kategorija glagola: Kollektivnaya monografiya* (Historic and Typological Morphology of Germanic Languages: Collective Monograph). Moscow: Nauka. (In Russian)].

Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. [Katsnelson, Solomon D. (2010) *Istoriko-grammaticheskie issledovaniya* (Historic and Grammar Research). Saint Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo. (In Russian)].

Марсель Г. Быть и иметь. Пер. с франц. Новочеркасск: Сагуна, 1994. [Marsel, Gabriel. (1994) *Byt i imet* (To Be and to Have). Novocherkassk: Saguna. (In Russian)].

Миронов С. А., Зеленецкий А. Л., Дренясова Т. Н. Историческая грамматика нидерландского языка. Книга 2: Синтаксис, заключение. Калуга: «Облиздат», 2001. [Mironov, Sergej

A., Zelenetskij, Aleksandr L., & Drenyasova, Tat'yana N. (2001) *Istoricheskaja grammatika niderlandskogo jazyka. Kniga 2: Sintaksis, zaklyuchenie* (Historic Grammar of the Dutch Language. Book 2: Syntax, Conclusion). Kaluga: Oblizdat. (In Russian)].

Типология результативных конструкций: (Результатив, статив, пассив, перфект) / Отв. ред. Недялков В. П. Ленинград: Наука, 1983. [Nedyalkov, Vladimir P. (ed.) (1983) *Tipologiya resultativnykh konstruktsij: (Rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)* (The Typology of Terminative Structures: (Effective, Static, Passive, Perfect)). Leningrad: Nauka. (In Russian)].

Рючина Е. В. Двухместные предикаты в древнеанглийском: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2006. [Ryuchina, Elena V. (2006) *Dvukhmestnye predikaty v drevneanglijskom*: Avtoref. dis. … kand. filol. nauk (Binary Predicates in Old English: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].

Смирницкая О. А. Происхождение аналитической формы перфекта в древних германских языках: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1965. [Smirnitskaya, Ol'ga A. (1965). *Proiskhozhdenie analiticheskoj formy perfekta v drevnikh germanskikh jazykakh*: Avtoref. dis. … kand. filol. nauk (The Origin of Analytical Perfect Verb Forms in old Germanic Languages: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].

Филичева Н. И. История немецкого языка. М.: Издательский центр «Академия», 2003. [Filicheva, Ninel' I. (2003) *Istorija nemetskogo jazyka* (The History of the German Language. Moscow: Akademiya. (In Russian)].

Ярцева В. Н. «Языковой тип» среди сопредельных понятий // Теоретические основы классификации языков мира / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1980. С. 24–61. [Yartseva, Viktoriya N. (1980) «Yazykovoj tip» sredi sopredelnykh ponyatij ("Language Type" Among the Related Concepts). In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Teoreticheskie osnovy klassifikacii yazykov mira* (Theoretical Foundations of the Classification of the Languages of the World). Moscow: Nauka. (In Russian)].

Ярцева В. Н. Исторический синтаксис английского языка. М.: ЛЕНАНД, 2022. [Yartseva, Viktoriya N. (2022) *Istoricheskij sintaksis anglijskogo jazyka* (The Historic Syntax of the English Language). Moscow: LENAND. (In Russian)].

Fischer, Olga, van Kemenade, Ans, Koopman, Willem, & van der Wurff, Wim. (2000) *The Syntax of Early English*. Cambridge: Cambridge University Press.

Fischer, Olga, & van der Wurff, Wim. (2006) Syntax. In Hogg, Richard, & Denison, David (eds.) *A History of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 109–198.

Godden, Malcolm R. (2005) Literary Language. In Hogg, Richard (ed.) *The Cambridge History of the English Language*. *Volume I. The Beginnings to 1066.* Cambridge: Cambridge University Press, 490–534.

Helbig, Gerhard, & Buscha, Joachim. (1974) *Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Leipzig: Enzyklopädie. (In German).

Hopper, Paul J., & Traugott, Elizabeth C. (1993) *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.

Johannsen, Berit. (2016) From possessive-resultative to perfect? Re-assessing the meaning of [hæbb- + past participle] constructions in Old English prose. In Werner, Valentin, Seoane, Elena, & Suárez-Gómez, Cristina. (eds.) *Re-assessing the Present Perfect*. Berlin, Boston: Walter de Gruyter GmbH, 23–41.

Lecki, Andrzej. (2010) *Grammaticalisation Paths of **Have** in English*. Frankfurt am Main: Peter Lang. (Series: Studies in English Medieval Language and Literature 24).

УДК 81’374; 81’342
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-37-55

ОПИСАНИЕ ЗВУКОВОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В РАБОТАХ ЯКОБА РОДДЕ

А. В. Иванов [1], Р. А. Иванова [2]

[1] Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия
[2] Нижегородский институт развития образования, Нижний Новгород, Россия

В статье исследуется научно-педагогическое наследие Якоба Родде (1723 / 1725 – 1789), лингвиста и педагога немецкого происхождения, автора учебника *Russische Sprachlehre* (1773) и нескольких русско-немецких словарей. Учебник Родде был третьим, после грамматик В. Е. Адодурова и М. В. Ломоносова, в ряду учебных пособий по грамматике русского языка, написанных для немецкоязычного читателя на немецком языке. Целью работы является изучение метаязыковых средств, применяемых Родде при создании учебника, а также способов организации и репрезентации фонетического и графического материала в сопоставлении с аналогичным материалом, представленным в грамматиках Адодурова и Ломоносова. Особое внимание уделяется дидактическим приемам автора, раскрывающим его подходы к обучению иностранцев русской фонетике и графике. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью способов и средств описания графики и фонетического строя русского языка, реализованных Родде в учебнике *Russische Sprachlehre* с учетом его целевой аудитории. В ходе исследования используются методы историко-лингвистического анализа, а также сравнительного анализа текстов и метаязыковых средств, применяемых авторами русских грамматик для иностранцев. Делается вывод о том, что основной качественной особенностью, выделяющей грамматику Родде из числа грамматик, издававшихся в XVIII в., выступает ее практико-ориентированная направленность. В основу описания фонетического строя русского языка Родде кладет не строгие классификационные признаки русских звуков, а стремится научить иностранного читателя правильно их произносить с опорой на усвоенные с детства произносительные навыки и артикуляционный уклад, свойственные родному языку. Использование латинской терминологии как метаязыкового средства представляется типичным для такого рода учебных лингвистических работ, что свидетельствует о слабой разработанности и недостаточной степени конвенцио-нализованности своеязычной терминологии языкознания в XVIII в.

Ключевые слова: Якоб Родде; русская грамматика; фонетика; средства графики; лингвистическая терминология; дидактические приемы, историко-лингвистический анализ.
Цитирование: Иванов А. В., Иванова Р. А. Описание звукового строя русского языка в работах Якоба Родде // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 3 (71). С. 37–55. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-37-55.

Descriptions of the Phonetic Structure of Russian in Works by Jacob Rodde

Andrey V. Ivanov [1], Rimma A. Ivanova [2]

[1] Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
[2] Nizhny Novgorod Institute of the Education Development

The article examines the scientific and pedagogical heritage of Jacob Rodde (1723 / 1725 – 1789), a linguist and teacher of German origin, the author of the textbook *Russische Sprachlehre* (1773) and several Russian-German dictionaries. Rodde's textbook was the third, after the grammars of V. Ye. Adodurov and M. V. Lomonosov, in a series of textbooks on Russian grammar written in German for the German-speaking reader. The aim of the present research is to study the metalinguistic means used by Rodde in creating the textbook, as well as the methods of organizing and representing phonetic and graphic material in comparison with similar material presented in the grammars of Adodurov and Lomonosov. Particular attention is paid to the author's didactic methods, revealing his approaches to teaching Russian phonetics and graphics to foreigners. The relevance of the study is determined by insufficient attention paid by scholars to the methods and means of describing the graphic and phonetic structure of the Russian language, implemented by Rodde in the textbook *Russische Sprachlehre*, especially if one takes into account its target audience. The study uses the method of historical-linguistic analysis, as well as that of comparative analysis of texts and metalinguistic means used by the authors of Russian grammars for foreigners. The study concludes that the main qualitative feature that distinguishes Rodde's grammar from the grammars published in the 18th century is its practice-oriented focus. Rodde does not base his description of the phonetic structure of Russian on strict classification features of Russian sounds, but seeks to teach the foreign reader to pronounce them correctly based on the pronunciation skills acquired since childhood and the positions of articulatory organs characteristic of speech in their native language. The use of Latin terminology as a metalinguistic means seems typical for this type of educational linguistic works, which indicates a fairly weak development and an insufficient degree of conventionalizing native-language linguistics terminology in the 18th century.

Key words: Jacob Rodde; Russian grammar; phonetics; means of graphics; linguistic terminology; didactic techniques; historical-linguistic analysis.

Citation: Ivanov, Andrey V., & Ivanova, Rimma A. (2025) Descriptions of the Phonetic Structure of Russian in Works by Jacob Rodde. *LUNN Bulletin*, 3 (71), 37–55. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-37-55.

1. Введение в проблематику исследования

Немецкий лингвист и лексикограф Якоб Родде (Jacob Rodde) (1723 / 1725 – 1789) известен в России и в Германии как автор учебника по русской грамматике *Russische Sprachlehre*, выдержавшего в период с 1773 по 1789 г. несколько переизданий, и составитель двух словарей — *Deutsch-Russisches Woerterbuch* (1784) и «Российской лексикон по алфавиту / изданный Яковом Родде» (1784). О нем известно, что родился он в Москве и происходил из балтийской ветви любекского купеческого рода Родде, учился в Галле, был государственным служащим и занимал должность секретаря и переводчика

в Рижском магистрате. Его биография, изложение которой здесь не является нашей задачей, тщательно изучена и описана в работах ряда исследователей, ссылки на работы которых приводятся в этой статье. Нас интересует прежде всего научное наследие Родде, иллюстрирующее его значительный вклад в популяризацию русского языка за рубежом, прежде всего в Германии.

В 1773 г. Родде опубликовал в издательстве И. Гарткноха на немецком языке в Риге свой самый успешный и востребованный труд — учебник *Russische Sprachlehre*, который переиздавался три раза (1778, 1784, 1789). «Четыре издания учебника Родде, — как замечает В. Бернхаген, — показывают, насколько серьезно издательство Гарткноха воспринимало веяния времени. С середины XVIII века немецкие читатели знакомились с русской литературой в немецких переводах, в частности, благодаря журналу Готшеда “Neuestes aus der anmuthigen Gelehrsamkeit”, и стремление к изучению языка оригинала стало для многих первостепенным» (здесь и далее перевод наш. — А. И., Р. И) («Die insgesamt 4 Auflagen des Roddeschen Lehrbuchwerkes beweisen auch, wie stark das Verlagsunternehmen Hartknoch die Zeichen der Zeit verstanden hatte. Nachdem bereits seit der Mitte des 18. Jahrhunderts deutsche Leser besonders durch die Gottschedsche Zeitschrift “Neuestes aus der anmuthigen Gelehrsamkeit” mit der russischen Literatur in der deutschen Übersetzung vertraut gemacht waren, trat der Drang, die Originalsprache zu erlernen, bei vielen Menschen in den Vordergrund») (Bernhagen 1968: 119).

Именно поэтому современниками труд немца Родде был принят благосклонно, поскольку автором ее выступил человек, действительно любивший русский язык и отдававший должное его богатству, красоте и мягкости звучания. Последний эпитет (мягкость звучания) вызывает особый интерес, поскольку позволяет обратиться к фонетическому аспекту бытования языка, который ранее не был объектом подробного исследования в работах, посвященных Родде. Наверное, только такой человек мог написать о звуковом строе русского языка, который был постоянным предметом его научного интереса, следующее: «Русский язык отличается мягкостью и приятным звучанием, поскольку многие согласные в большинстве случаев сочетаются с мягко звучащими гласными, но даже если они сочетаются с твердыми гласными, то все же в произношении одна из мягких гласных придает согласной мягкое звучание» («Die russische Sprache ist... sanft und wohllautend: weil die vielen Mitlauter mehrentheils mit gelinden Vocalen zusammenstehen, und wenn sie auch mit harten Vocalen zusammenkommen, dennoch in der Aussprache Einer von den gelinden Vocalen sanft untergeschoben wird») (Rodde 1778: предисл.).

По сравнению с другими авторами у Родде было преимущество — будучи немецем по происхождению, он прекрасно владел русским языком, что давало ему возможность «без сомнительной помощи переводчиков... черпать

знания о России непосредственно из русских источников» (Keipert 2006: 101; цит. по: Лукин 2024: 23).

В основу учебника Родде были положены грамматические идеи, заложенные В. Е. Адодуровым в очерке *Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache* (1731) и М. В. Ломоносовым в его *Rußische Grammatick* (1764; пер. И. Ставенхагена). Эти работы, опубликованные на немецком языке, стали первыми и, пожалуй, единственными доступными для иностранцев и в достаточном мере авторитетными источниками, с помощью которых они могли изучать русский язык. Несмотря на влияние, оказанное этими работами на Родде, нельзя сказать, что он просто обработал и адаптировал их к нуждам немецкого читателя. С. В. Власов и его коллеги, изучив грамматику Родде в сопоставлении с упомянутыми выше и некоторыми другими работами, пришли к выводу, что его труд представляет собой оригинальное произведение, которое следует рассматривать как творческую интерпретацию грамматических идей Адодурова и Ломоносова, попытку переосмыслить или дополнить эти идеи, выразить собственные лингвистические взгляды, педагогический опыт, учесть потребности целевой аудитории и др. (Власов, Волков, Московкин 2020: 694). По этой причине учебник Родде стал «самым значимым произведением Я. М. Родде, навсегда вписавшим имя его автора в историю отечественного языкознания и отечественной культуры» (Лукин 2023: 185, 2024: 23–24).

Еще одной сильной стороной грамматики Родде явилось практическое применение дидактических и педагогических концепций автора, нашедших свое выражение в презентации и объяснении языкового материала. Известно, что «с конца XVII и весь XVIII в. российская школа находилась под сильным влиянием немецкой педагогической мысли, а немецкие ученые и педагоги играли значительную роль в становлении школьного дела в России» (Смагина 2008: 205). Грамматика Родде в этом отношении не стала исключением, поскольку, с позиций дидактической теории учебника неродного языка, автору удалось реализовать в ней комбинацию педагогического и лингвистического подходов (подробнее о подходах см. в [Московкин 2018; Московкин, Кусал 2018]).

Целью нашего исследования является изучение метаязыковых средств и способов репрезентации фонетического и графического материала в учебнике Родде *Russische Sprachlehre*, изданном для иностранного читателя, в сопоставлении с аналогичным материалом, представленным в грамматиках русского языка Адодурова и Ломоносова.

Задачи исследования: 1) проанализировать структуру и содержание фонетического раздела учебника Родде; 2) методом сплошной выборки отобрать и проанализировать специальные языковые единицы, используемые Родде в целях описания графических средств, а также явлений, свойственных русскому

вокализму и консонантизму; 3) сопоставить полученные данные с результатами исследования аналогичных разделов в грамматиках Адодурова и Ломоносова.

Актуальность исследования определяется слабой изученностью дидактических подходов и способов описания графики и фонетического строя русского языка, реализованных Родде в учебнике *Russische Sprachlehre* с учетом его целевой аудитории.

В ходе исследования использовались методы историко-лингвистического анализа, сравнительного анализа текстов и метаязыковых средств, применяемых авторами русских грамматик для иностранцев.

2. Результаты исследования и их обсуждение

2.1. Структура и содержание фонетико-орфографического (первого) раздела грамматики Родде

2.1.1. Состав русского алфавита (Rodde 1773: 2–4, 1778: 2–5)

В издании 1773 г. Родде приводит 39 букв русского алфавита, показывая их прямое и курсивное написание, а также названия букв с переводом на немецкий язык. Сравнение алфавитов в изданиях 1773 и 1778 гг. выявляет различие в количестве букв. В издании 1778 г. алфавит насчитывает 38 букв. Исключена буква «икъ», которая исчезла из гражданской печати еще во времена Петра I в связи с реформой русского алфавита, но сохранялась в церковно-славянской печати, передавая гласный /u/ (Иванова 2001: 25). Родде приводит ее в составе букв, хотя отмечает, что «в сегодняшней печати она более не употребляется». Ее исключение объясняется тем, что в обоих алфавитах присутствует буква У, имеющая то же звуковое значение. Об этом, кстати, пишет сам Родде в комментариях к алфавиту, поясняющих некоторые трудности, с которыми могут столкнуться иностранцы, изучающие русский язык. Отмечается, что «икъ» и У передают один и тот же звук, но различение этих букв оправдано тем, что они (1) продолжают использоваться в печатных книгах, в особенности в церковной печати, (2) встречаются в старопечатных книгах и рукописях, а также на старинных монетах и имеют числовое значение, знать которое необходимо. В частности, у буквы «ик» числовое значение в соответствии с ее порядковым местом было 400.

Кроме букв У и «икъ» еще несколько пар букв используются для передачи одного звука, но имеют разное числовое значение. К этим парам букв относятся S (зѣло) и З (земля), Ф (фертъ) и Ѳ (фита), И (иже) и Ї. Родде дает пояснения к двум указанным выше парам, конкретизируя узус Ї, которая употребляется в случае, если после нее следует И, а также фиты, которая встречается только в словах греческого происхождения, заменяя собой греческую тету Θ.

Интересны рассуждения Родде о важности включения в состав алфавита буквы Э, которая, по его мнению, используется носителями языка в основном в словах иностранного происхождения, начинающихся с Е, а также в словах исконного происхождения, в которых начальное Е произносится как /э/, в отличие от слогов, начинающихся с Е или Ѣ, которые произносятся как /je/. Примечательно, что написание через Э характерно, как пишет Родде, для «новейших русских книг», что отражает факт относительно недавнего, с его точки зрения, появления и постепенного вхождения оборотного Э в русскую графику.

2.1.2. Раздел «О буквах» и правила русского произношения (Rodde 1773: 4–9, 1778: 5–10)

Этот раздел во втором и последующих изданиях грамматики Родде не претерпел особых изменений по сравнению с первым ее изданием. Описание особенностей русского произношения в значительной мере опирается на аналогичный материал «Русской грамматики» Ломоносова и касается не всех звуков, передаваемых буквами русского алфавита, но только тех, которые имеют какие-либо отличия от звуков, передаваемых аналогичными буквами немецкого алфавита. По этой причине подробно описывается прежде всего произношение русских букв Г, Е, Ж, Ъ, Ы, Ь, Ѣ, Ю, Я.

Звук, передаваемый буквой Г (глаголь), выступает в трех вариантах реализации. 1) Произносительный вариант /h/ (соответствует немецкому /h/ (Hauch-Laut). В предложенных примерах обнаруживается некоторая непоследовательность в оценке звукового значения этого варианта. Так, слово *богъ* (boh) и его формы в косвенных падежах имеют, с точки зрения Родде, одинаковый конечный корневой согласный, хотя в форме им. п. ед. ч. этот согласный реализуется как /h/, а в иных приводимых в качестве примера падежных формах в соответствии с правилами русского произношения он должен реализовываться как заднеязычный звонкий взрывной /g/. Очевидно, что Родде не видит отличия взрывного /g/ от фрикативного /ɦ/, свойственного, скорее, южнорусскому варианту реализации этого звука, поэтому в его транслитерации эти формы выглядят как bohi, hosudar, hospodin. 2) Произносительный вариант /k/ как результат оглушения звонкого согласного в конце слова (по аналогии с явлением, называемым в немецкой фонетике Auslautverhärtung). 3) Произносительный вариант /x/ (соответствует немецкому заднеязычному велярному /x/ (Ach-Laut), передаваемому на письме в виде буквосочетания ch). Здесь снова среди прочего в качестве примера приводится слово *богъ*, но уже в иной транслитерации: boch. При этом, если сравнить способы графической передачи немецкими буквами русских букв Г и Х, обозначающих звуки разного способа образования, которые во времена Родде называли «буквами другаго рода (heterogenea)» (Протасов 1788: 5–6), окажется, что для этого Родде использует одно и то же буквосочетание ch. Как видим, описание вариантов

реализации звука, передаваемого буквой Г, максимально приближено к артикуляционному укладу носителей немецкого языка.

Буква Е (есть) в фонетическом отношении может быть реализована несколькими способами. 1) Йотированный (йотованный) звук /je/, встречающийся в начальной позиции в слоге. 2) Йотированный звук /jo/, соответствующий букве Ё, которая не входила в состав русского алфавита того времени и графически передавалась в словах либо как Е, либо как буквосочетание і͡о. Это буквосочетание в форме jo использует и Родде, транслитерируя так эту букву в позиции после Ь, в середине слов или в уменьшительных формах, оканчивающихся на -екъ (-jok). Попутно приводится описание артикуляции этого звука: «das i wenig, das o aber desto mehr zu hoeren ist».

Буква Ж (живѣте) передает звук, реализуемый мягче, чем немецкое sch /ʃ/, и фонетически уподобляется французскому g /ʒ/.

Описание произносительных особенностей букв Ъ (ер) и Ь (ерь) Родде сопровождает подробными комментариями в сноске под звездочкой. Обе буквы имеют название «Final-Zeichen», различаясь, однако, по размеру: Ь — «das klein Final Zeichen» и Ъ — «das große Final-Zeichen». Оба знака ставятся в конце слов, оканчивающихся на согласную букву, и оба не имеют звукового значения, будучи отнесены к так называемым «безгласным буквам» («Das Ъ und ь haben keinen Laut, und sind stumme Buchstaben»). Изобретение этих букв еще с древнейших времен, как полагает Родде, имело целью каким-либо образом обозначить конечный звук («Endigungslaut») в слове. Все инфинитивные глагольные формы оканчиваются на Ь, в отличие от форм 3 л. ед. ч. наст. вр., которые оканчиваются на Ъ (напр., *любит**ь*** — *любит**ъ***). Родде говорит о мягком произнесении конечного согласного в первом случае и о его твердости — во втором, причем во втором случае конечный согласный произносится со слабым призвуком /i/. Этот призвук автор уподобляет некоему призвуку, который слышен в немецких словах типа *Wohl*, *Sohn*, которые он транслитерирует средствами русского алфавита как «воль», «сонь». Очевидно, что речь здесь идет о палатализованных конечных согласных в отличие от непалатализованных, встречающихся, к примеру, в словах *Dach* или *von*, которые в авторской транслитерации выглядят соответственно как «дахъ» и «фонъ». Сейчас сложно объяснить, что дало Родде основания считать конечный согласный в словах *von* и *Sohn* в одном случае палатализованным, а в другом — нет.

Кроме случаев употребления букв Ъ и Ь в конечной позиции в слове Родде описывает также случаи их использования в середине слова в позиции после согласного или перед гласным. В последнем случае оба знака используются как индикатор йотации последующего гласного (напр., *отъ**е**хать, пью, пь**я**ный*). Автор отмечает, что буква Ь в середине слова между согласными вызывает артикуляционные сложности у немцев, изучающих русский язык, что

приводит к возникновению произносительных ошибок. Немцы артикулируют сочетание предшествующего согласного и Ь как сочетание согласного и /i/ (напр., ль /li/). В дидактических целях Родде поясняет, что выраженная мягкость согласного, предшествующего букве Ь, исключает произнесение /i/ как звука, имеющего собственное фонетическое значение.

Букву Ы (еры) Родде уподобляет немецкому буквосочетанию uy, которое в его время относили к разряду дифтонгов (см., напр., в *Die Kayserliche deutsche Grammatik* И. Антесперга или *Anleitung zur deutschen Sprachkunst* Х. Брауна) (Иванов 2022б; Ivanov 2023). При произнесении обе гласные, как полагает автор грамматики, сливаются в одну, что дает звук, приближенный к звучанию этой русской буквы.

Буква Ѣ (ять), как поясняет Родде, встречается в начале слога и имеет звуковое значение йотированной Е (je), а в середине и в конце слога уподобляется французской букве É, стоящей обычно под острым ударением (accent aigu) и передающей закрытый звук /e/ в фонетически открытых слогах. Во времена Родде такая буква носила название «мужеской буквы». Ср.: «Нѣкоторые искусные писцы раздѣляютъ букву е, на *мужескую*, *женскую* и *отверзтую*. *Мужескою* у нихъ называется она, когда имѣетъ крепкое и ясное произношение, въ знакъ чего принимаетъ всегда удареніе острое (é)...» (Каржавин 1794: 45).

Буква Ю отнесена Родде к разряду йотированных по тем признакам, которые он упоминает в своем описании фонетических особенностей звука, передаваемого этой буквой. Как /ju/ эта буква произносится, когда стоит в начале слога или после гласной (ср. нем. *Jugend*). В позиции после согласной эта буква реализуется как /iu/ со слабым призвуком /i/ в начальной фазе артикуляции. В сноске Родде делает оговорку, отмечая, что в этой позиции она представляет серьезную артикуляционную трудность для изучающих русский язык, поэтому только разговорная практика, а не правила, научит иностранца правильно выговаривать как ее, так и букву Я. Последняя также может быть отнесена к йотированным, поскольку реализуется в речи как /ja/ в начале слога (ср. нем. *Jagd*), а в середине слова и в позиции после согласного — как /ia/. Буквы Ю и Я, по мнению Родде, представляют собой настоящую головоломку, а умение правильно их произносить является характерной речевой особенностью, которая отличает русского от иностранца («Diese Buchstaben sind das wahre Schibolet in der russischen Sprache»).

Отдельного комментария заслуживают буквы русского алфавита, которые в современном его изводе не встречаются. Это буква S, которая передает тот же звук, что и буква З (обе «мягкие»; эта характеристика отражает звонкость согласного /z/ в противоположность «твердой» букве С, которая обозначает глухой звук /s/). Греческое влияние на русскую графику находит свое выражение во включении в состав русского алфавита таких букв, как Ѯ (кси),

Ѱ (пси), Ѵ (ижица). Первые две передают звучание аффрикат /ks/ и /ps/ соответственно. Что касается ижицы, то она представляет собой не что иное, как греческий ипсилон, и «в современной печати и в письме вообще не употребляется» («wird aber im heutigen Drucke und im Schreiben gar nicht gebraucht»). Трудно сказать, что сподвигло Родде на такое утверждение, если в период с 1758 по 1799 г., а значит, и в 70-х гг. XVIII в., когда издавалась его грамматика, ижица оставалась в составе русского алфавита.

2.1.3. Правила русского правописания (Rodde 1773: 10–12, 1778: 10–13)

Первое правило, о котором говорит Родде, касается употребления иностранных слов в русском языке, «насколько позволяет природа этого языка» («so viel die Natur dieser Sprache zulaeßt»). Говоря о правописании таких слов, автор не отграничивает его от произношения в языках-донорах («Die fremden Woerter werden... so geschrieben, wie man sie in der fremden Sprache ausspricht»).

Интересным представляется замечание Родде об особенностях произношения производных слов, сохраняющих, по мнению автора, корневые буквы, встречающиеся в исходном слове. Родде либо не учитывает способность согласных к чередованию, либо мало знако́м с правилами чередования согласных, свойственного русскому консонантизму. Отсюда возникают формы типа *риг**ский* вместо **рижский*, поскольку это прилагательное образовано от *Рига*, а не **Рижа*. Такого рода ошибочные суждения распространяются и на гласные в производных словах, поскольку они должны соответствовать гласным исходного слова, поэтому *Итал**ия** — *итал**ия**нецъ*, *Аз**ия** — *аз**ия**тецъ*, но не **итал**иа**нецъ* или **аз**иа**тецъ*. Впрочем, последние примеры говорят не столько об «ошибках» в правописании, сколько о допустимом для того времени словоупотреблении.

Вторая особенность правописания, отмечаемая Родде, касается написания гласных, не находящихся под ударением, которые меняют свое качество по сравнению с ударными гласными. Эту особенность Родде выводит с учетом московского аканья, которому свойственно произнесение /а/ или /ъ/ вместо /о/ в слогах, стоящих соответственно в 1-й и 2-й предударных позициях в слове, напр. /хачу, гъварю/.

Третья особенность правописания касается употребления букв Е и Ѣ в русских словах. Поскольку эти буквы ко времени составления грамматики передавали один и тот же звук, т. е. имели одинаковое звуковое значение, следовало принимать во внимание правила их написания в конкретных словах или формах слов. Ценным в дидактическом отношении следует считать совет автора осваивать правильное употребление этих букв путем прилежного и внимательного чтения русских книг. Вместе с этим Родде обращает внимание еще на одну важную особенность употребления букв Е и Ѣ, встречающихся в разных по значению, но одинаковых по звучанию омонимичных формах типа *л**е**чу* (< *лететь*) и *л**ѣ**чу* (< *лѣчить*) (смыслоразличительная функция буквенных знаков).

Четвертая особенность правописания состоит в различении букв Е и И в первом заударном слоге, напр. *мал**е**нькой — *мал**и**нькой*, поскольку употребление И вместо Е «противоречит природе русского языка» («der Natur der russischen Sprache zuwider ist»). По этой же причине (несоответствие природе языка), как уверяет Родде, вышли из употребления инфинитивные глагольные формы и формы 2 л. ед. ч. наст. вр. на И (*читать < читат**и**, читаешь < читаеш**и***), а также формы существительных ср. р. мн. ч. в им., вин. и зв. п. на И (*учрежден**ія** < учрежден**ïи***).

Отдельный параграф в разделе, посвященном правописанию, касается правильного написания глагольных форм на -ся, в которых эта частица произносится как /-ца/. Следование фонетическому принципу в русской орфографии Родде здесь считает неуместным (*говорится* вместо **говоритца*).

Орфографический раздел автор завершает на оптимистичной ноте, уверяя читателей, что «русский язык в рассуждении как правописания, так и других особенностей составит гораздо меньшую трудность, чем другой, в особенности, немецкий язык, хотя и немецким правописанием можно овладеть, не мучая себя множеством правил, если читать внимательно книги, написанные хорошим слогом» («Es hat die russische Sprache in Absicht der Rechtschreibung sowohl, als anderer Abweichungen, unendlich wenigere Schwierigkeiten, als andere; besonders, die deutsche Sprache; und dennoch lernt man im Deutschen durch Aufmerksamkeit beym Lesen ordentlich geschriebener Bücher recht schreiben, ohne sich mit vielen Regeln zu quälen»).

2.2. Терминология фонетико-орфографического раздела грамматики Родде

В качестве метаязыка русской грамматики Родде выступает немецкий язык. На этом языке излагается основной материал как исследуемого раздела, так и всего учебника. При этом не все немецкие слова, обладающие с современной точки зрения терминологическим значением, которые автор использует при описании фонетического строя и буквенного состава русского языка, можно отнести к разряду терминов, поскольку Родде очевидным образом относит к терминам только латинскую терминологию, которая на фоне немецкого текста, набранного фрактурой, напечатана обычным гражданским шрифтом — антиквой, что позволяет сразу увидеть ее в тексте. Попутно заметим, что гражданским шрифтом набраны также все примеры на русском языке и их переводные эквиваленты на латыни и французском, что позволяет визуально отличить их от основного (фрактурного) текста.

В. Бернхаген отмечает, что Родде, «предполагал, что обучающиеся должны быть знакомы с латынью» («Rodde... setzte in seinem Lehrbuchwerk auch die Kenntnis des Lateinischen voraus») (Bernhagen 1968: 118). В качестве подтверждения этому он приводит цитату из рецензии Х. Бакмейстера на первое

издание грамматики Родде: «Труд Родде в целом несколько короче труда Ломоносова, что, однако, отчасти объясняется иногда небольшим количеством примеров. В последнем грамматические термины не только объяснены, но и все без исключения переданы по-русски, подобно тому, как переводчик г-н Ставенхаген заимствовал немецкие термины у Готшеда. Г-н Родде предполагает не только знание этих терминов, но и знание их латинских эквивалентов: немецкие термины он использует редко» («Das Roddesche Werk ist überhaupt etwas kürzer, als das Lomonosowische, welches aber zum Theil von den zuweilen geringen Anzahl von Exempeln herrührt. — In dem letztern sind die grammatischen Kunstwörter nicht allein erklärt, sondern auch alle ohne Ausnahme russisch ausgedrückt, so wie der Uebersetzer, Herr Stavenhagen, dafür die deutschen Benennungen aus dem Gotsched genommen hat. Herr Rodde hergehen setzt nicht allein voraus, daß man diese Kunstwörter kenne, sondern daß man sie auch in lateinischer Sprache kenne: Selten gebraucht er die deutschen Ausdrücke derselben» (Ibid.).

В разделе встречаются только два словоупотребления, касающиеся гласных (Vocalis) и согласных (Consonans), однозначно понимаемые как термины. Характерный пример: «Diese Finalzeichen stehen auch bisweilen in der Mitte eines Worts, und zwar nach einem Consonante und vor einem Vocali, zum Zeichen, daß der folgende Vocalis mit einem i ausgesprochen werden muß» (Rodde 1773: 7–8, 1778: 8) («Эти конечные знаки иногда стоят и в середине слова, а именно после согласного и перед гласным, для указания на то, что последующий гласный произносится с [призвуком] i»).

Приведенный пример показывает, что Родде использует латинскую терминологию, пытаясь графически и грамматически адаптировать ее к словоупотреблению, свойственному немецкому языку. Эту особенность грамматических текстов того времени ранее уже отмечали исследователи (Ершова 2011: 25; Ширшикова 2018: 106; Власов, Волков, Московкин 2020: 713; Иванов 2022а: 10). Так, С. В. Власов и др. пишут, что «метаязык грамматики Родде — немецкий с включением латинских терминов, которые склоняются по правилам латинского языка, при этом выбор того или иного падежа обусловлен немецким контекстом — правилами немецкого синтаксиса» (Власов, Волков, Московкин 2020: 713). А. А. Ширшикова также отмечает, что, «несмотря на разный подход к грамматическим терминам в трудах М. В. Ломоносова и Я. М. Родде, для упрощения понимания системы русского языка авторы обращаются к латинской терминологии», подвергая вводимые термины среди прочего графической ассимиляции, «в связи с чем существительные написаны с заглавной буквы» (Ширшикова 2018: 106). Изучение текста грамматики тем не менее обнаруживает непоследовательность автора в употреблении строчного и заглавного написания, поскольку у него встречаются обе формы: Consonans и consonans.

В предисловии к первому изданию грамматики Родде так сформулировал цель использования им латинской терминологии: «В этой грамматике я хотел со всем тщанием сохранить грамматические термины на латыни, поскольку она является языком школьного обучения и обучающиеся могут быстрее и без долгих раздумий связать с соотносимыми понятиями Pronomen, Participium, Adverbium, Praepositio, Conjunctio, Interjectio, чем если бы им рассказывали о местоимениях, причастиях, наречиях и т. д.» («Ich habe in dieser Grammatik die grammatischen Terminos mit Fleiß im Lateinischen beybehalten wollen, weil es einmal schon die Schulsprache ist, und die Lernenden mit den Woertern Pronomen, Participium, Adverbium, Praepositio, Conjunctio, Interjectio geschwinder und mit wenigerm Nachdenken die dazu gehoerigen Begriffe verbinden koennen, als wenn man ihnen von Fuerwoertern, Mittelwoertern, Nebenwoertern u. s. w. vorsagt») (Rodde 1773: предисл.).

Анализ случаев употребления терминов Vocalis и Consonans с морфологической точки зрения позволяет выстроить парадигму их склонения.

Падеж	Единственное число	Множественное число
им.	der Vocalis der Consonans	die Vocales die Consonantes
род.	— des Consonantis	— —
дат.	dem Vocali dem Consonante(n)	den Vocalibus (Vocalen) den Consonantibus
вин.	den Vocalem den Consonantem	die Vocales die Consonantes

Отклонения от парадигмы склонения соответствующих латинских слов встречаются в дат. п. ед. и мн. ч., где заметны попытки их морфологической ассимиляции: dem Consonanten и den Vocalen.

Возвращаясь к немецкому языку как средству описания русского языка, проанализируем интересующие нас терминоупотребления с учетом их современного лексического (терминологического) статуса. В исследуемом разделе обнаружились 13 слов-терминов (если исключить слова Sprache и Mundart, относящиеся к общелингвистической терминологии), которые напечатаны фрактурой, т. е., с точки зрения Родде, не являются терминами. Они могут быть условно поделены на две группы: (1) фонетические термины и (2) термины графики. В группу 1 входят 9 терминов, из которых 1 представляет собой терминосочетание, 3 — простые термины, 5 — производные и сложные термины (Accent, Aussprache, Endigungslaut, Hauptstammbuchstabe, Laut, Mitlauter, stummer Buchstabe, Sylbe, wohllautend). Термин Accent представляет собой графически и морфологически онемеченное заимствование, не разложимое на морфемы. В группу 2 входят 4 термина (Alphabet, Buchstabe, Rechtschreibung,

Schreibart), из которых 1 может быть отнесен к разряду простых терминов, остальные — к сложным. Две лексические единицы, поскольку они номинируют буквы алфавита, можно рассматривать как номенклатурную лексику (das große Final-Zeichen, klein Final-Zeichen).

2.3. Грамматика Родде vs грамматики Ломоносова и Адодурова: сопоставительный аспект

2.3.1. Терминология фонетико-орфографического раздела

Подробное описание и анализ русской терминологии фонетики, графики и орфографии, использованной Ломоносовым в «Русской грамматике» (1755) и в ее немецком переводе, выполненном И. Ставенхагеном (1764), были предприняты ранее в (Иванов 2022а). Не останавливаясь подробно на результатах этой работы, отметим, что в ходе обследования текстов ломоносовской грамматики и ее немецкого перевода методом сплошной выборки были отобраны 100 монолексемных и составных русских терминов и 110 немецких. Различие в количестве русских и немецких терминов объяснялось тем, что в отдельных случаях одному русскому термину могли соответствовать два и более немецких термина, и наоборот. Если в этом случае удалось с учетом относительно большого количества лексических единиц классифицировать отобранную лексику и распределить ее по 5 группам (1) термины, характеризующие супрасегментный уровень высказывания (интонация и просодия), 2) термины, номинирующие органы артикуляции, 3) термины, используемые для классификации гласных и согласных звуков, 4) термины графики и орфографии, 5) единицы членения речи), то в случае с грамматикой Родде такая классификация едва ли представляется целесообразной в силу очень небольшого количества отобранной лексики. Можно лишь попытаться сравнить формально совпадающие или близкие единицы, чтобы выявить общие или различные подходы к трактовке того или иного фонетического или орфографического явления. Прямому сравнению в этом смысле поддается только один термин: stummer Buchstabe. Если у Родде этот термин обозначает «безгласные» буквы Ъ и Ь, не имеющие собственного звукового значения, то у Ломоносова этот термин встречается в контексте классификации согласных букв (иначе говоря, звуков) по речевым органам, участвующим в артикуляции, и воспринимается как терминологический экзотизм — губная согласная, «которую для остановленія конскаго произносятъ» (Ломоносов 1755: 17). Ср. в переводе Ставенхагена: «Eintheilung der Buchstaben nach unsern Organen. Lippen-Buchstaben. Labiales. Б, В, М, П, Ф. Hie[r]her gehoeret auch der stumme Buchstabe, welcher in Rußland gebraucht wird, die Pferde stille stehen zu machen, oder aufzuhalten» (Lomonoßow 1764: 10).

Что касается латинской терминологии, то Ломоносов использует ее нечасто. К примеру, читатель может встретиться с ней при описании знаков пунктуации или модуляций голосового тона («Die verschiedentliche Veraenderungen

der Stimme entstehen 1) durch eine verschiedene Erhoehung (Elevatio) 2) durch den Druck oder Spannung des Tons (Intensio) 3) durch die Ausdehnung deßelben (Extensio) und 4) durch die Bildung des Lauts (Repraesentatio)» [Lomonoßow 1764: 4]). Однако Ломоносов, как и Родде, считал латынь языком науки и образования, хотя и не стремился применять ее там, где можно было обойтись средствами русского языка.

Адодуров также не злоупотребляет латынью при описании явлений фонетики и графики родного языка. У него встречаются латинские фонетические термины, некоторые из которых морфологически ассимилируются, но в ограниченном количестве. Ср.: «Der Vocalium zehlen die Rußen zehn und sind folgende... Von Consonantibus aber haben sie fünf und zwanzig... und ѳ, ѣ, ю, und я gehoeren zu den Diphtongis... Ъ und ь aber heißen bey den Slavoniern Vocales adjunc͡tæ» (Адодуров 2014: 46, 95); «Eben so verhaelt es sich auch mit denen Interpunc͡tionen» (там же: 49, 100).

2.3.2. Организация и особенности репрезентации фонетического и орфографического материала

В предисловии к первому изданию грамматики Родде писал, что Ломоносов составил свою «Русскую грамматику» не для иностранцев, а для соотечественников, имея целью «заключить русский язык в известные границы» («Der Herr Staatsrath Lomonossow hat seine russische Grammatik nicht fuer Auslaender, sondern fuer seine eigene Landsleute geschrieben, um die russische Sprache in gewisse Graenzen einzuschließen») (Rodde 1789: предисл.). В переложении на современный язык речь здесь идет о языковом нормировании, которое Ломоносов попытался провести в отношении родного языка. Перед Родде такая задача не стояла, поскольку целевая аудитория его грамматики была другая — иноязычный читатель. «До появления учебника Я. Родде, немцы, изучавшие русский язык, имели в своем распоряжении лишь два грамматических пособия на немецком языке: краткий очерк русской грамматики, составленный В. Е. Адодуровым и изданный без указания имени автора в 1731 г. в качестве приложения к «Немецко-латинскому и рус[с]кому Лексикону» под названием «Начальные основы рус[с]кого языка» (Anfangs-Gründe der Russischen Sprache 1731), и пространную «Российскую грамматику» М. В. Ломоносова, переведенную на немецкий язык И. Л. Стафенгагеном и опубликованную в типографии Санкт-Петербургской Академии наук в 1764 г.» (Власов, Московкин 2014: 153).

Оба эти грамматических пособия, будучи излишне академичными (во всяком случае, это замечание вполне уместно в отношении грамматики Ломоносова), не в полной мере соответствовали цели, которую поставил перед собой Родде, что, однако, не отменяет того факта, что именно они и были положены в основу его грамматики.

Фонетический раздел у Ломоносова открывается рассуждением о голосе, включающим описание органов артикуляции человека, интонационных особенностей человеческой речи, подробную классификацию гласных и согласных с опорой на участие и движения органов речевого аппарата, информацию о слоговом составе русских слов, предлагается также подробное описание произношения звуков русского языка, включая двугласные (дифтонги). В грамматике Родде многого из этого нет и, как показано выше, произносительная специфика русских звуков дается в преломлении к артикуляционному укладу носителей немецкого языка. Ломоносов не знакомит читателя с составом русских букв в их алфавитном порядке, в то время как в грамматике для иностранцев такой раздел является обязательным.

Родде не говорит ничего о русском ударении, но каждый пример снабжен у него знаком острого или тяжелого ударения. В ряде случаев он ошибается в постановке ударений, однако наличие самой этой просодической характеристики свидетельствует о том, что его грамматика адресована немецкоязычному читателю, «для которого ударение в русских словах в силу его подвижности представляет большую трудность» (Ахметсагирова 2018: 1205).

Родде не уделяет внимания описанию знаков пунктуации и диакритике, в то время как в грамматике Ломоносова им посвящены несколько параграфов: «Die Nebenstehenden Zeichen sind das Strichlein comma (**,**) der Punckt punctum, (**.**) der Doppelpunckt colon, (**:**) der Strichpunckt semicolon, (**;**) das Frage-Zeichen signum interrogandi, (**?**) das Verwunderungs-Zeichen signum exclamandi, (**!**) das Verbindungs-Zeichen signum diaeroeseos, (-) das einschließende Zeichen parenthesis, **( )** oder **[ ]**» (Lomonoßow 1764: 66); «Ueber der Zeile sind nur zwey Zeichen gebraeuchlich; als; 1) ein Strich, zum Zeichen, wo der Accent hinkommen muß, wenn mehr Woerter einerley Aussprache haben... 2) Ein Haeckgen ueber й, anzuzeigen, daß es kurz seyn soll... Das Bindezeichen (-) dienet die in zwey Zeilen getheilte Woerter mit einander zu vereinigen...» (Ibid.: 82). Названия диакритических знаков и знаков пунктуации у Родде встречаются, впрочем, в его «Российском лексиконе» («Вмѣстительная, die Parenthesis» [Родде 1784: 21]; «Запятàя, das Comma» [Ibid.: 87]; «Тòчка, f. 1. der Punct» [Ibid.: 373] и др.) и в *Deutsch-Russisches Woerterbuch* («Fragzeichen, (das) вопросѝтельной знакъ» [Rodde 1784: 208]; «Parenthesis, (die) вмѣстѝтельная» [Ibid.: 403]; «der Ton eines Worts, Accent, си́ла надъ слòвомъ къ произношѐнїю; eine Sylbe mit einem Tonzeichen bemerken, надъ слòвомъ чѐрту для показàнїя сѝлы òнаго постàвить, написàть» [Ibid.: 539]; «Tonzeichen, (das) der Accent, чертà для показàнїя сѝлы речѐнїя» [Ibid.]; «Tonzeichen, (das) der Accent, чертà для показàнїя сѝлы речѐнїя» [Ibid.]; «Tueppelchen, (das) bey den Buchstaben, тòчка» [Ibid.: 568] и др.).

Грамматика Адодурова открывается главой, в которой рассказывается «о буквах, их произношении, а также обо всем том, что с этим связано» (Адодуров

2014: 95). Адодуров приводит состав русского алфавита, в котором у него насчитывается 41 буква, хотя некоторые из них сам автор считает излишними, но необходимыми, поскольку они имеют свои числовые значения. В их числе и те, которых уже нет в грамматике Родде — Ѡ (о) и Ѿ (от). Произносительные характеристики звуков, как монофтонгов, так и дифтонгов, передаваемых русскими буквами, Адодуров описывает более подробно, чем Родде, включая и те звуки, которые тот считает идентичными немецким, а значит, не нуждающимися в дополнительных пояснениях (напр., Д = D).

Помимо этого, Адодуров уделяет внимание титлам как знакам сокращения и приводит список слов, в которых они используются. Родде о титлах вообще не упоминает. Титло встречается у него только в соответствующей словарной статье в «Российском лексиконе»: «Тѝтлы, (plur.) Abbreviaturen; подъ тѝтлами писа̀ть, mit Abbreviaturen schreiben» (Родде 1784: 370).

С учетом сказанного выше трудно согласиться с прямолинейным выводом Е. О. Ершовой о том, что грамматика Родде «представляла собой переделку и сокращение грамматики М. Ломоносова» (Ершова 2011: 29), во всяком случае, применительно к ее фонетической части.

3. Заключение

1. Раздел грамматики Родде, посвященный описанию фонетических и графических средств русского языка, представляет собой одну из первых попыток осветить звуковой и буквенный строй этого языка, не являющегося родным для обучающихся. Об этом свидетельствуют характер и способ презентации языкового материала, отличный от грамматик, нацеленных на обучение родному языку.

2. Основная качественная особенность, выделяющая грамматику Родде из числа грамматик, издававшихся в XVIII в., состоит в ее практико-ориентированной направленности. Описание фонетического строя русского языка основывается не на строгих классификационных признаках русских звуков, а на стремлении научить иностранного читателя правильно их произносить, опираясь на усвоенные им с детства произносительные навыки и артикуляционный уклад. В этом, пожалуй, заключается главное отличие фонетического раздела грамматики Родде от аналогичных разделов в грамматиках Адодурова и Ломоносова.

3. Использование латинской терминологии как метаязыкового средства представляется типичным для такого рода учебных лингвистических работ, что свидетельствует о слабой разработанности, а также недостаточной развитости и конвенционализированности своеязычной терминологии языкознания, в которой не нуждались тогда в силу довлеющего характера латыни как языка науки и источника терминологической лексики.

Список литературы / References

Адодуров В. Е. «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» или «Первые основания российского языка» / Отв. ред. К. А. Филиппов, С. С. Волков. СПб.: Наука, Нестор-История, 2014. [Adodurov, Vassiliy Ye. (2014) «*Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» ili «Pervyye osnovaniya rossiyskogo yazyka»* ("Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache" or "The First Foundations of the Russian Language"). Saint Petersburg: Nauka, Nestor-Istoriya. (In Russian)].

Ахметсагирова Л. И. Фонетическая и грамматическая информация в немецко-русских словарях XVIII века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. Кн. 5. С. 1203–1218. [Akhmetsagirova, Leysan I. (2018) Foneticheskaya i grammaticheskaya informatsiya v nemetsko-russkikh slovaryakh XVIII veka (Phonetic and Grammatical Information in the German-Russian Dictionaries of the 18th Century). *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, Vol. 160, 5, 1203–1218. (In Russian)].

Власов С. В., *Волков С. С.*, *Московкин Л. В.* Рецепция грамматических идей М. В. Ломоносова в русских грамматиках второй половины XVIII в. // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. P. 689–724. [Vlasov, Sergey V., Volkov, Sergey S., & Moskovkin, Leonid V. (2020) Retseptsiya grammaticheskikh idey M. V. Lomonosova v russkikh grammatikakh vtoroy poloviny XVIII v. (Adoption of M. Lomonosov's Grammar Ideas by Russian Grammars of the Second Half of the 18th Century). *Acta Linguistica Petropolitana*, Vol. 16.3, 689–724. (In Russian)].

Власов С. В., *Московкин Л. В.* Из истории создания учебников русского языка как иностранного в России: «Russische Sprachlehre» Якоба Родде (1773 г.) // Литературная культура России XVIII века. Вып. 5 / ред. П. Е. Бухаркин, Е. М. Матвеев. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 151–163. [Vlasov, Sergey V., & Moskovkin, Leonid V. (2014) Iz istorii sozdaniya uchebnikov russkogo yazyka kak inostrannogo v Rossii: "Russische Sprachlehre" Yakoba Rodde (1773 g.) (History of Creation of the Textbooks of the Russian as a Foreign Language in Russia: "Russische Sprachlehre" by Jacob Rodde (1773)). In Bukharkin, Pyotr Ye., & Matveyev, Yevgeniy M. (eds.) *Literaturnaya kul'tura Rossii XVIII veka* (Literary culture of Russia in the 18th century), Vol. 5. Saint Petersburg: St. Petersburg State University, 151–163. (In Russian)].

Ершова Е. О. Грамматическая деятельность Я. М. Родде как фактор распространения русского языка в немецкоязычной аудитории // Вестник ИГЛУ. 2011. № 1. С. 24–30. [Yershova, Yevgeniya O. (2011) Grammaticheskaya deyatel'nost' Ya. M. Rodde kak faktor rasprostraneniya russkogo yazyka v nemetskoyazychnoy auditorii (J. M. Rodde's Activity towards Promotion of the Russian Language among the Native Speakers of German). *Bulletin of IGLU*, 1, 24–30. (In Russian)].

Иванов А. В. Фонетическая терминология М. В. Ломоносова в немецких переводах (на материале «Российской грамматики» и ее немецкого перевода) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022а. Т. 20. № 2. С. 5–18. [Ivanov, Andrey V. (2022a) Foneticheskaya terminologiya M. V. Lomonosova v nemetskikh perevodakh (na materiale «Rossiyskoy grammatiki» i yeye nemetskogo perevoda) (M. V. Lomonosov's Phonetic Terminology in German Translations (Exemplified by the Material of "Russian Grammar" and Its German Translation)). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, Vol. 20, 2, 5–18. (In Russian)].

Иванов А. В. Diphthong: опыт историографического описания термина // Современная германистика и западноевропейская литература (= Modern Germanic Philology and

West-European Literature): Колл. монография. Вып. 4 / Отв. ред. А. В. Иванов. М.: ФЛИНТА, 2022б. С. 232–257. [Ivanov, Andrey V. (2022b) Diphthong: opyt istoriograficheskogo opisaniya termina (Diphthong: an Attempt at the Historiographic Term Description). In Ivanov, Andrey V. (ed.) *Sovremennaya germanistika i zapadnoyevropeyskaya literatura* (Modern Germanic Philology and West-European Literature), issue 4. Moscow: FLINTA, 232–257. (In Russian)].

Иванова Т. А. Старославянский язык. СПб.: СПбГУ, 2001. [Ivanova, Tatyana A. (2001) *Staroslavyanskiy yazyk* (Old Church Slavonic). Saint Petersburg: SPbGU.

Каржавин Ф. В. Вожак, показывающий путь к лучшему выговору букв и речений французских. СПб.: Типография И. К. Шнора, 1794. [Karzhavin, Fyodor V. (1794) *Vozhak, pokazyvayushchiy put' k luchshemu vygovoru bukv i recheniy frantsuzskikh* (The Leader Showing the Way to Better Pronunciation of French Letters and Expressions). Saint Petersburg: I. K. Shnor. (In Russian)].

Ломоносов М. В. Российская Грамматика. СПб.: Императорская Академия Наук, 1755. [Lomonosov, Mikhail V. (1755) *Rossiyskaya Grammatika* (Russian Grammar). Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk. (In Russian)].

Лукин О. В. Рижский переводчик, грамматист и лексикограф Я. М. Родде в культурной и лингвистической парадигме России второй половины XVIII века // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 2 (131). С. 181–189. [Lukin, Oleg V. (2023) Rizhskiy perevodchik, grammatist i leksikograf Ya. M. Rodde v kul'turnoy i lingvisticheskoy paradigme Rossii vtoroy poloviny XVIII veka (Riga Translator, Grammarian, and Lexicographer J. M. Rodde in the Cultural and Linguistic Paradigm of Russia in the Second Half of the 18th Century). *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2 (131), 181–189. (In Russian)].

Лукин О. В. На службе Российской империи: Немецкие ученые и российское языкознание XVIII-XIX веков: Монография. Ярославль: ЯГПУ, 2024. [Lukin, Oleg V. (2024) *Na sluzhbe Rossiyskoy imperii: Nemetskiye uchenyye i rossiyskoye yazykoznaniye XVIII–XIX vekov* (In the Service of the Russian Empire: German Scholars and Russian Linguistics of the 18th–19th Centuries). Yaroslavl': YAGPU. (In Russian)].

Московкин Л. В. Современные подходы к анализу учебников // Русистика и современность: Колл. монография. Ч. 2 / ред. И. П. Лысакова, Е. А. Железнякова. СПб.: Северная звезда, 2018. С. 19–25. [Moskovkin, Leonid V. (2018) Sovremennyye podkhody k analizu uchebnikov (Modern Approaches to the Analysis of Textbooks). In Lysakova, Irina P., & Zheleznyakova, Elena A. (eds.) *Rusistika i sovremennost'* (Russian Studies and Modernity), part 2. Saint Petersburg: Severnaya zvezda, 19–25. (In Russian)].

Московкин Л. В., Кусал К. Учебники русского языка для иностранцев XVIII века как объект научных исследований // Językoznawstwo. 2018. Nr. 1 (12). P. 173–180. [Moskovkin, Leonid V., & Kusal, Krzysztof. (2018) Uchebniki russkogo yazyka dlya inostrantsev XVIII veka kak obyekt nauchnykh issledovaniy (18th Century Russian Language Textbooks for Foreigners as an Object of Academic Research). *Językoznawstwo*, 1 (12), 173–180. (In Russian)].

Протасов С. Греческая грамматика, или Наставления Греческаго языка. М.: В типографии Пономарева. [Protasov, Semyon. (1788) *Grecheskaya grammatika, ili Nastavleniya Grecheskago yazyka* (Greek Grammar, or Instructions of the Greek Language). Moscow: In the printing house of Ponomarev. (In Russian)].

Родде Я. Российской лексикон по алфавиту / изданный Яковом Родде. Рига: У Ивана Фридриха Гарткноха, 1784. [Rodde, Jacob. (1784) *Rossiyskoy Leksikon po alfavitu izdannyy Yakovom Rodde* (Russian Lexicon in Alphabetical Order Published by Jacob Rodde). Riga: Hartknoch. (In Russian and German)].

Смагина Г. И. Немецкие образовательные идеи и российская школа XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / отв. сост. А. В. Доронин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 205–220. [Smagina, Galina I. (2008) Nemetskiye obrazovatel'nyye idei i rossiyskaya shkola XVIII v. (German Educational Ideas and the Russian School of the 18th Century). In Doronin, Andrey V. (ed.) *"Vvodya nravy i obychai Yevropeyskiye v Yevropeyskom narode": K probleme adaptatsii zapadnykh idey i praktik v Rossiyskoy imperii* ("Introducing European Manners and Customs to a European Nation": On the Problem of Adapting Western Ideas and Social Practices in the Russian Empire). Moscow: ROSSPEN, 205–220. (In Russian)].

Ширшикова А. А. К вопросу о некоторых особенностях немецкоязычных грамматик русского языка второй половины XVIII века // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 104–106. [Shirshikova, Alisa A. (2018) K voprosu o nekotorykh osobennostyakh nemetskoyazychnykh grammatik russkogo yazyka vtoroy poloviny XVIII veka (On Some Features of the Grammars of the Russian Language in German Published in the Second Half of the 18th Century). *Baltic Humanitarian Journal*, Vol. 7, 2 (23), 104–106. (In Russian)].

Bernhagen, Wolfgang. (1968) Jacob Rodde als Verfasser des Gesprächsbuches «Домашние разговоры» — «Gespräche von Haussachen». In Grasshoff, Helmut, & Lehmann, Ulf. (eds.) *Studien zur Geschichte der Russischen Literatur des 18. Jahrhunderts*, Band 2. Berlin: Akademie-Verlag, 114–121. (In German).

Ivanov, Andrey V. (2023) *Diphthong*: Eine sprachgeschichtliche und lexikographische Beschreibung des deutschen Terminus. In *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), Vol. 20, 134–161. (In German).

Keipert, Helmut. (2006) Das Russisch-Lehrwerk von Jacob Rodde. Zur Kenntnis der russischen Sprache im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. In Dahlmann, Dittmar. (ed.) *Die Kenntnis Russlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert: Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich*. Göttingen: V & R Unipress, 85–110. (In German).

Lomonoßow, Michael. (1764) *Rußische Grammatick*. Aus dem Rußischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. Saint Petersburg: Gedruckt bey der Kayserlichen Academie der Wißenschafften. (In German).

Rodde, Jacob. (1773) *Russische Sprachlehre, zum Besten der deutschen Jugend eingerichtet*. Riga: bey Johann Friedrich Hartknoch. (In German).

Rodde, Jacob. (1778) *Russische Sprachlehre*. 2., verm. Aufl. Riga: bey Johann Friedrich Hartknoch. (In German).

Rodde, Jacob. (1784) *Deutsch-Russisches Woerterbuch*. Riga: bey Johann Friedrich Hartknoch. (In German).

Rodde, Jacob. (1789) *Russische Sprachlehre, verfasset von Jacob Rodde*. 4., verm. Aufl. Riga: bey Johann Friedrich Hartknoch. (In German).

УДК 81’27:42
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-56-74

О ПОНЯТИИ «РЕКЛАМНЫЙ ПРОФИЛЬ КОМПАНИИ» В ЛИНГВИСТИКЕ

Р. М. Миндиахметова

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Настоящее исследование освещает лингвистические аспекты корпоративной рекламы. Выявляется специфика рекламной дискурсивной практики в ракурсе семиотической лингвокультурологии. Автор предлагает отказаться от общепринятого разграничения корпоративных коммуникаций на имиджевую рекламу (*PR*) и коммерческий рекламный блок (товарную рекламу), поскольку в условиях медиатизации общества границы между ними практически стираются, что подтверждается концепцией нативной (естественной) рекламы, согласно которой любое упоминание о компании в сети Интернет может рассматриваться как контентная реклама. Задача такой рекламы состоит в информировании пользователя, по сути являющегося потенциальным покупателем, о компании и последующем оказании скрытого речевого воздействия. В свете этого предпринята попытка комплексного изучения имиджевого блока о фирме в коммерческой рекламе. Исследовательский материал почерпнут из коммерческого дискурса автопроизводителей в США. Автор вводит понятие рекламного профиля компании как важнейшей составляющей корпоративной рекламы, создаваемой с целью формирования в глазах массового адресата целостного образа фирмы как общественного института, принимающего активное участие в социальном обеспечении населения. Закодированный в знаках рекламного дискурса, рекламный профиль компании транслирует в сознание широкой общественности корпоративные ценности и корпоративную культуру коммерческой организации. Он свободно функционирует и существует как самодостаточная часть содержания любой рекламной коммуникации, аккумулируя в себе обширный пласт информации, которая выходит далеко за рамки идентификации коммерческой организации и включает культурологическую, ценностную, концептуальную и прагматическую составляющие из различных источников, входящих в поле дискурса рекламы. Выход данных видов информации происходит в ходе взаимодействия совокупности лежащих на поверхности рекламного дискурса знаков и кодов культуры. Устанавливаются следующие прагматические функции данной части рекламной коммуникации компании: 1) идеологическая, 2) формирование приверженности бренду, 3) отстройка и дискредитация конкурента, 4) парольная.

Ключевые слова: рекламный профиль компании; дискурс; коммерческая реклама; образ компании; смысловая интерпретация; массовое сознание.

Цитирование: Миндиахметова Р. М. О понятии «рекламный профиль компании» в лингвистике // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 3 (71). С. 56–74. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-56-74.

The Notion of "A Company's Advertising Profile" in Linguistics

Rimma M. Mindiakhmetova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

This study elucidates the linguistic aspects of corporate advertising, outlining specifics of discursive practices in advertising from the perspective of semiotic linguistic culturology. The author proposes a departure from the conventional demarcation of corporate communications into image advertising (public relations) and commercial advertising (product promotion), arguing that in the context of society's mediatization, the boundaries between them have become virtually effaced. This contention is supported by the concept of native advertising, which posits that any mention of a company on the Internet can be regarded as content marketing. The objective of such advertising is to inform the user—who is, in essence, a potential consumer—about the company, subsequently exerting a form of covert verbal influence. In light of this, the study undertakes a comprehensive examination of the image-building component within commercial advertising. The research material is drawn from the commercial discourse of automotive manufacturers in the USA. The author introduces the concept of the company's advertising profile as a fundamental constituent of corporate advertising. This profile is crafted to shape a holistic image of the firm in the eyes of the mass audience as a public institution that actively participates in societal welfare. Encoded within the signs of advertising discourse, this profile transmits the corporate values and culture of a commercial organization into the consciousness of the general public. It functions and exists freely as a self-sufficient component within the content of any advertising communication, accumulating an extensive stratum of information that extends far beyond the mere identification of the commercial entity. This information encompasses cultural, axiological, conceptual, and pragmatic components sourced from various elements within the advertising discourse field. The emergence of these types of information occurs through the interaction of a constellation of signs and cultural codes present on the surface of the advertising discourse. The survey identifies the following communicative functions of this part of advertising communication: 1) ideological; 2) fostering brand loyalty; 3) detuning of competitors; and 4) the password function.

Key words: company's advertising profile; discource; commercial advertising; company image; semantic interpretation; public consciousness.

Citation: Mindiakhmetova, Rimma M. (2025) The Notion of "A Company's Advertising Profile" in Linguistics. *LUNN Bulletin*, 3 (71), 56–74. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-56-74.

1. Введение

Исследователи, занимающиеся вопросами корпоративной лингвистики, традиционно выделяют в коммуникациях бренда два основных блока: имиджевую рекламу, направленную на формирование в массовом сознании позитивного имиджа фирмы, и коммерческие рекламные сообщения, задача которых состоит в продвижении продуктов и услуг на потребительском рынке. Считают, что имиджевая, или корпоративная, реклама сфокусирована на корпоративной деятельности компании, ее социальной политике, статусе и обязательствах

фирмы как общественного института перед социумом. Этот блок корпоративных коммуникаций обычно рассматривают как сферу ответственности связей с общественностью, так называемого *PR* (*Public Relations*). В то время как сообщения, предназначенные для реализации корпоративной продукции, создаются отделом рекламы. То есть *PR*-коммуникации фиксируют создаваемый имидж компании, возвышают статус фирмы среди конкурентов в похожем сегменте деятельности, выгодно преподнося саму компанию. Реклама же в узком значении зачастую понимается как инструмент повышения продаж и получения прибыли. Между тем исследования коммерческой рекламы позволяют сделать вывод о том, что на реальной практике создания того или иного рекламного фрагмента практически невозможно прочертить демаркационную линию между корпоративной и товарной рекламой, ибо в последней всегда высвечивается профильная информация о компании, закодированная в многообразии кодов семиотического полотна рекламного дискурса (Миндиахметова 2021). В диссертационной работе, посвященной анализу конструируемого посредством разнообразных лингвистических приемов образа фирмы в рекламе продукта (Миндиахметова 2018), неоднократно подчеркивается недостаточная разработанность данной проблематики, необходимость междисциплинарного изучения понятия, названного «рекламный профиль компании» (далее РПК), как важнейшей составляющей коммерческой рекламы, формирующей в глазах массового адресата целостный образ фирмы. Итак, цель настоящей статьи состоит в дефинировании термина, вводимого в научный оборот лингвистической науки, обосновании его ценности как весьма перспективного исследовательского объекта, всесторонний анализ которого поможет пролить свет на многие лингвистические проблемы рекламной коммуникации.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования послужили коммерческие видеоролики международных автомобильных компаний, адресованные американской аудитории. Выбор исследовательского материала обусловлен гетерогенностью рекламных роликов, мультимодальной природой данного фрагмента рекламной дискурсивной практики. Гармоничное сосуществование и наложение разнообразных семиотических систем в коммерческих видеосообщениях обеспечивает последовательное развертывание рекламной информации. Смысловая интерпретация роликов шаг за шагом подводит адресата к определенным выводам и оценкам. Активное взаимодействие различных семиотических кодов (устная и письменная речь, статические и подвижные изображения, музыкальное сопровождение, а также другие звуки, находящиеся в диегетическом и недиегетическом контекстах) (Прасолова 2023: 102) порождают сложные кодовые комбинации, генерирующие мощный смысловой поток в сознании зрителя.

Втянутый в процесс смысловой дешифровки рекламного послания, адресат считает, что сложившееся мнение есть результат его индивидуально-личностной интерпретации видеотекста. В реальности же смысловое декодирование рекламного ролика адресатом всегда имеет заданную траекторию, спрогнозированную адресантом с учетом лингвокультурологических особенностей личности адресата.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Наш интерес к вкраплению профильной информации о компании в дискурсивное пространство рекламы возник в свете активно обсуждаемого в деловой среде феномена корпоративной культуры как нематериального фактора, предоставляющего фирме широкие возможности для привлечения новых сотрудников. Корпоративные ценности компании как ядерные компоненты корпоративной культуры уже давно были отмечены высоким потенциалом в позиционировании бренда на конкурентном рынке. Действительно, покупательская приверженность зиждется на неповторимости бренда, его корпоративной идентичности, формирующейся на основе хорошо продуманной корпоративной культуры, своеобразие которой определяется многими факторами. Социологи и бизнес-консультанты акцентируют внимание на направленности деятельности компании, целевом охвате, характеристиках выпускаемого продукта или оказываемой услуги, сложившейся экономической обстановке. Все это, безусловно, последовательно выстраивает имидж бренда в процессе его становления. Для нас же — лингвистов — наибольшим аттракторами проявления корпоративной культуры являются текстовые репрезентации миссии компании, накопленного ею опыта, истории и традиций организации в содержательно-смысловой структуре рекламы. И поскольку «каждая культура имеет свои размеры, свой шейп и свой взгляд на ценности» (Шаховский 2008: 289), анализ ценностных смыслов корпоративной культуры в смысловой прослойке рекламного текста способен приоткрыть завесу над тем, как создается сильный бренд, что помогает ему выжить в условиях жесткой конкурентной борьбы, продержаться на плаву и проходить проверку временем.

Медиатизация информационного общества и усиление медиакратии на формирование ценностных запросов личности (Чанышева 2022: 362) привело к экспансии корпоративной информации о ценностях фирмы, корпоративной философии и морально-нравственных представлениях, разделяемых субъектами корпоративной культуры (сотрудниками), в рекламный контент новых медиа. Неудивительно, ведь сегодня копирайтеры находятся в активном поиске латентных, скрытых форм воздействия на своего целевого адресата. Доказательной в этой связи будет активно разрабатываемая в наши дни концепция нативной рекламы. Определяемый как реклама, которая «соответствует

формату, функциям и тематике платформы, на которой размещается» (Мелехова 2015: 243), нативный рекламный текст с легкостью интегрируется в зону комфорта адресата. Надо признать, что такой тип рекламной коммуникации компании со своими целевыми аудиториями набирает все большую популярность в связи с переходом большей части корпоративных коммуникаций бренда в сеть Интернет. Всемирная паутина в руках рекламистов стала гибким инструментом взаимодействия с массами, чутко реагирующим на интересы и вкусы потребителя. Дело в том, что нестандартность подачи рекламной информации в естественной рекламе позволяет избежать эффекта баннерной слепоты, возникающей при столкновении потребителя с назойливым рекламным текстом, избыточность которого к тому же зачастую вызывает отторжение у адресата. В силу релевантности интересам пользователей нативный рекламный текст органично вписывается в дизайн мобильных приложений, социальных сетей, веб-страницы, что делает его особо привлекательным для создателей рекламы. Так, скрытое воздействие на глобального потребителя можно встретить на популярном видеохостинге *YouTube* [1], по сути ставшим хорошей площадкой для распространения нативной рекламы. Контент изобилует коммерческими роликами, создаваемыми с целью реализации широкого спектра продуктов и услуг, а также видеотекстами, косвенно, ненавязчиво отсылающими к корпоративной культуре фирмы, что укрепляет ее престиж, придает статусность. Нативной рекламой автопродукта вполне можно считать видео, снятое во время прохождения автомобильных гонок. В поле зрения фанатов особенно часто попадают интервью с гонщиками. В одном из таких роликов компании *Toyota* (Hydrogen power, take two! Rowan Atkinson drives NEW hydrogen-powered Toyota GR Yaris H2 at Goodwood 2024) ключевую роль сыграли две известные личности из мира кино (Роуэн Аткинсон) и спорта (Себастьен Эжен Эмиль Ожье). Соответственно, потенциальными адресатами ролика могут быть поклонники актера и известного раллийного гонщика. Более того, ролик всплывает в поисковике при запросе *Goodwood Festival of Speed* — ежегодного соревнования по подъему на холм с участием раскрученных гоночных автомобилей. Интервью, в котором оба участника делятся своими впечатлениями о совместной поездке на спортивном авто, может рассматриваться как косвенный способ информирования пользователей платформы о компании *Toyota*. Расхваливая гоночный автомобиль в своем отзыве об опыте поездки с известным гонщиком, Аткинсон между делом восхищается смелостью творцов этого автомобиля, дерзнувших представить миру идеальное с точки зрения экологичности авто с водородным двигателем внутреннего сгорания (*hydrogen*

[1] Иностранный владелец ресурса *YouTube* (www.youtube.com) нарушает закон РФ, доступ к видеохостингу ограничен.

combustion engine). Взволнованный от переполняющих его эмоций, Аткинсон едва сдерживает восторг, что выражается в речевых паузах и попытках подобрать подходящее слово, обилии языковых единиц с модальным оттенком значения неуверенности (*hesitators*): *It was slightly best than last year's I think. I thought it was… um, you know… I just so appreciate Toyota's courage in pursuing the hydrogen idea so it's, you know. Um… I just think it's very admirable. I think it improves all at all the time and that's all you can hope for with development that isn't you get closer to your ideal. I thoroughly enjoyed it and, you know, look for to seeing hydrogen developed in ways that everyone wants to see it done* (Ibid.). В свою очередь Ожье, впервые побывавший в роли штурмана на раллийном авто, также упоминает, в каком изумлении пребывал Аткинсон от новейшей технологии, продвигаемой компанией: *Yeah, it was a bit the wrong side for me… I was, let's say, surprised to see how excited or enthusiastic he is about the new technology and how Toyota is pushing it. And I can definitely only support that* (Ibid.). Логичным завершением ролика стал теглайн *Pushing the limits to the better*, содержащий общую смысловую линию корпоративной миссии фирмы о стремлении к совершенству и неустанному поиску новых идей, что уже на протяжении десятков лет имплицировалось во многих рекламных слоганах компании: *Leads you ahead* (1989–2001), *Go further* (2004–2011), *Always a better way* (2011–2021), *Move your world* (2022 — настоящее время).

Очевидно, вводимое нами понятие является весьма интересным и вместе с тем неоднозначным. Основные трудности, которые возникали в ходе попыток дать его лингвистическое толкование, были обусловлены тем, что мы оказались в ситуации плохо взаимодействующих друг с другом понятийных систем, которые сложились в западной, в частности американской, профессиональной практике создания рекламы, пиарологии и, шире, коммуникативистике. Предположим, что корпоративный профиль компании есть система ее корпоративной идентичности, тогда РПК следует рассматривать как интертекстуальное взаимодействие идентификаторов корпоративной идентичности и собственно рекламной информации в рекламном дискурсе. В то же время важно понимать, что и слоган, и теглайн, и корпоративная миссия, и фирменный логотип являются индивидуальными, самостоятельными структурными единицами рекламной коммуникации. Следовательно, РПК есть не что иное, как знаки системы идентификации субъекта коммуникации (компании), инкрустированные в тот или иной фрагмент коммерческого дискурса на условиях интертекстуальности.

Интерпретируемое понятие, которое не встречается в работах отечественных исследователей рекламной коммуникации, как было сказано ранее, очень перспективно для дальнейших исследований рекламного дискурса в лингвистике, журналистике, рекламоведении и многих других науках гуманитарного цикла. Как и любой термин, вводимый в научное знание, наше понятие требует

основательной проработки. Поэтому так важно многосторонне описать его, охватив разные аспекты профильной информации о компании в структуре рекламного текста. В связи с чем нами была поставлена задача интегрального концептуально-лингвистического описания всего комплекса содержательных элементов информационного представления фирмы как конструкции, оформление которой подчинено целям создания максимально привлекательного образа не только продукта, но и выпускающей его компании в целом.

Так как термин не приравнивается понятию «company profile», используемому в англоязычной литературе, или его аналогу в русскоязычной среде «корпоративная реклама», а свободно функционирует и существует как самодостаточная часть содержания любой рекламной коммуникации, он аккумулирует в себе обширный пласт информации, которая выходит далеко за рамки идентификации коммерческой организации, и включает культурологическую, ценностную, концептуальную и прагматическую составляющие из различных источников, входящих в поле дискурса рекламы.

О культурных основаниях рекламной коммуникации говорят и пишут очень много. Неудивительно, принимая во внимания тот факт, что реклама как непосредственный продукт массовой культуры насквозь пронизана культурными смыслами, зашифрованными во внешней оболочке рекламного текста. Таким образом, в ходе выполнения своей главнейшей функции — обеспечение оперативной связи между отдельными индивидами и социальными институтами — реклама отражает культурную жизнь общества в исторической динамике, закрепляя в массовом сознании все новые и новые образы и идеалы. При этом для создания новых лингвокультурных символических образов и перекодировки уже существующих (Якина 2019: 937) реклама эксплуатирует всевозможные элементы культурного наследия. Таковыми, например, стали прецедентные феномены, повсеместно используемые в практике написания рекламного текста как за рубежом, так и в России. Создатели рекламы охотно прибегают к помощи этого мощного оружия внушения, более известного как суггестия, не только преодолевающего, но и проникающего в глубинные слои сферы коллективного бессознательного (Чанышева 2012: 141). Опираясь на склонность адресата к оцениванию окружающей действительности исходя из его ценностных ориентаций как культурно-языковой и прежде всего национальной личности, рекламист целенаправленно преобразовывает прецедентную информацию при описании обыгрываемой в рекламе ситуации для акцентуации образных характеристик фирмы. Так, в рекламе британского автопроизводителя *Jaguar*, адресованной американской аудитории, апелляция к голливудскому кино в жанре экшен оказалась вполне удачной. Ролик, транслировавшийся во время игр *Super Bowl* в 2014 году, представляет собой короткометражный фильм с компрометирующим для американской аудитории названием *British Villains*

(Ben Kingsley, Mark Strong, Tom Hiddleston in Jaguar Ad 2018). Ролик знакомит зрителей с новым продуктом британского автопроизводителя *Jaguar F-Type Coupe* и строится вокруг предположения, что в исторических фильмах лучших злодеев играют британцы, сочетающие в себе, как отмечает автопроизводитель, интеллект с шармом, непоколебимость со спокойствием и уверенностью. Компания пригласила трио британских актеров, сыгравших известных злодеев в американских боевиках: Том Хиддлстон («Мстители»), Бен Кингсли («Операция “Финал”»), Марк Стронг («Добро пожаловать в капкан»). Откровенный вопрос сэра Бена Кингсли в самом начале ролика *Have you ever noticed how in Hollywood movies, all the villains are played by Brits?* стал неким вызовом для искушенной американской публики, пришедшей насладиться национальными играми. Между тем в процессе смысловой интерпретации прецедентных знаков в контексте рекламного видеоролика в сознании зрителя формируется образ зарубежного производителя, преуспевающего в условиях отечественного рынка. Здесь, как нам кажется, стоит упомянуть о противоречивом характере взаимоотношений США и Великобритании. С одной стороны, принадлежность обеих культур к одному лингвокультурному сообществу, общность языка и союзные общественно-политические отношения сближают эти страны. С другой стороны, между этими англоязычными государствами всегда существовала негласная война за влияние на международной арене, что естественным образом отразилось на предвзятом восприятии американцами ввозимого из союзной страны продукта. Интересно, что за полувековую историю игр компания *Jaguar* только недавно (в 2021 г.) выступила с данным роликом на столь значимом для американской аудитории событии. Тогда как другие зарубежные производители из года в год радуют американскую аудиторию своими лучшими шедеврами, подготовленными специально для этого мероприятия. Думается, стратегия союзничества со стороны английского производителя стала очень хорошей тактикой ведения бизнеса за рубежом. Заключительная фраза рекламной кампании *It’s good to be bad*, цепляющая оксюмороном, на самом деле отсылает к архетипическим представлениям американцев. Как известно, рекламисты обращаются к фольклорным архетипам для поиска национальных ментальных компонентов и активизации у реципиентов процессов самопознания и самоидентификации (Демидова 2023: 31). Образ «хороших плохишей» очень близок революционному духу американского народа. Стремление к свободе, выражению своей индивидуальности через нарушение общепринятых норм прививается в американской культуре с самого детства. Образный код бунтаря как позитивное проявление архетипа тени появляется уже на страницах книг для детей (*Huck Finn and Holden Caulfield are Good Bad boys of American literature* (G. Vallins)). Эти бунтари, обнаружившие, что их характерная индивидуальность выходит за пределы существующей социальной структуры, преданы более глубоким и

истинным ценностям, чем те, которые господствуют в обществе. Это романтические фигуры, готовые разрушить общество, разъедаемое тиранией, репрессиями, конформизмом и цинизмом (Марк, Пирсон 2005: 123). Вероятно, по той простой причине, что героями ролика стали знаменитые разбойники американского кино, реклама британской компании вызвала бурю позитивных комментариев к видео.

Основу ценностно-смыслового пространства РПК составляют ценности, определяемые в лингвокультурологии как «идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей» (Виноградов 2007: 93). Неразрывно связанные с оценкой, предполагающей размещение явления или факта на шкале «хорошо — плохо», как положительное или отрицательное отношение к чему-либо (Алефиренко 2010: 100), ценности, в нашем случае корпоративные ценности, поскольку именно они образуют концептуальное ядро РПК, представлены разными ценностными установками. Ранее было предложено выделить в ценностном коде рекламного дискурса ценностный субкод-1 и ценностный субкод-2, направленные на внутреннюю и внешнюю целевые аудитории соответственно (Хасанова 2014: 179). Так, ценностные характеристики образа корпоративной команды *KIA* в рекламе со скромным названием *The great unknowns* (Kia Motors — The Great Unknowns Scholarship 2019) экстраполируются на продукт компании. Трудолюбие сотрудников *KIA*, преданность клиенту служит своего рода гарантией неповторимости автомобилей данного бренда: *Our movie stardom, our football careers. They never take off. Because we are not known for who we are. We hope to be known for what we do. What we build. Just name what we assemble it has a chance to be remembered. You know, we are not famous. But we are incredible and we can make incredible things* (Ibid.). В то же время потенциальный соискатель вакансии может иметь индивидуально-личностную интерпретацию этого видеоролика. Неслучайно акцентируется возможность рядового американца присоединиться к команде профессионалов. В свою очередь ценности и внутренней, и внешней аудиторий могут быть национально-маркированы и нести на себе отпечаток родной культуры бренда. Так, в одном из своих рекламных роликов (Kia Official Big Game Commercial 2020 with Josh Jacobs | “Tough Never Quits” 2020) компания *KIA* поднимает тему маленького человека. История жизни американского футболиста, своим упорством и настойчивостью добившегося успеха, материальных благ, признания и любви фанатов, звучит трогательно: *Sometimes I wonder what I tell my younger self if I ever saw him. I would tell him Josh, it’s going to be hard growing up homeless, but you got to believe in yourself, be tougher than the world around you. In that field that’s your proving ground. Push yourself to be someone. And I promise some*

day you wil. (Kia Official Big Game Commercial 2020 with Josh Jacobs | “Tough Never Quits” 2020). Интересно, что сугубо американская концепция «человека, который сделал себя сам» (*self-made man concept*) предопределила сюжет многих рекламных роликов, рассчитанных на американцев. Точно так же в ролике затрагивается наболевшая тема американского общества — проблема бездомных. Подобная апелляция к состраданию создает образ компании, принимающей активное участие в решении социальных вопросов. Наряду с национальными мотивами в системе корпоративных ценностей слышны отголоски общекультурных смыслов, свидетелями чего мы неизбежно становимся в современную эпоху синтеза глобальной культуры. Об этом уже шла речь ранее. Так, в ролике компании *Hyundai* (Hyundai / Hope Detector 2018) пассажиры на таможенном контроле проходят так называемый детектор надежды. В отдельной комнате их вниманию представлены видеообращения подростков, у которых диагностирован рак. Апелляция к ценностям взаимопомощи, сострадания, поддержки, столь почитаемым в коллективистских культурах, не оставляет равнодушными представителей США, которые, по мнению некоторых исследователей, будучи индивидуалистами, полагаются исключительно на свои собственные силы. Таким образом, концептуальное содержание РПК образовано двумя ключевыми концептами *INDIVIDUALISM* и *COLLECTIVISM*, являющимися основополагающими началами концептуальной структуры *CORPORATE CULTURE*. Объективация ядерных концептов осуществляется средствами различных регистров рекламного контента. Некоторые случаи вербально-визуального представления концептуальных основ РПК были рассмотрены выше. К этому хотелось бы добавить ресурсы музыкального кода, звуковые и шумовые спецэффекты, задающие определенный эмоциональный фон рекламной коммуникации, что в целом упрочняет позиции бренда, увеличивая его узнаваемость в обществе.

Исследование прагматической составляющей РПК лежит в плоскости анализа коммуникативных задач анализируемого понятия, а также средств и способов выполнения этих функций в рекламе. В настоящее время рекламная коммуникация, как отмечают многие авторы, тяготеет к скрытым формам информационно-психологического воздействия, нацеленного на побуждение человека к действиям, изначально не совпадающим с его воззрениями и системой ценностей общества в целом (Михальская 2001). По нашим наблюдениям, такой формой скрытого информирования о корпоративной культуре в рекламном тексте являются намеки, интерпретируемые в лингвистике как семантическая категория, отражающая такой компонент психологической ситуации, как волевое воздействие адресанта на адресата, что проявляется в сознательном выборе используемых языковых средств в целях изменения акционального

и информационного состояния слушающего с расчетом на обязательное извлечение адресатом закодированной в тексте информации в виде «семантических элементов, не выраженных явно, но вытекающих из эксплицитно выраженных средств» (Бондаренко 1978: 105–106). В процессе декодирования намека в голове адресата возникают косвенные, дополнительные, подразумеваемые автором смыслы, которые формально не представлены в высказывании, но вытекают из эксплицитно выраженных средств (Бугрова, Лисенкова 2024: 25) в результате влияния фактора фоновых знаний культурно-языковой личности, накопившей к данному моменту определенный багаж представлений о мире. Имея перед собой психологический портрет своего адресата, пользующегося тем или иным информационным контентом, рекламист может спрогнозировать вектор смысловой интерпретации рекламного сообщения и направить его в нужное для себя русло. К примеру, в рекламном ролике *Toyota* для *Super Bowl* 2019 года (The Toyota: Wizard GR Supra-Super Bowl 2019 Advert 2019) компания представила многомиллионной аудитории США четвертое поколение своего легендарного спортивного авто *Toyota Supra*. Реклама для огромной аудитории болельщиков на стадионе, а также многочисленной аудитории телезрителей далеко за пределами Америки требует продуманного выбора стратегии воздействия и самопрезентации фирмы. В связи с чем отсутствие словесного ряда в ролике кажется вполне естественным. Ожидается, что каждый будет интерпретировать происходящее на экране по своему усмотрению ввиду высокой энтропии визуальных образов. Тем не менее запланированный эффект от подобного рода рекламного фрагмента во многом определяется спецификой рекламы, размещенной на такой площадке. Адресованная массовой публике, собравшейся увидеть и вместе пережить столь грандиозное национальное событие мирового уровня, реклама *Toyota Supra* удачно вписывается в канву спортивного дискурса. В силу общего эмоционального настроя возбужденная аудитория проникается подготовленным для нее зрелищем. Ролик демонстрирует эффективность, функциональные возможности и яркий стиль новой *Supra*, преодолевающей полосу препятствий в гигантском игровом автомате. На первый взгляд, намек, получившийся в ходе интердискурсивного взаимодействия знаков и кодов рекламного текста (Mindiakhmetova 2024: 53), таких как легендарная песня *Pinball Wizard* группы *The Who*, пинбольный автомат и др., раскрывается перед адресатом множеством смысловых перспектив и не имеет какой-либо преднамеренно созданной автором смысловой линии. Может даже показаться, что реклама носит чисто развлекательный характер. В действительности же автор умело подключает весь спектр аудиовизуальных средств для передачи образных характеристик сотрудников фирмы. Рев мотора, трюки водителя, обтекаемые формы авто, придающие ему соблазнительный внешний вид, ловкая манера вождения — все это говорит о высоком качестве

выполнения своей работы командой *Toyota*. Сегодня *Toyota* для Америки является одним из крупнейших поставщиков автомобилей. Американцы любят машины этого японского бренда за модный дизайн, комфортабельный салон, качественную электронику. И все же конкурентный рынок США требует от рекламодателя постоянного обновления как автопродукции, так и самих брендов. Вспомним, более полувека тому назад компания завоевала сердца американских автолюбителей именно благодаря спортивной модели *Supra* тогда еще первого поколения. Еще большую популярность в начале нулевых спорткар получил после выхода в свет драмы о гонках «Форсаж». Вполне вероятно, что спустя два десятилетия громкое заявление компании *It's Back* в конце ролика вдохнет жизнь в былую славу зарубежного бренда.

Выдвигая идею РПК как самодостаточной части рекламного дискурса, мы не подвергаем сомнению разделение рекламы на коммерческую и корпоративную. Мы лишь подчеркиваем тот момент, что между ними не существует непроходимой пропасти. Коммерческая реклама также насыщена сведениями о компании-производителе, иногда в форме завуалированных оценок, намеков на ее исключительность, надежность, корпоративные ценности и культуру, что внедряет в массовое сознание новых поколений потребителей надежный образ корпорации. Этому способствует последовательное представление в процессе анализа коммуникативно-содержательных свойств различных форм представления профильной информации как составных элементов целостного рекламного образа компании. Именно этой цели подчинены знаки всех используемых в рекламе семиотических систем. Единицы вербального, визуального, музыкального, параграфического, художественного и многих других кодов служат цели оптимизации имиджа компании, косвенно заявляющей о себе в различных фрагментах рекламного дискурса. Ключевым здесь является понимание рекламной коммуникации как дискурсивной практики, дискурса, представляющего собой совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены так или иначе к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса проясняется не в одном отдельном тексте, но в результате интертекстуального, комплексного взаимодействия многих отдельных текстов (Чернявская 2009: 144). Отталкиваясь от определения дискурса В. Е. Чернявской, можно заключить, что смыслы, заложенные в *PR*-сообщения, так или иначе попадают в содержательно-смысловое поле коммерческого рекламного дискурса.

Поскольку задача рекламы заключается в привлечении покупателя, информировании его о свойствах товара, в некоторой степени принуждении совершить покупку или прийти в магазин, то и РПК преследует цель косвенно повлиять на выбор потребителя в пользу определенной марки. В этом смысле РПК, несомненно, обладает высоким манипулятивным потенциалом, так как

речевое воздействие осуществляется в обход процедурам критического осмысления предоставляемых фактов. Заявляя о себе целевой группе и создавая положительный корпоративный имидж, рекламодатель склоняет адресата к приобретению своей продукции. Проведенный анализ прагматических аспектов РПК позволяет выделить следующие его функции в рекламном тексте:

1. Идеологическая функция. Пожалуй, ключевая задача РПК состоит в том, чтобы сконструировать положительный образ фирмы как социального института, выполняющего общественно полезную миссию. Донесение до массового адресата идей и целей корпоративного института осуществляется через скрытую пропаганду корпоративных ценностей как стержневой основы корпоративной идеологии. Корпоративные ценности, провозглашенные в заявлении о миссии как основном тексте *PR*-коммуникации компании, прочитываются в различных блоках рекламного контента. Так, миссия компании *Audi* гласит: *A new activation and implementation program is now allowing Audi to tackle important issues in order to achieve long-term success. The Audi Agenda centers on products, technologies, the brand and the regions of China and North America. The clear goal of the Four Rings is to breathe new life into "Vorsprung durch Technik," bring the company closer to its customers and strengthen quality. This applies to all products and is also a mindset for the entire company. An overview* (Audi ups the pace 2024). Намек прозрачен: высокотехнологичные, исключительные машины бренда рождаются благодаря слаженной корпоративной культуре команды преданных, изобретательных энтузиастов, о чем в принципе завуалировано утверждается в рекламном слогане *Progress through technology*.

2. Укрепление лояльности к бренду. Формирование преданности адресата обеспечивает значительную прибыль благодаря регулярно совершаемым покупкам, основанным на высокой эмоциональной приверженности потребителя к бренду. Особенно ярко эта функция проявляется в рекламе отечественного производителя. В рекламе американских компаний, к примеру, эмоциональная привязанность строится через постоянные апелляции к патриотизму, выраженные вербальными средствами, подкрепляемыми знаками национальной символики (гимн, флаг, белоголовый орлан). Доверие к зарубежному производителю в свою очередь обеспечивается заявлениями о том, что компания идет в ногу со временем и беспрестанно совершенствует свои продукты: *The Audi A6 e-tron concept debuted at the Auto Shanghai 2021 trade fair as the forerunner of an innovative family of all-electric volume models. Audi is now launching the A6 e-tron as a Sportback and Avant. As the second model on the PPE platform, the upper mid-size vehicle picks up on the familiar product strengths of performance, range, efficiency, and charging. It is also the platform's first model with a flat floor concept. The exterior is powerful, sporty, and perfectly proportioned. Audi's new design philosophy defines the interior. Depending on the equipment level,*

the A6 e-tron offers many innovative features, such as second-generation virtual exterior mirrors, a panoramic glass roof that becomes opaque at the touch of a button and illuminated rings at the rear (Rethinking the upper mid-size segment — the Audi A6 e-tron sets standards in design and range 2024).

3. Отстройка и дискредитация конкурента. Данная функция помогает компании сохранять имя и не теряться в массиве брендов, предлагающих продукцию с одинаковым функционалом. Например, в автомобильном сегменте есть ряд марок, за которыми закрепилась репутация компаний, специализирующихся на производстве высококачественных и долгослужащих автомобилей, что, как оказалось, недостаточно для автоконцерна *Audi*, смело позиционирующего себя как производитель машин, вобравших в себя характеристики авто лучших марок. Так, в рекламном ролике (Audi '4 key rings' commercial video 2015) после вопроса *What do you want in a car?* зритель видит, как на крючки последовательно вешаются ключи автомобилей известных марок, каждая из которых ассоциируется в сознании массового адресата с определенными параметрами автомобиля, такими как красивый дизайн (*Design?*) (*Alfa Romeo*), комфортабельность (*Comfort?*) (*Mercedes Benz*), безопасность (*Safety?*) (*Volvo*), спортивная родословная (*Sportiness?*) (*BMW*). Задумка получилась весьма оригинальной. Намек налицо: четыре кольца *Audi* символизируют превосходство бренда, его способность быть лучшим из лучших благодаря своим уникальным авто 4 в 1.

4. Парольная функция. Эмотивная составляющая РПК призвана установить доверительные отношения между компанией и адресатами за счет определения круга «своих». Используемые в рекламной коммуникации знаки и коды культуры служат своего рода паролем, верная смысловая интерпретация которого делает зашифрованную информацию доступной только для посвященных, что естественным образом сближает компанию-рекламодателя и ее обширную целевую аудиторию. Так, в рекламе *Jeep* 2021 года (Jeep — The Middle Super Bowl LV Ad ft. Bruce Springsteen 2021) создатель ролика напоминает, что именно сейчас американский народ силен как никогда, и призывает вспомнить объединяющее начало нации — бесчисленные дороги. В поисках места единства нации рок-музыкант Брюс Спрингстин отправляется в долгое путешествие в американскую часовню, расположенную в штате Канзас, территориальном центре страны. Образ религиозного института подогревает патриотическое настроение зрителя, заставляя в очередной раз поверить в силу и непоколебимость американского общества. Интерпретация рекламного текста, изобилующего парольными знаками этнолингвокультуры, требует экстралингвистических знаний о географии: *There's chapel in Kansas standing on the exact center of the lower 48. It never closes. All are more than welcome to come meet*

here in the middle (Ibid.). Акцент на общности национальных интересов обыгрывается в политическом контексте борьбы республиканцев и демократов: *It's no secret the middle has been a hard place to get to lately. Between red and blue. Between servant and citizen* (Ibid.). Интенсификации суггестивного эффекта способствует актуализация ценности свободы как смысложизненного ориентира для каждого американца: *Between our freedom and our fear. Now fear has never been the best of who we are. And as for freedom it's not the property of just the fortunate few. It belongs to us all whoever you are, wherever you from* (Ibid.). Благодаря инклюзивным местоимениям, формирующим дейктическое пространство ролика, адресат чувствует себя частью команды, усилия которой направлены на сохранение национальной целостности. По мере нарастания идеологической силы сообщения рекламный текст приобретает черты пропагандистского лозунга: *It's what connects us and we need that connection. We need the middle. We just have to remember the very soil we stand on is common ground. So we can get there. We can make it to the mountaintop, through the desert. And we will cross this divide. Our light has always found its way through the darkness. And there's hope on the road up ahead* (Ibid.). Очень метко о религиозных началах американского патриотизма высказался американский философ Фред Эдвордс: «То, насколько Америка религиозна, настолько она патриотична» (перевод мой. — Р. М.) (Edwords 1994). Фокус на религиозных мотивах рассчитан на резонирование укоренившихся представлений американцев, с их национальным самосознанием, об устройстве мира. Это тот случай, когда сознание определяет быт человека, а не наоборот. Именно сознание американцев, пропитанное религиозными смыслами, создавало лайфстайл по-американски, ведь, как известно, у истоков успеха, процветания и благосостояния этой нации лежит жесткая протестантская этика пуритан, на века определившая образ жизни и отношение к труду самих американцев, что подчеркивается в теглайне видеоролика: *To the Reunited States of America* (Ibid.). Пропитанный патриотизмом текст сопровождается не менее насыщенным визуальным рядом знаков лингвокультуры (государственный флаг, атрибуты костюма ковбоя, одичавшая домашняя лошадь североамериканских прерий мустанг и мн. др.). Автор словно призывает американцев объединиться, чтобы выжить под натиском чужой культуры, постепенно подводя зрителя к идее понимания родной культуры как «щита», охраняющего национальное своеобразие народа, и «глухого забора», отгораживающего от других народов и культур (Тер-Минасова 2008: 20). Актуализация равных возможностей, прав и обязанностей в рекламе страны, провозглашающей себя светочем демократии и равноправия, оказывается весьма уместной. Оправдан и выбор посредника для ролика. Образный код лидера группы *The E Street Band* Брюса Спрингстина, в песнях которого воспеваются любовь к Родине и американская мечта, производит эффект заражения толпы,

в результате чего помимо эмоционального состояния героя происходит передача любой другой информации рекламного характера. Причем адресат не в состоянии трезво оценить подаваемую ему реальность с уже готовыми оценками создателя рекламы.

Как видно, апелляции к патриотизму обеспечивают лояльность искушенного американца, благодаря чему национальные бренды не теряют свою многочисленную аудиторию, несмотря на серьезную конкуренцию со стороны зарубежных автоконцернов, автомобили которых, судя по покупательской активности и результатам социологических опросов, в разы превосходят американское авто.

4. Заключение

Итак, результаты проведенного нами исследования позволяют дать следующее определение предлагаемого нами термина: *рекламный профиль компании представляет собой совокупность знаков всех используемых в коммерческом дискурсе семиотических систем, обеспечивающую формирование в общественном сознании положительного рекламного образа фирмы путем транслирования в массы профильной информации о ценностях и корпоративной культуре компании с целью склонить потенциального покупателя совершить покупку в пользу определенного бренда*. Проводником информации о деятельности компании, ее культуре и ценностях является намек, выраженный как вербальными, так и невербальными средствами языка. РПК как имиджевый компонент коммерческой рекламы, актуализирующий идеологию фирмы, высвечивается на поверхностном уровне структуры рекламного текста в форме неявных следов, идентифицируемых по языковой догадке. Успешность распознавания и интерпретации этих намеков во многом зависит от культурного багажа знаний языковой личности, ее умения извлекать смысл рекламного послания в интертекстуальном взаимодействии лингвокультурных знаков, задействованных в рекламном дискурсе. Дальнейшая перспектива исследования термина видится в разных направлениях. Так, следует детально рассмотреть прагматические аспекты РПК, выделив задачи, необходимые для выполнения той или иной функции. Особый интерес вызывает проблема ценностной адресации рекламных текстов, что предполагает изучение способов и средств речевого воздействия на эмоциосферу той или иной тагетированной группы. При этом, какой бы ракурс ни использовал исследователь, он должен четко понимать, что многие вопросы, возникающие в ходе анализа, могут быть решены в рамках трансдисциплинарного подхода, что позволит глубже проникнуть в суть разрабатываемого понятия.

Список литературы / References

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2010. [Alefirenko, Nikolay F. (2010) *Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoye prostranstvo yazyka* (Linguoculturology: Value-Semantic Space of Language). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].

Бондаренко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978. [Bondarenko, Alexandr V. (1978) *Grammaticheskoye znacheniye i smysl* (Grammatical Meaning and Sense). Leningrad: Nauka. (In Russian)].

Бугрова С. Е., Лисенкова Н. Н. О видах импликации в семантической структуре косвенных репрезентативов (на материале английского языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 1 (65). С. 25–36. [Bugrova, Svetlana Ye., & Lisenkova, Nadezhda N. (2024) O vidakh implikatsii v semanticheskoy structure kosvennykh reprezentativov (na materiale angliyskogo yazyka) (Types of Implication in the Semantic Structure of Indirect Representatives). *LUUN Bulletin*, 1 (65), 25–36. (In Russian)]. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-25-36.

Виноградов С. Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международой научной конференции РОПРЯЛ. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2007. С. 93–97. [Vinogradov, Sergey A. (2007) K lingvisticheskomu ponimaniyu tsennosti (On a Linguistic Understanding of Value). In *Russkaya slovesnost' v kontekste mirovoy kul'tury: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Russian Literature in the Context of World Culture). Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 93–97. (In Russian)].

Демидова А. С. Фольклор в японской телерекламе как средство формирования и укрепления культурной идентичности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 28–40. [Demodova, Anna S. (2023) Fol'klyor v yaponskoy telereklame kak sredstvo formirovaniya i ukrepleniya kul'turnoy identichnosti (Folklore in Japanese TV Commercials as a Means of Forming and Strengthening Cultural Identity). LUUN Bulletin, 2(62), 28–40. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-28-40.

Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание брендов с помощью архетипов. Перевод с английского В. Домнина, А. Сухенко. СПб.: Питер, 2005. [Mark, Margaret, & Pearson, Carol. (2005) *Geroy i buntar': sozdaniye brendov s pomoschyu arkhetipov* (Hero and Outlaw: Building Strong Brands). Saint Petersburg: Piter. (In Russian)].

Мелехова А. С. Нативная реклама как элемент digital-коммуникационной стратегии бренда // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 242– 245. [Melekhova, Anna S. (2015) Nativnaya reklama kak element didgital kommunakatsionnoy strategii brenda (Native Ad as an Element of Digital-Communicational Strategy of the Brand). *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 3, 242–245. (In Russian)].

Миндиахметова Р. М. Лингвокультурная специфика рекламного профиля компании (на материале американской авторекламы): Дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2018. [Mindiakhmetova, Rimma M. (2018) *Lingvokul'turnaya spetsifika reklamnogo profilya kompanii (na materiale amerikanskoy avtoreklamy)* (Linguacultural Specificity of Advertising Profile of Company (Based on American Car Advertisement)): PhD Thesis in Philology). Ufa. (In Russian)].

Миндиахметова Р. М. Рекламный профиль компании в зеркале культурных кодов дискурса рекламы // Межкультурная коммуникация в образовательном пространстве: Материалы Международной научно-практической конференции. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2021. С. 38–43. [Mindiakhmetova, Rimma M. (2021) Reklamnyj profil' kompanii v zerkale kul'turnykh kodov diskursa reklamy (Company Advertising Profile in the Mirror of Cultural Codes of Advertising Discourse). In *Mezhkul'turnaya komunikatsiya v obrazovatel'nom prostranstve: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Intercultural Communication in Educational Space). Ufa: Izdatel'stvo UGNTU, 38–43. (In Russian)].

Михальская А. К. Язык российских СМИ как манипулирующая система [Электронный ресурс] // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов международной научной конференции 25–26 октября 2001 г. М.: Издательство Московского университета. URL: https://mum-jourfac.narod.ru/publications.htm (дата обращения: 27.12.2024). [Mikhal'skaya, Anna K. (2001) Yazyk rosiyskikh SMI kak manipuliruyuschaya sistema (Russian Media Language as a Manipulative System). In *Yazyk SMI kak object mezhdistsiplinarnogo isledovaniya* (Media Language as a Subject of Interdisciplinary Research: Abstracts of International Scientific Conference). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta. Retrieved from https://mum-jourfac.narod.ru/publications.htm (2024, December 27). (In Russian)].

Прасолова О. Д. Рекламный ролик к фильму как компонент кинодискурса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 3 (63). С. 93–104. [Prasolova, Olga D. (2023) Reklamnyj rolik k fil'mu kak komponent kinodiskursa (Film Trailers as a Component of Film Discourse). *LUUN Bulletin*, 3 (63), 93–104. (In Russian)]. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-93-104.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008. [Ter-Minasova, Svetlana G. (2008) *Yazyk i mezhkul'turnaya komunikatsiya* (Language and Intercultural Communication). Moscow: Slovo. (In Russian)].

Хасанова Р. М. Средства создания ценностного кода в рекламном профиле компании // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 4. С. 178–186. [Khasanova, Rimma M. (2014) Sredstva sozdaniya tsennostnogo koda v reklamnom profile kompanii (Means of Creating Axiological Code in the Advertising Profile of a Company). *Pushkin Leningrad State University Journal*, 1 (4), 178–186. (In Russian)].

Чанышева З. З. Суггестивный эффект знаков лингвокультуры в медиакоммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 3. С. 140–147. [Chanysheva, Zul'fira Z. (2012) Sugestivnyj efekt znakov lingvokul'tury v mediakomunikatsii (Suggestive Effects of Linguacultural Signs in Mass Media Communication). *Pushkin Leningrad State University Journal*, 1 (3), 140–147. (In Russian)].

Чанышева З. З. Особенности рекламы в условиях медиатизации общества // Вестник Башкирского университета. 2022. Т. 27. № 2. С. 359–365. [Chanysheva, Zul'fira Z. (2022) Osobennosti reklamy v usloviyakh mediatizatsii obschestva (Advertising Peculiarities in Conditions of Societal Mediatization). *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 27 (2), 359–365. (In Russian)].

Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учеб. пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. [Chernyavskaya, Valeriya Ye. (2009) *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost': Uchebnoye posobiye* (Text Linguistics: Policodity, Intertextuality, interdiscursivity: Study Guide). Moscow: Publishing house «LIBROKOM». (In Russian)].

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. [Shakhovskij, Viktor I. (2008) *Lingvisticheskaya teoriya emotsij: Monografiya* (Linguistic Theory of Emotions: Monography). Moscow: Gnozis. (In Russian)].

Якина Я. И. Реализация знаков лингвокультуры в рекламном контенте слогана // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. № 4. С. 935–941. [Yakina, Yana I. Realizatsiya znakov lingvokul'tury v reklamnom kontente slogana (The Realization of Linguistic Cultural Signs in the Slogans of Advertising Content). *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 24 (4), 935–941. (In Russian)].

Edwords, Fred. (1994) *The Religious Character of American Patriotism*. Retrieved from: https://infidels.org/library/modern/fred-edwords-patriot/ (2024, December 14).

Mindiakhmetova, Rimma M. (2024) Interdiscursive Development of Advertising Information in the Form of Hints. *LUNN Bulletin*, 1 (65), 53–72. DOI 10.47388/2072- 3490/lunn2024-65-1-53-72.

Источники языкового материала / Language material resources

Anthony Kalamut (Southside AdGuy) / www.youtube.com/@AnthonyKalamut. (2021, February 9) *Jeep — The Middle Super Bowl LV Ad ft. Bruce Springsteen*. Retrieved from: https://m.youtube.com/watch?v=-gPOPLrUfyw (2024, December 20).

AUDI AG. (2024, March 19) *Audi ups the pace.* Retrieved from: https://www.audi.com/en/company/strategy/audi-agenda.html (2024, November 21).

AutoMotoTV / www.youtube.com/@AutoMotoTV. (2024, August 2) *Rethinking the upper midsize segment - the Audi A6 e-tron sets standards in design and range*. Retrieved from: https://m.youtube.com/watch?v=cI6nnyPSznY (2024, December 10).

Coligo Web / www.youtube.com/@ColigoCom. (2019, February 5) *Kia Motors - The Great Unknowns Scholarship*. Retrieved from: https://m.youtube.com/watch?v=UHnDmoSu-yM (2024, September 25).

IATSE 490 / www.youtube.com/@iatse4905. (2018, March 9) *Hyundai / Hope Detector (2018)*. Retrieved from: https://m.youtube.com/watch?v=lNPccrGk77A (2024, September 16).

NEWS REAL FAST LANE / www.youtube.com/@ NEWSREALFASTLANE. (2019, February 16) *The Toyota: Wizard GR Supra-Super Bowl 2019 Advert*. Retrieved from: https://m.youtube.com/watch?v=f9SS8hhbjSI&pp=ygUidG95b3RhIHN1cHJhIHN1cGVyIGJvd2wgY29tbWVyY2lhbA== (2024, October 11).

SCANable / www.youtube.com/@Scanable. (2020, January 31) *Kia Official Big Game Commercial 2020 with Josh Jacobs | "Tough Never Quits"*. Retrieved from: https://m.youtube.com/watch?v=4WODNrFt_uw (2024, September 28).

Swati Saraswat / www.youtube.com/@swatisaraswat2707. (2015, March 30) *Audi '4 key rings' commercial video.* Retrieved from: https://m.youtube.com/watch?v=qgj2ZAYDv5k&pp=ygUbQXVkaSA0a2V5cyByaW5ncyBjb21tZXJjaWFs (2024, September 14).

Toyota UK / www.youtube.com/@toyotauk. (2024, July 13) *Hydrogen power, take two! Rowan Atkinson drives NEW hydrogen-powered Toyota GR Yaris H2 at Goodwood*. Retrieved from: https://m.youtube.com/watch?v=g6XPicS1NdA&pp=ygUmaHlkcm9nZW4gcG93ZXIgdGFrZSB0d28gcm93YW4gYXRraW5zb24= (2024, September 22).

Trisha Ray Ganguly / www.youtube.com/@TriploGoofus. (2018, December 27) *Ben Kingsley, Mark Strong, Tom Hiddleston in Jaguar Ad*. Retrieved from: https://m.youtube.com/watch?v=E_hF9MJOOKY (2024, October 25).

УДК 801: 801.73
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-75-91

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ЛЮБОВЬ* В РАЗЛИЧНЫХ ПЕСЕННЫХ ТЕКСТАХ

Л. А. Исаева, К. С. Остроухова

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Данное исследование посвящено изучению эмоционального концепта ЛЮБОВЬ в различных песенных дискурсах. Материалом для анализа послужили 120 текстов песен рок-исполнителей и поп-исполнителей. Национально-культурные репрезентации концепта ЛЮБОВЬ представлены в русской фразеологии и пословицах (388 и 230 единиц соответственно) и в советском песенном дискурсе (60 текстов). Цель исследования — выявить общие приращения лингвокультурного смысла «любовь» в различных песенных дискурсах, сравнить данные концептуализации с национальными базовыми репрезентациями. Теоретическая значимость предложенной работы определяется тем, что решается вопрос о соотношении в текстах так называемой массовой культуры общенационального и индивидуально-авторского элемента в одном из центральных концептов данной сферы ЛЮБОВЬ. Методы, использованные в настоящем исследовании: концептуального анализа, сравнительный метод, метод сплошной выборки. Методом концептуального анализа было выделено 83 репрезентации концепта ЛЮБОВЬ в рок-дискурсе, 81 репрезентация концепта ЛЮБОВЬ в поп-дискурсе. Среди рок- и поп-дискурсов было установлено 50 общих приращений лингвокультурного смысла ЛЮБОВЬ, некоторые из них: «любовь — ментальное», «любовь — свет», «любовь — стихия», «любовь — информация», «любовь — растение», «любовь — вечная», «любовь — необходимая». Количество специфических концептуализаций в рок-текстах — 33 (например, «любовь — прочная», «любовь — прекрасная», «любовь — фантастика», «любовь — мистика», «любовь — разделение участи любимого», «любовь — пустяк»), в поп-текстах — 31 (например, «любовь — ценность», «любовь — светлая», «любовь — первая», «любовь — поиск», «любовь — лекарство, спасение», «любовь — выбор»). В результате проведенного анализа было выяснено, что специфические концептуализации понятия «любовь» в различных дискурсах отражают индивидуально-авторское понимание рассматриваемого нами концепта. Сопоставление общих репрезентаций, выделенных в различных видах дискурсов, с репрезентациями, представленными в национальной русской фразеологии и советском песенном дискурсе, позволило сделать вывод о том, что основу концепта ЛЮБОВЬ в рок-текстах и поп-текстах составляют приращения, являющиеся фундаментальными для русской культуры. Сделанные выводы могут быть использованы при исследовании языковой картины мира носителей языка той или иной эпохи.

Ключевые слова: концепт; песенный дискурс; национальная фразеология; советские тексты; рок-тексты; поп-тексты.

Цитирование: Исаева Л. А., Остроухова К. С. Языковая репрезентация концепта ЛЮБОВЬ в различных песенных текстах // Вестник Нижегородского государственного лингвистического

университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 3 (71). С. 75–91. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-75-91.

Linguistic Representation of the Concept "Love" in Song Lyrics

Lydiya A. Isaeva, Kseniya S. Ostroukhova

Kuban State University, Krasnodar, Russia

This study presents an analysis of the emotional concept "love" in various types of song discourse and is based on 120 lyrics by rock and pop performers. The baseline for the national and cultural representations of the concept "love" is derived from Russian phraseology and proverbs (388 and 230 units respectively) and the Soviet song discourse (60 lyrics). The purpose of the study is to identify common conceptual increments of the linguacultural meaning of "love" in various types of song discourse and to compare these conceptualizations with the basic national representations of the concept. The theoretical significance of the research lies in that the authors propose to find the ratio of the national and individual elements in the concept "love" as it is represented in song lyrics that belong to the so-called mass culture. The study utilizes the method of conceptual analysis, the comparative method, and the method of continuous sampling. Using the method of conceptual analysis, the authors identify 83 representations of the concept "love" in rock discourse and 81 representations of the concept "love" in pop discourse, further identifying 50 common increments of the linguacultural meaning of "love" in these two types of song discourse, including the following: "love is mental," "love is light," "love is an elemental power," "love is information," "love is a plant," "love is eternal," and "love is necessary." The authors also identified 31 specific conceptualizations of "love" in rock song lyrics (e.g., "love is strong", "love is beautiful," "love is a fantasy," "love is mysticism," "love is sharing the fate of a loved one," "love is a trifle") and 31 specific representations of "love" in pop song (e.g., "love is a value," "love is bright," "love is the first," "love is a search," "love is a medicine, salvation," "love is a choice"). As a result of the conducted analysis, it became clear that specific conceptualizations of the concept "love" in various types of song discourse reflect individual authors' understanding of the concept, while the comparison of common representations of "love" in both rock and pop song lyrics with baseline representations, derived from national Russian phraseology and the Soviet song discourse, enabled the authors to conclude that the basis of the concept "love" in rock and pop lyrics is made up of increments that are fundamental to Russian culture. The conclusions drawn can be used in the study of the worldview of native speakers within a particular time period in the country' history.

Key words: concept; song discourse; national phraseology; Soviet song lyrics; rock song lyrics; pop song lyrics.

Citation: Isaeva, Lydiya A., & Ostroukhova, Kseniya S. (2025) Linguistic Representation of the Concept "Love" in Song Lyrics. *LUNN Bulletin*, 3 (71), 75–91. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-75-91.

1. Введение

Термин «концепт» является объектом изучения сразу нескольких областей: когнитивистики, семантики, лингвокультурологии, из-за чего в настоящее время не сложилось однозначного определения этого термина. К примеру, С. А. Аскольдов трактует концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» (Аскольдов 1997: 269). Согласно В. В. Колесову, «концепт — зерно первосмысла, семантический “зародыш” слова» (Колесов 2002: 50–51). В данной работе вслед за Д. С. Лихачевым (1997), В. И. Карасиком (1996, 2002) под концептом понимается многомерное образование, включающее в себя совокупность смыслов, идей, представлений, эмоций, которые непосредственно связаны со словом и обозначаемой им действительностью.

Е. С. Кубрякова рассматривает концептуальный анализ как «поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры», который «приводит к знаниям о мире» (Кубрякова 1991: 89).

Песенный дискурс «в лингвокультурологии традиционно рассматривается как мощный и влиятельный ресурс (вос)производства ключевых ценностей и концептов культуры» (Дуняшева 2015: 190). Песенный текст сочетает в себе поэтический и музыкальный компоненты, обладает коммуникативной функцией, связывает коммуникантов со схожим культурным уровнем и видением мира.

Концепт ЛЮБОВЬ в песенном дискурсе ранее рассматривался в работах К. А. Матусевич, Е. Ф. Ехлаковой (2015), Н. В. Козловой (2016), В. М. Мошковича, В. В. Мошкович (2021), П. В. Шоковой (2024), С. Г. Воркачева (2023), Ю. Ю. Панченко (2021), Е. А. Пашковой (2018), В. Э. Муратовой (2009), Н. Г. Архиповой (2009) и др.

«Любовь — крайне интимное чувство, для передачи которого подходит лирическая поэзия, в которой находят свое воплощение самые задушевные переживания, поэтому совсем не случайно в лингвистике семантика этого морального чувства и употребление его языковых показателей исследуются на материале стихотворных произведений» (Воркачев 2023: 278).

Поставленная в статье цель, а именно: выяснить, что объединяет песенные тексты различных дискурсов на фоне русский национальной фразеологии, — реализуется путем решения следующих задач:

1) выявление и классификация приращений концепта ЛЮБОВЬ в различных песенных дискурсах (рок-дискурс, поп-дискурс);

2) сопоставление выявленных в различных песенных дискурсах концептуализаций, разделение их на общие и специфические для каждого из дискурсов;

3) общее сравнение приращений, представленных в рок-, поп-дискурсах с концептуализациями, представленными в национальной русской фразеологии и советских песенных текстах.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом для нашего исследования послужили тексты песен различных жанров: рок, поп, советская песня. Для каждого песенного дискурса мы отобрали по 60 текстов различных популярных исполнителей и групп. В рок-жанре — из репертуара групп «Ария», «Король и Шут», «Nautilus Pompilius», «ДДТ», «Кукрыниксы», «Дайте танк (!)», «ДМЦ», «Ночные снайперы», «Би-2», «Три дня дождя», «Animal Джаz», «Мумий Тролль» и др. В поп-жанре — Слава, Макsим, Полина Гагарина, Филипп Киркоров, Jah Khalib, Ёлка, JONY, Мот, «Градусы», Егор Крид, Anna Asti, просто Лера, Ирина Дубцова, Ирина Аллегрова и др. Методом сплошной выборки из фразеологических словарей и словаря пословиц было извлечено 388 фразеологических единиц и 230 пословиц. Также для сопоставления были взяты тексты поэтов-песенников (М. С. Пляцковского, Я. В. Хелемского, М. Л. Матусовского, И. А. Гофф, М. К. Павловой, Г. Г. Регистана, В. Г. Харитонова, Ю. В. Цейтлина, Я. М. Зискинда и др.)

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Концептуализации понятия «любовь» в песенном рок-дискурсе конца XX–XXI вв.

Рок-дискурс — феномен, отражающий аксиологические, эстетические и языковые черты значительной группы людей. Рок-текст — это не просто система знаков, это совокупность идей, эмоций, чувств, настроений, адресованных слушателю и разделенных им. Рок-культура уникальна, она имеет свободолюбивый характер. Но такова ли любовь в этих песнях? *Я свободен от любви, / От вражды и от молвы, / От предсказанной судьбы / И от земных оков, / От зла и от добра, / В моей душе нет больше места для тебя*, — поет в своей рок-балладе Валерий Кипелов. Значит ли это, что любовь ограничивает человека, «заковывает» его в цепи, как в русском фразеологизме *цепи любви*? Анализ песенных текстов рок-направления показал, что концепт ЛЮБОВЬ реализуется во многом через базовые репрезентации, представленные во всех рассматриваемых нами дискурсах и во фразеологии, но также имеет специфические приращения.

Итак, в песенном рок-дискурсе представлены следующие концептуализации понятия «любовь»:

1) «любовь — ментальное (боль, счастье, покой, мечта, память и т. д.)»: *Моя любовь — это мечта*; *Это легче, чем забыть, — наслаждаться этой болью, / Я люблю тебя любить, мазать раны сладкой солью*; *Лезвием режет временная петля, / Я задыхаюсь, вспоминая тебя*;

2) «любовь — информация (песня, стих, слово и т. д.)»: *Это любовь, когда пишешь стихи, / А ей вообще наплевать на стихи, / Но ты пишешь их вновь*; *Хочешь, я отдам все песни? / Про тебя отдам все песни*;

3) «любовь — растение (букет, цветы, розы и т. д.)»: *Кроваво-красные бутоны и шипы, / Их ядовитый аромат опять ползет по стенам*; *Я вяла как цветок, / А ты не замечал*;

4) «любовь — огонь»: *Шум деревьев и ветер ночной / Стон заглушат и твой, и мой, / И биение сердца, / Пылающего адским огнем*; *Два пылающих тела / Сольются в ночной тишине*;

5) «любовь — экзистенциальное»: *Весна заразила нас оптимизмом серийных самоубийц*;

6) «любовь — космос»: *Теперь уже поздно и падают звезды, / Осколками наших разбитых сердец*;

7) «любовь — дорога»: *И рельсы — сердечный пульс, / Железные струны души, / Наверное, скоро вернусь, / Ты, пожалуйста, только пиши мне*;

8) «любовь — стихия»: *И будет гром, кислотный ливень, ядовитый мрак*; *Будет накрывать волнами, / Это только между нами, / Никому не говори!*;

9) «любовь — в физическом проявлении»: *В твоем подъезде выбьет пробки, / Поцелуи долгие*;

10) «любовь — разлука»: *Встретимся и за секунду проносится ночь, / Но вечностью черной разлука обрушится вновь*;

11) «любовь — ожидание»: *Любви в этом городе нет, / Но я знаю, что ты меня ждешь*;

12) «любовь — свет»: *Там, где наша любовь, там нету нас давно, / Давно выключен свет, внутри всех нас темно*;

13) «любовь — оппозиция одиночеству»: *От одиночества сегодня получил я приглашение, / Свечу зажгла Ее Величество Луна*;

14) «любовь — вода»: *Одна любовь, одна любовь, одна, / Мои слова, твои слова — вода*;

15) «любовь — вечная»: *До скорой встречи, до скорой встречи, / Моя любовь к тебе навечно!*;

16) «любовь — единственная»: *Одна любовь, одна любовь, одна*;

17) «любовь — конечная»: *Больше не будут смотреть на нее те глаза, / Неверный поступок задует любовный очаг*;

18) «любовь — необходимая»: *Я так хочу, я так хочу понять, / Как выжить в этом мире без тебя*;

19) «любовь — прочная»: *Ведь портной сшил нас вместе титановой нитью*;

20) «любовь — счастливая»: *Похоже, счастлив я, / И не слегка*;

21) «любовь — пространство»: *На Цветном и на Каретном — беспробудно, беспросветно. / Помнишь, как великолепно? / Если да, то подмигни!*;

22) «любовь — прекрасная»: *Прекрасная любовь, дарящая мечты*;

23) «любовь — фантастика»: *Все это ты! И ты — не привидение. / Фантастика, фантастика!*;

24) «любовь — мистика»: *Это же мистика — / Падают листья, как / Падаем мы с тобой / В омут да с головой*;

25) «любовь — ограничение, сдерживание»: *И я свободен вновь, / Я свободен от любви*;

26) «любовь — в прозвищах, ласковых наименованиях»: *моя родная*; *моя звездочка*; *милый*;

27) «любовь — разделение участи любимого»: *Я готов к смертельным ранам, но вопрос, готова ли к ним ты*;

28) «любовь — чувство, возникающее на основании каких-либо качеств человека»: *Я бросила школу, сожгла тетрадки и портфель, / Закурила сигарету, залила ее портвейном. / Пьяная, полечу через забор, / Теперь достаточно крутая, чтобы быть с тобой?*;

29) «любовь — иллюзия»: *В обман, который злые люди / Давным-давно назвали именем любовь*;

30) «любовь — пустяк»: *Если любовь существует, / Она какой-то пустяк*;

31) «любовь — омут»: *Дайте мне белые крылья, я утопаю в омуте, / Через тернии, провода, в небо, только б не мучиться*;

32) «любовь — сердце»: *Кровь тяжелым напором ударит прямо в сердце мне*;

33) «любовь — в глазах»: *Не видела любви / В твоих глазах такой*;

34) «любовь — сила, способная противостоять лжи, злу»: *Прекрасная любовь, там ложь пустила семя / И нашим миром правит уродливой рукой*;

35) «любовь — чудо»: *И вот прекрасная любовь влетела птицей в город, / И плакал, видя чудо, очнувшийся народ*;

36) «любовь — сюрприз»: *Любовь — это самый приятный сюрприз*;

37) «любовь — судьба»: *Но я приду, ведь ты моя судьба!*;

38) «любовь — высшее чувство»: *Выше жизни, что не врет, / Выше смерти, что не ждет, / Выше боли, выше зла, / Выше стен, где жизнь была*;

39) «любовь — убежище»: *Мир сошел с ума, / Надоело все, что там снаружи, / Давай до утра старые пластинки слушать*;

40) «любовь — сладость»: *Стекала патока любви*;

41) «любовь — вдохновение»: *С тобой я не просто живой, я бессмертный*;

42) «любовь — свобода»: *Знаешь я теряю свободу, / Когда теряю тебя*;

43) «любовь — верность»: *Я лучше никогда не буду получать цветы, / Чем снова буду выносить твои измены, твои измены*;

44) «любовь — оппозиция материальной выгоде»: *Мне твои бумажки дешевле бумаги, / Мы с тобой, увы, слишком разные люди, / Сколько не плати, но уже лучше не будет*;

45) «любовь — гармония»: *Но где-то на дне наших глаз я вижу надежду, между / Нами границы, страницы, вершины и катакомбы. / Время любить, не время разбрасывать бомбы*;

46) «любовь — поклонение, восхищение»: *Я готов целовать бетон, / На который ты с грохотом падала*;

47) «легкость взаимной любви»: *Поцелуями… нежными ли… нижними ли… / Это будет нетрудно, / Это по любви*;

48) «любовь — поддержка»: *Эта боль не закончится, но я знаю: ты сильная, / Держи меня за руку, обнимай меня крыльями и люби*;

49) «любовь — прощение»: *Я забываю, как часто я предавал, / Как возвращался и падал к твоим ногам*;

50) «любовь — дом»: *Глаза сменили тон, ты отпусти ладонь, / Мой дом теперь закроется навсегда*;

51) «любовь — оппозиция насилию»: *Хочу сделать тебе больно, / Вот такая вот любовь, да, / Все твои слова и крики провоцируют конфликты*;

52) «любовь — жизнь»: *Я испытал это лишь один раз / И осознал: любовь — это жизнь*;

53) «любовь — побеждающая смерть»: *Пьяный врач мне сказал — тебя больше нет, / Пожарный выдал мне справку, что дом твой сгорел, / Но я хочу быть с тобой*;

54) «любовь — земная»: *И мы сгорели на земле, оставив небо для других*;

55) «любовь — непрочная»: *Стаканов граненых шум / Трещит как любовь по швам*;

56) «любовь — огромная»: *Моей огромной любви / Хватит нам двоим с головою*;

57) «любовь — эмоциональная»: *Крики уже не удивят соседей, / Одежда вновь разбросана повсюду*;

58) «любовь — проклятая»: *И вот еще одна распята во имя проклятой любви*;

59) «любовь — неторопливая»: *Неторопливая любовь — / Так любят тигры своих жен*;

60) «любовь — духовная»: *Ведь ты обещал мне, отчаянно клялся: / Любишь лишь меня, а не моделей из глянца. / Как странно, поверила, дура, / Что тебе важна душа, не чья-то фигура*;

61) «любовь — преодолевающая»: *Пусть одежду ветер рвет, / Ураган пускай ревет — / Я по твоим соскучился губам!*;

62) «любовь — настоящая»: *Наверное, другой / Милей тебе, чем я. / Играет он с тобой, / А я люблю тебя*;

63) «любовь — холодная»: *Что же моя любовь / Так холодна зимой?*;

64) «любовь — трудная»: *Шумы, крики, гам — / Полетело по проводам. / Что случилось там, / Это известно только лишь нам*;

65) «любовь — приоритет»: *Я люблю тебя, ты желаннее студии, / Важнее концертов, красивее, чем полнолуние, / Умнее профессоров, уютнее падика, / Теплее и ближе русской подъездной романтики*;

66) «любовь — разрушительная»: *Твое холодное сердце запретно, но так безупречно, / И я на коленях / Держу твое черное сердце, что я изувечил*;

67) «любовь — неприятная»: *Разожги огонь и подари мне ночь, / Ведь даже невменоз приятней, чем твоя любовь*;

68) «любовь — взаимодополняющая»: *Моя звездочка, я с тобой, / Мы — созвездие дураков, / Мы — содействие, мы — предел, / Мы — абстракция, интертекст, / Мы — семейство небесных тел, / Я — реакция, ты — рефлекс*;

69) «любовь — цикличная»: *За руку в темноте, / Ты снег в моей комнате, / Слова окурками растают по весне, / Я, кажется, влюбился в тебя заново*;

70) «любовь — чувство, которому невозможно сопротивляться»: *Сердцу, друг мой, не прикажешь*;

71) «любовь — чувство, заставляющее человека лишаться рассудка»: *И о той любви земной, / Что нас сжигала в прах, / И я сходил с ума*;

72) «любовь — тепло»: *Ну конечно уверен, забери мое сердце, / Его хватит надолго, чтобы согреться*;

73) «любовь — встреча»: *Чтоб быть с тобой навсегда, / Я сразу билеты взял. / Нас ссорили поезда, / Но мирил нас пустой вокзал*;

74) «любовь — тайна»: *Ах, какой смешной и наивный парень. / Думает, что не замечаю я его*;

75) «любовь — смерть»: *И вот еще одна распята во имя проклятой любви*;

76) «любовь — падение»: *Так мы быстрей на дно падаем, / Словно летим с горы*;

77) «любовь — кровь»: *Ты въелась в кровь как будто самый дешевый дым*;

78) «любовь — полет»: *Летали, шептали, любили, затихли*;

79) «любовь — не приоритет»: *Дорога — мой дом, и для любви это не место*;

80) «любовь — запах»: *Твой запах до смерти родной*;

81) «любовь — разбитая»: *Она здесь, ты там, / Где все сердца разбиты*;

82) «любовь — невзаимная»: *Не люб ты мне, пойми, / А люб мне тот другой*;

83) «любовь — эгоистичная»: *Я люблю тебя не за то, кто ты, / Я люблю тебя за то, кто я с тобой*.

Таким образом, нами было выделено 83 репрезентации концепта ЛЮБОВЬ в рок-дискурсе, многие из них будут пересекаться с приращениями, отмеченными в рок-дискурсе и советском песенном дискурсе, однако найденные специфические концептуализации, например «любовь — фантастика», «любовь — мистика», «любовь — пустяк», «любовь — сюрприз», являются индивидуально-авторскими и отражают персональное видение данного концепта.

3.2. Концептуализации понятия «любовь» в песенном поп-дискурсе XXI в.

Поп-дискурс — это разновидность песенного дискурса, отличающаяся неформальностью, эмоциональностью, а также отражающая современные тенденции и настроения. «К основным особенностям поп-дискурса следует отнести неформальность, что отражается на его лексике и грамматическом строе» (Алексеев 2023: 12). Большинство песен в поп-музыке посвящено теме любви, в связи с чем нам удалось выделить большое количество приращений. В этой части статьи мы отразим только те концептуализации понятия «любовь», которые ранее не были выделены в рок-дискурсе.

Итак, концепт ЛЮБОВЬ в популярных песенных текстах поп-музыки реализуется следующим образом:

1) «любовь — поиск»: *Миллион веков тебя одну искал*;

2) «любовь — первая»: *Первая любовь — любовь последняя!*;

3) «любовь — светлая»: *Этот терпкий вкус наших светлых чувств*;

4) «любовь — ценность»: *И я до дрожи боюсь тебя потерять*;

5) «любовь — последняя»: *Первая любовь — любовь последняя!*;

6) «любовь — спасение, лекарство»: *Давай мы сбережем все чувства и красоту, / Ты вылечил мой ожог, а я — твою пустоту*;

7) «любовь — выбор»: *Любовь после тебя бывает, / Люди друг друга выбирают*;

8) «любовь — наркотик, кайф, эйфория»: *Ты самый мой сильный наркотик, / И меня не отпускает*; *Кто не знает, ты мой главный кайф, / Когда улыбаешься, я улетаю*; *Ты наркотик, эйфория, невесомость, ты — Зендая*;

9) «любовь — зависимость»: *Я ловлю себя на мысли: ты та, / Вызываешь зависимость, что же так*;

10) «любовь — капкан»: *Капкан ты самый опасный для меня*;

11) «любовь — оппозиция привычке»: *Это точно не любовь, / Просто ты ко мне привык*;

12) «любовь — опьянение»: *Только тобой одной пьян*;

13) «любовь — театр, кино»: *Всё по сценарию и все роли про нас*; *Спектакль окончен, гаснет свет*;

14) «любовь — абсурд»: *Любовь — абсурд, от ссор до секса с перекуром*;

15) «любовь — в кредит, напрокат»: *Но жаль, что эти чувства взяты напрокат*; *У многих людей любовь взята в кредит, / А моя без тебя ой как болит*;

16) «любовь — болезнь»: *Я подлечился от болезни с именем ты*;

17) «любовь — власть»: *А миром правят любовь и дебилы, / Что свято верят в нее*;

18) «любовь — удел сильных людей»: *Слабые люди кричат на весь мир, / Что любви не существует, / О том, что не верят в нее, а по сути / Им просто попадались такие же люди*;

19) «любовь — заменимая»: *Похоже, нет незаменимых, / Полно других тебя помимо*;

20) «любовь — незаменимая»: *Мне без тебя в этом мире не то, / Да и не заменима никак и никем*;

21) «любовь — нежная и пошлая»: *Первая любовь — любовь последняя! / Нежная и пошлая*;

22) «любовь — всепоглощающая»: *Ведь ты для меня больше целого мира*;

23) «любовь — вопреки»: *Спасибо за то, что даже когда это невозможно, / Ты все равно меня любишь*;

24) «любовь — жертвенная»: *Каждый свой вдох для тебя берегу / И ни капли себе не оставлю себе*;

25) «любовь — неземная»: *Любовь, которая так не хотела / Остаться с тобой, и она полетела / Туда, где никто никогда не страдает, / К тому, кто ее никогда не познает*;

26) «любовь — пластмассовая»: *Любовь из пластмассы*;

27) «любовь — отпущенная»: *Отпускаю, и слезы / Высыхают на ресницах*;

28) «любовь — потерянная»: *Раздавал себя и свою душу другим, / Вновь искал любовь, но ты остался один*;

29) «любовь — дисгармоничная: *Эта любовь больная, / Это любовь-война*;

30) «любовь — малолетняя»: *Мы с тобою так мало знакомы, но ты мне нравишься так / Той малолетней любовью. Блин, я влюбленный дурак*;

31) «любовь — сказочная»: *Но рядом с тобою я будто бы в сказке, / Надеюсь, ты счастлива*.

Таким образом, концепт ЛЮБОВЬ в поп-дискурсе представлен эмоционально и выразительно, особое внимание привлекают такие индивидуально-авторские приращения, как «любовь — в кредит, напрокат», «любовь — власть», «любовь — абсурд», «любовь — пластмассовая», свидетельствующие о приземленном, прозаическом понимании любви отдельными авторами. Но в целом в поп-текстах любовь показана как необходимое, жертвенное, незаменимое чувство, ценность и спасение, что во многом коррелирует с пониманием любви в рок-дискурсе.

3.3. Сравнение концептуализаций понятия «любовь» в рок-дискурсе, поп-дискурсе с концептуализациями, представленными в русской национальной фразеологии и советских песенных текстах

Гипотеза: основу во всех видах песенных дискурсов составляют общие для культуры данного социума концептуализации понятия «любовь».

Нами было произведено сравнение количества концептуализаций, выделенных в разных видах дискурсов (см. Табл. 1). Отметим, что специфических приращений в рок- и поп-дискурсах — около 40 %.

Таблица 1. Количество концептуализаций, выделенных в различных видах дискурсов

Количество концептуализаций, выделенных в различных видах дискурсов			
Песенный рок-дискурс		Песенный поп-дискурс	
Всего	Специфические	Всего	Специфические
83	33	81	31

Количество общих репрезентаций для рок- и поп-дискурсов — 50.

Общими для рок- и поп-дискурса являются следующие репрезентации (примеры приведены из поп-текстов): «любовь — ментальное» (*Я рад, так рад, так радуюсь сильно, / А ты сильно красивая*), «любовь — информация» (*Сколько песен написал я о любви, не знаю*), «любовь — растение» (*Как же до того дошло, что я готов дарить цветы*), «любовь — ограничение, сдерживание» *(Я слишком отвыкла, / Я слишком свободна, / Во мне столько силы / От твоего слова, / Когда вдруг решил ты / Крылатым стать снова*), «любовь — чувство, возникающее на основании каких-либо качеств человека» (*Ах, мальчик-красавчик, сколько девушек вздыхает, / Сколько слез проливают они, глядя на тебя. / Ах, мальчик-красавчик, сколько девушек страдает, / Сколько мимо пролетает, как им плохо без тебя*), «любовь — иллюзия» (*Думала, думала, плакала, плакала, / Лиса, лиса, / Но ведь в глазах твоих нет ни слезы, / Ты актриса, актриса*), «любовь — сладость» (*Сладко, сладко будет нам, / Мы утонем, мы утонем*), «любовь — вдохновение» (*Ты моя муза, / Моя музыка и вдохновение*), «любовь — гармония» (*Гармония всей любви / Создана лишь для тебя*), «любовь — поклонение, восхищение» (*Я восхищаюсь тобой громко,*

пусть услышит весь мир), «любовь — дом» (*Дом — это где я с тобой, / Под рукой твоей согреться, / Отдавая сердце*), «любовь — трудная» (*Вперемешку в глазах уголь, ложь и яд, / Вместо кисти в руке я держу снаряд, / Заряжаешь насмешками автомат*), «любовь — полет» (*Мы же с тобою вместе летали, / Сутками, ночами пропадали*), «любовь — запах» (*В воздух летят феромоны, ими заполнен рюкзак, / От тебя пахнет любовью, в голове полный бардак*), «любовь — разбитая» (*Кто сказал, что разбитая любовь — это твой недостаток?*), «любовь — эгоистичная» (*Умри, если меня не любишь, / Я ломаю руки, я ломаю губы, / Я ломаю твое тело насквозь*) и др.

Подробно концепт ЛЮБОВЬ в национальной русской фразеологии проанализирован в нашей статье (Исаева, Остроухова 2023).

Поскольку русская рок- и поп-культура — это синкретический жанр, совмещающий в себе и мифологию, и различные литературные течения, мы обратимся к более ранней традиции, к советской песне, чтобы проследить истоки возникновения существующих в рассмотренных ранее дискурсах смыслов. Советский песенный дискурс — это также разновидность песенного дискурса, имеющая свою специфику и отражающая во многом ценности человека того времени.

В данной работе мы представим (см. Табл. 2) общие и базовые для рок-, поп-дискурсов и национальной русской фразеологии и советских песенных текстов приращения концепта ЛЮБОВЬ.

Таблица 2. Общие репрезентации концепта ЛЮБОВЬ, характерные для всех видов дискурсов, национальной фразеологии и советских песенных текстов

Общие концептуализации понятия «любовь»				
	Рок-дискурс	**Поп-дискурс**	**Советский песенный текст**	**Национальная русская фразеология**
1	*2*	*3*	*4*	*5*
«любовь — ментальное» (боль, счастье, печаль, страх, покой, вера и т. д.)	*Брожу по дому как во сне, / Но мне покоя нет нигде*	*Но если ты вдруг предашь, то знаешь, просто ни дня, / Я не поверю в любовь больше, слышишь?*	*И вспыхнет радостью вновь / Твоя любовь!*	*сердце рвется пополам; надежда / радость / любовь озаряет / озарит; не спится, не лежится, все про милого грустится*
«любовь — огонь»	*Горел огонь, шли корабли / На обнаженные тела*	*Гори, пылай, / Нас не потушат долгие дороги, / Ты мою душу обнимай, / Мне нужен огонь, мне нужны твои ожоги*	*Обрати свое вниманье / На пожар моей души!*	*любовь не пожар, а загорится — не потушишь; огонь любви / желания / страсти*

Продолжение Таблицы 2

1	*2*	*3*	*4*	*5*
«любовь — растение»	*А люди любят. Они стоят с букетами в метро*	*Как же до того дошло, что я готов дарить цветы*	*Протянул мне робко ты / Очень скромные цветы, / Но они такие милые*	*без тебя не цветно цветы цветут, не красно дубы растут в дубровушке; цвели цветики, да поблекли*
«любовь — в физическом проявлении»	*Я тебя целовал у ночного огня*	*Я снова растворяюсь от твоих касаний, как лед в бокале*	*Я ее целовал, уходя на работу*	*влепить поцелуй; душить в объятиях / поцелуями; как телята: где сойдутся, там и лижутся*
«любовь — разлука»	*Секунду назад оборвали все нити, / Я больше не верю в любовь, извините*	*Отпустила, и разлука в дом вошла*	*Это было. Это кончилось давно. / Где теперь твое бессонное окно?*	*без милого не жить, а и при милом не быть; как в море корабли*
«любовь — вечная»	*За упокой души, / За вечную любовь!*	*Как забота, как дом, как способность всерьез / И надолго любить, бесконечно любить*	*У любви берегов не бывает, / У любви не бывает разлук*	*любовь — кольцо, а у кольца нет конца; разлучит нас заступ да лопата*
«любовь — конечная»	*Зачем топтать мою любовь, / Ее и так почти не стало*	*Дописали мы свой роман про любовь*	*Ох и чует мое сердце, / Что любовь кончается*	*любовь проходит и приходит вновь; отжившее сердце*
«любовь — в прозвищах, ласковых наименованиях»	*Моя смешная, моя сквозная, моя родная*	*чудак, малышка, родная, лали, мое чудовище*	*ласточка моя, зорька ясная, дорогой, ромашка моя*	*избранник души / сердца, любимый человек, вздыхатель, однолюб / однолюбец*
«любовь — необходимая»	*Ни дать ни взять, я без тебя умру через пять минут*	*Как нам друг без друга прожить и дня?*	*Ты, как сердце в груди у меня, / Без которого жить не могу*	*без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить; не мил и свет, когда милого нет*
«любовь — свет»	*Сказала, что я солнце, но я мертвый рассвет*	*Без тебя меня нет! Что это значит? Выключается свет! Что ты наделал?*	*Найдешь любовь — храни ее, / Пусть она тебе светит в пути*	*ты мой свет в окне, ясен месяц, красно солнышко*

Окончание Таблицы 2

1	*2*	*3*	*4*	*5*
«любовь — дорога»	*Больная дура, все равно нам по пути*	*Столько я прошла, чтобы тебя найти*	*Если б не было в мире влюбленных, / Значит, не было бы дальних дорог*	*к милому и семь верст не околица; не далеко к милому — девяносто в сторону*
«любовь — в глазах»	*Это любовь — утонуть в глубине ее глаз*	*Твои широкие зрачки говорят о любви*	*Глаз влюбленных не сводил*	*речисты у милого глаза, глаза говорят, глаза слушают*
«любовь — кровь»	*Кровь тяжелым напором ударит / Прямо в сердце мне*	*Любовь цвета крови, бегущей по венам*	*И я с трудом гасила / Пламя в крови*	*волнение чувств / сердца / крови / в крови; распалять / распалить кровь (дух, ум)*

Таким образом, национально-культурная составляющая концепта ЛЮБОВЬ в различных песенных дискурсах отражает базовые приращения, содержащиеся в русских фразеологизмах и пословицах, а также в советских песенных текстах.

4. Заключение

Итак, в результате проведенного нами исследования было выделено 83 концептуализации понятия «любовь» в рок-дискурсе, 81 — в поп-дискурсе.

В разных песенных дискурсах содержатся как общие, так и специфические концептуализации понятия «любовь». Рок-дискурс и поп-дискурс объединяет то, что в этих песенных текстах любовь предстает как вдохновение, сладость, гармония, восхищение, но в то же время она может обернуться иллюзией (*В обман, который злые люди давным-давно назвали именем любовь*). В советских песенных текстах и в национальной фразеологии отсутствует такое понимание любви.

Было выяснено, что специфические концептуализации понятия «любовь», встречающиеся только в одном из дискурсов, отражают индивидуально-авторский взгляд на данный лингвокультурный смысл, поскольку присутствуют в текстах, как правило, единично. К примеру, только в поп-дискурсе любовь является спасением.

Методом сравнительного анализа разных песенных дискурсов с национальной русской фразеологией и советскими песенными текстами было установлено, что ядром концепта ЛЮБОВЬ выступают фундаментальные для данной культуры приращения.

Список литературы / References

Алексеев А. Б. Средства риторического воздействия в турецком поп-дискурсе (на примере песен Симге) // Лингвистика и образование. 2023. Т. 3. №. 3. С. 8–23. [Alekseev, Alexander B. (2023) Sredstva ritoricheskogo vozdejstviya v tureckom pop-diskurse (na primere pesen Simge) (Rhetorical Devices in Turkish Pop-Discourse (at the Example of Simge's Songs)). *Linguistics & Education*, Vol. 3, 3, 8–23. (In Russian)].

Архипова Н. Г. Ассоциативно-смысловое поле концепта любовь в русской лирической песне (по материалам фольклорных экспедиций в села Амурской области) // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2009. Вып. 7. Речевой портрет семьи. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора. С. 188–203. [Arkhipova, Nina G. (2009) Associativno-smyslovoe pole koncepta lyubov' v russkoj liricheskoj pesne (po materialam fol'klornyh ekspedicij v sela Amurskoj oblasti) (Associative-Semantic Field of the Concept Love in Russian Lyric Song (Based on Materials of Folklore Expeditions to Villages of the Amur Region)). *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskij al'manah*. 7, 188–203. (In Russian)].

Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общ. ред. В. П. Нерознака. Москва: Academia, 1997. С. 267–279. [Askoldov, Sergey A. (1997) Koncept i slovo (Concept and Word). In Neroznak, Vladimir P. (ed.) *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* (Russian Literature. From the Theory of Literature to the Structure of the Text. Anthology). Moscow: Academia, 267–279. (In Russian)].

Воркачев С. Г. Amor: вербализация романтической любви в песенном жанре // Жанры речи. 2023. Т. 18. № 3 (39). С. 275–282. [Vorkachev, Sergey G. (2023) Amor: verbalizaciya romanticheskoj lyubvi v pesennom zhanre (Amor: Verbalization of Romantic Love in the Song Genre). *Speech Genres*, 18, 3 (39), 275–282. (In Russian)].

Дуняшева Л. Г. Песенный дискурс как объект изучения лингвокультурологии // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: Материалы международной научно-практической конференции (Казань, 22–23 октября 2015 г.). Казань: Хэтер, 2015. С. 190–197. [Dunyasheva, Lily G. (2015) Pesennyj diskurs kak ob''kt izucheniya lingvokul'turologii (Song Discourse as an Object of Study in Linguocultural Studies). In *Aktual'nye problemy romanskih yazykov i sovremennye metodiki ih prepodavaniya: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Kazan', 22-23 oktyabrya 2015 g.)*. Actual Problems of Romance Languages and Modern Methods of Teaching them (Proceedings of the International Scientific and Practical conference (Kazan, October 22-23, 2015)). Kazan: Heter, 190–197. (In Russian)].

Исаева Л. А., Остроухова К.С. Репрезентации концепта «Любовь» в русских фразеологизмах и пословицах: общее и специфическое [Электронный ресурс] // Вектор гуманитарной мысли. 2023. № 3. С. 90–101. URL: http://vectorgm.ru/data/mc/0005/0039.pdf (дата обращения: 10.11.2024). [Isaeva, Lydiya A., & Ostroukhova, Kseniya S. (2023) Reprezentacii koncepta «Lyubov'» v russkih frazeologizmah i poslovicah: obshchee i specificheskoe (Representations of the Concept "Love" in Russian Phraseologisms and Proverbs: General and Specific). *Humanitarian thought vector*, 3, 90–101. Retrieved from http://vectorgm.ru/data/mc/0005/0039.pdf (2024, November 10). (In Russian)].

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград, Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16. [Karasik, Vladimir I. (1996) Kul'turnye dominanty v yazyke (Cultural Dominants in Language). In *Yazykovaya*

lichnost': kul'turnye koncepty: Sb. nauch. tr. (Language Personality: Cultural Concepts: Collection of Scientific Papers). Volgograd, Arkhangelsk: Peremena, 3–16. (In Russian)].

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, Vladimir I. (2002) *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* (Language Circle: Personality, Concepts, Discourse). Volgograd: Peremena. (In Russian)].

Козлова Н. В. Вариации культурного концепта «любовь» в современном песенном дискурсе [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 118. URL: https://ej.kubagro.ru/2016/04/pdf/73.pdf (дата обращения: 10.11.2024). [Kozlova, Natalia V. (2016) Variacii kul'turnogo koncepta «lyubov'» v sovremennom pesennom diskurse (Variations of Cultural Concept OF "Love" in the Modern Song Discourse) // *Scientific journal of KubSAU*, 118. Retrieved from https://ej.kubagro.ru/2016/04/pdf/73.pdf (2024, November 10). (In Russian)].

Колесов В. В. Философия русского слова. Санкт-Петербург: Юна, 2002. [Kolesov, Vladimir V. (2002) *Filosofiya russkogo slova* (Philosophy of the Russian word). St. Petersburg: Yuna. (In Russian)].

Кубрякова Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка. Культурные концепты. Москва: Наука, 1991. С. 85–91. [Kubryakova, Elena S. (1991) Ob odnom fragmente konceptual'nogo analiza slova pamyat' (On one Fragment of the Conceptual Analysis of the Word Memory). In *Logicheskij analiz yazyka. Kul'turnye koncepty* (Logical Analysis of Language. Cultural Concepts). Moscow: Nauka, 85–91. (In Russian)].

Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280–287. [Likhachev, Dmitry S. (1997) Konceptosfera russkogo yazyka (Conceptual Sphere of the Russian Language). In Neroznak, Vladimir P. (ed.) *Russkaya slovesnost': ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologiya* (Russian Literature: From the Theory of Literature to the Structure of the Text: Anthology). Moscow: Academia, 280–287. (In Russian)].

Матусевич К. А., Ехлакова Н. Ф. Концепт «Любовь» в песенном дискурсе Леоны Льюис // Lingua mobilis. 2012. № 4 (37). С. 33–35. [Matusevich, Kseniya A., Ekhlakova, Natalya F. (2012) Koncept «Lyubov'» v pesennom diskurse Leony L'yuis (The Concept of "Love" in the Song Discourse of Leona Lewis). *Lingua mobilis*, 4 (37), 33–35. (In Russian)].

Мошкович В. М, Мошкович В. В. Концепт «любовь» в англоязычном песенном дискурсе // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2021. С. 164–166. [Moshkovich, Vera M., & Moshkovich, Victor V. (2021) Koncept «lyubov'» v angloyazychnom pesennom diskurse (The concept of "love" in the English-language song discourse). In *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii* (Fundamental and Applied Scientific Research: Current Issues, Achievements and Innovations). Penza: MCNS «Nauka i Prosveshchenie», 164–166. (In Russian)].

Муратова В. Э. Концепты «Любовь» и «Ненависть» в песнях разноструктурных языков: сравнительный аспект // Вестник Башкирского университета. 2009. № 3. С. 809–813. [Muratova, Veronika E. (2009) Koncepty «Lyubov'» i «Nenavist'» v pesnyah raznostrukturnyh yazykov: sravnitel'nyj aspekt (The Concepts of "Love" and "Hate" in Songs of Languages with Different Structures: A Comparative Aspect). *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 3, 809–813. (In Russian)].

Панченко Ю. Ю. Мотив токсичности и абьюза как средство реализации концепта «любовь» в песенном творчестве Клавы Коки // Вестник ТГПУ. 2021. № 6 (218). С. 27–37.

[Panchenko, Yuri Yu. (2021) Motiv toksichnosti i ab'yuza kak sredstvo realizacii koncepta «lyubov'» v pesen-nom tvorchestve Klavy Koki (The Motive of Toxicity and Abuse as a Means of Implementing the Concept of "Love" in the Songwriting of Klava Koka). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 6 (218), 27–37. (In Russian)].

Пашкова Е. А. Реализация концепта «любовь» в текстах рок-композиций // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. № 3 (24). С. 143–146. [Pashkova, Elena A. (2018) Realizaciya koncepta «lyubov'» v tekstah rok-kompozicij (Realization of «LOVE» Concept in the Texts of rock Songs). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiia*, 3, 143–146. (In Russian)].

Шокова П. В. Вербализация концепта love в песенном дискурсе средствами прямой и непрямой номинации: сравнительно-сопоставительный анализ // Молодой ученый. 2024. № 26 (525). С. 463–465. [Shokova, Polina V. (2024) Verbalizaciya koncepta love v pesennom diskurse sredstvami pryamoj i nepryamoj nominacii: sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz (Verbalization of the Concept of Love in Song Discourse by Means of Direct and Indirect Nomination: Comparative Analysis). *Young scientist*, 26 (525), 463–465. (In Russian)].

УДК 81’22
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-92-107

КОНЦЕПТ *FOREIGN* В БРИТАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Е. В. Суворова

Российский государственный университет нефти и газа имени И. М. Губкина, Москва, Россия

В статье рассматривается вербализация концепта *FOREIGN* (ЧУЖДЫЙ) на материале словарного фонда и национального корпуса английского языка (британского варианта). Цель статьи — определить ключевые культурно-маркированные смыслы, сконцентрированные в концепте *FOREIGN* (ЧУЖДЫЙ) как одном из полюсов архетипической бинарной оппозиции «close — foreign» («свой — чужой / чуждый»), а именно изучить когнитивное, перцептивное и аффективное (эмоционально-оценочное) наполнение концепта *FOREIGN* в языковом сознании британцев. В ходе первоначального анализа методом сплошной выборки были определены ключевые адъективы, составляющие ядро номинативного поля концепта *FOREIGN*: *different, strange, unfamiliar, dissimilar, peculiar, separate, alien, bizarre, distinct, exotic, foreign, odd, outlandish, unique, unusual, distinguishable, divergent, diverse, extraordinary, singular, unalike, unlike, weird* — и раскрывающие полную палитру смыслов, наполняющих данный концепт. В ходе дальнейшего исследования методом интерпретативного анализа данный синонимический ряд адъективов изучался на материале толковых, фразеологических и ассоциативного словарей, а также Британского национального корпуса. Проводимое исследование позволило выявить характерные для британского этноса особенности восприятия и интрпретации иного как чуждого, не нашедшие отражения в толковых словарях. В частности, было выявлено, что представление о чуждости в языковом сознании британцев соотнесено с внеземным и сверхъестественным, вопреки традиционному представлению о том, что британцы связывают чуждое с иноземным, иностранным. Было также замечено, что если коннотация лексикографических значений рассматриваемых адъективов, является в основном нейтральной, то слова-реакции, вступающие в ассоциативные пары с теми же адъективами-стимулами, имеют отрицательную, а в некоторых случаях крайне негативную коннотацию, что говорит об имплицитно выраженном, не нашедшем отражения в лексикографических значениях, негативном отношении британцев ко всему, что выходит за рамки своего (знакомого, привычного, понятного). Полученные результаты позволяют выявить особенности восприятия британцами иного как чуждого и, как следствие, дополнить имеющиеся лингвокультурные знания, необходимые для выстраивания межкультурного диалога.

Ключевые слова: диалог культур; чуждый; концепт; британское языковое сознание; бинарная оппозиция.

Цитирование: Суворова Е. В. Концепт *FOREIGN* в британской языковой картине мира // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 3 (71). С. 92–107. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-92-107.

The Concept “Foreign” in the British Linguistic Worldview

Elena V. Suvorova

National University of Oil and Gas «Gubkin University»

The paper focuses on the study of the linguistic means verbalizing the concept “foreign,” leaning primarily on the material of dictionaries and The British National Corpus. Its main objective is to reveal key cultural meanings included in the concept of “foreign” as one of the poles of the archetypal binary opposition “one’s own” vs. “foreign.” More specifically, the author seeks to understand the cognitive, perceptual, and affective (emotional and evaluative) content of the concept of “foreign” in the linguistic consciousness of British people. In the course of initial analysis, carried out by means of continuous sampling, the author identified key synonymous adjectives comprising the core of the nominative field of the concept of “foreign”. These are: *different, strange, unfamiliar, dissimilar, peculiar, separate, alien, bizarre, distinct, exotic, foreign, odd, outlandish, unique, unusual, distinguishable, divergent, diverse, extraordinary, singular, unalike, unlike,* and *weird.* Further analysis and interpretation of the meanings of these core words with the help of explanatory, phraseological, and associative dictionarie as well as The British National Corpus revealed a number of implicit elements in the concept of “foreign” that seem peculiar to British people, even though these elements are not indicated in explanatory dictionaries. In particular, the concept of “foreign” in the linguistic consciousness of British people is closely connected with an idea of something that is extraterrestrial or supernatural, which contradicts a more traditional understanding that the British associate something that is alien or foreign with things that from from abroad. It also became clear that, though connotations of dictionary meanings of the key adjectives are neutral, when these adjectives are used as stimuli for associations, words that people use as reactions to or associations with these stimuli are reflect negative and sometimes even hostile attitudes. The author concludes that it signifies an implicit (and thus not reflected in dictionaries) negativity of British people to anything “foreign,” i.e. that which goes beyond want they see as their own (familiar, habitual, comprehensible). The results of the study confirm that the British see “foreign” as something “alien” and contribute to the general linguistic and cultural knowledge which is necessary to build a productive intercultural dialogue.

Key words: intercultural dialogue; foreign; concept; British linguistic consciousness; binary opposition.

Citation: Suvorova, Elena V. (2025) The Concept “Foreign” in the British Linguistic Worldview. *LUNN Bulletin,* 3 (71), 92–107. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-92-107.

1. Введение

В эпоху глобализации возникает множество вопросов, связанных с диалогом культур и народов. С одной стороны, попытка взаимодействия с иной культурой несет в себе ее оценку с позиции собственной культуры и, как следствие, принятие или отторжение. С другой стороны, возникает необходимость сохранения собственной культуры, связанная прежде всего с глубоким ее пониманием. В основе культуры лежат элементы культурных знаний, которые в совокупности вбирают в себя всю ее суть. Ю. С. Степанов в своем словаре

дает им название констант и понимает под ними «сгустки культуры в сознании человека». Человек получает представление о культуре именно посредством таких констант, сам становится ее частью и может оказывать на нее воздействие, привнося в нее какие-либо изменения» (Степанов 1997: 40). Имея надындивидуальный характер, лингвокультурные знания формируют мировоззрение и миропонимание индивида, создавая каркас стереотипов поведения и ведения коммуникации. Культурные знания, впитываемые с младенчества вместе с языком и, таким образом, органически встроенные в языковую картину мира индивида, частично переходят на уровень неосознаваемого им стереотипизированного поведения (Ortega-y-Gasset 1963). Обращаясь к работам В. В. Красных, добавим, что национальная специфика коммуникации определяется тем национально-культурным компонентом, который входит в культурную компетенцию коммуникантов. Это тот компонент, который формируется в процессе социализации личности и который «обусловливает национальную специфику ментально-лингвального комплекса представителей того или иного лингво-культурного сообщества» (Красных 2002: 42).

Ментально-лингвальный комплекс формируется по принципу «знания — понятия — концепты — представления» (Красных 2016). Поскольку знания и понятия в большинстве своем не являются культурно-маркированными, культура определяет только факт их наличия или отсутствия, они не могут в полной мере отражать концентрацию того, что в культуре воспринимается как чуждое. Представления являют собой крайне широкое и неоднородное поле исследования, если их рассматривать с позиции отражения заложенного в культуре архетипического представления о чуждом в противопоставлении к своему. Как следствие, квинтэссенция всего того, что лежит в пределах чуждого в оппозиции к своему, воспринятая через призму логики (понятийного, рационального анализа) и сублогики (образов, перцепции, ценностей, оценок), оказывается сконцентрированной в такой единице когнитивной системы лингвокультуры, как концепт (Красных 2016). В подтверждение сказанному сошлемся на исследования Л. О. Чернейко, полагающей, что концепт может охватывать языковое преломление всех видов знаний о явлении, стоящих за ним, — знание эмпирическое, знание по мнению, знание по доверию, знание по вере. В свою очередь словесные знаки по механизму их связи с действительностью, по ее мнению, могут классифицироваться: а) на отражающие действительность (*река, скамейка, собака*); б) преломляющие ее (*тепло, дружба, радость*), в) создающие (*судьба, грех, долг*). В первой группе знаков явлен мир видимый, ощущаемый, во второй — чувствуемый, в третьей — умопостигаемый (Чернейко 1997).

Таким образом, концепт может быть определен как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы

и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» (Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 90) и свернутый результат осмысления сложного мира состояний, отношений, связей, свойств, т. е. всего того, что чувствуется и умопостигается в процессе социализации.

В российской лингвистике выделяют несколько подходов к пониманию концепта (Попова, Стернин 2007). Наиболее важными из них для нас стали: лингвокультурологический (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов) и психолингвистический (А. А. Залевская, В. В. Красных, Е. Ю. Мягкова, Н. В. Уфимцев, Е. Ф. Тарасов). Если с позиции лингвокультурологии концепт представляет собой «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека и человек входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» (Степанов 1997: 40), то в психолингвистике концепт рассматривается как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида когнитивное, перцептивное, аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» (Залевская 2001: 39). Приведенные определения концепта в значительной мере дополняют друг друга. Объяснение феноменологии концепта с позиции психолингвистики показывает, каким образом концепты становится «пропуском для входа в культуру» и одновременно мировоззренческим базисом. Как справедливо пишет Л. О. Чернейко, концепт формализует «то, что знает интуиция, что существует в коллективном бессознательном и выражается речью» (Чернейко 1997: 22).

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью поиска и изучения тех культурных констант / концептов, которые обусловливают принятие или отторжение иной культуры. Одной из таких констант, на наш взгляд, является концепт *FOREIGN* / ЧУЖДЫЙ. Учитывая бинарный характер универсального восприятия мира, противопоставление «close — foreign» / «свой — чужой», заложенное в этом концепте, позволяет человеку ориентироваться в окружающем мире, удовлетворяя сразу несколько базовых инстинктов: самосохранения, принадлежности к социальной группе, социализации и т. п. (Maslow 1970), поэтому оценка тех концептуальных смыслов, которые лежат в основе понимания чуждости, позволяет носителю культуры не только расставить индивидуальные приоритеты по принципу: близкое — далекое, свое — чужое, понятное — непонятное, но и проникнуть в иную культуру с этих же позиций.

В этой связи целью данной статьи стало вскрытие имплицитных смыслов, лежащих в основе концепта ЧУЖДЫЙ, и выявление особенностей национальной английской лингвокультурной системы распознавания «свой — чужой».

Спецификой данного анализа стало то, что концепт *FOREIGN* / ЧУЖДЫЙ изучался на материале английского словарного фонда с минимальным привлечением переводных русско-английских словарей, что было предпринято с целью сохранить наибольшую объективность при интерпретации результатов исследования.

2. Характеристики материала и методов исследования

Материалом для исследования послужили: переводные англо-русский и русско-английский словари (Оксфордский русско-английский словарь, составитель М. Уилер, Англо-русский словарь В. К. Мюллера, словарь английских синонимов (*The Oxford Tesaurus*)), толковые словари (*The Oxford English dictionary* (в 12 томах), Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа. Специальное издание для СССР (в 2 томах), *Oxford Advanced Learner's Dictionary* by A. S. Hornby), ассоциативный словарь *Small World of Words* (*SWOW*), фразеологические словари (*Cambridge International Dictionary of Idioms*, *The Oxford Dictionary of Idioms*, *The Farlex Idioms and Slang Dictionary*), Национальный корпус русского языка и *British National Corpus*.

В качестве основных методов исследования выступили: метод сплошной выборки и метод интерпретативного анализа. Данные методы позволили определить ядро номинативного поля концепта *FOREIGN* / ЧУЖДЫЙ, а именно вербализирующие его языковые единицы — синонимический ряд адъективов, исследовать их семантический состав согласно толковым словарям, сопоставить изученные лексикографические значения адъективов с данными ассоциативного тезауруса; выявить особенности метафорического переосмысления foreignness / чуждости на материале фразеологического фонда (фразеологизмов, содержащих в своем составе выделенные ключевые адъективы).

Работа со словарями проводилась начиная с переводных словарей и английского тезауруса. Опираясь на русский синонимический ряд ***иной*** — ***другой*** — ***дальний*** — ***чужой*** — ***чуждый*** как наиболее полно овнешняющий концепт ЧУЖДЫЙ в русском языке (Суворова 2024), на основе Оксфордского русско-английского словаря были отобраны английские адъективы, указанные в переводных статьях к данному русскому ряду синонимов: (***иной*** — *different*; ***другой*** — *other* / *another*, *different*; ***чужой*** — *someone else's* / *another's* / *others'*; *strange*, *alien*; *foreign*; ***чуждый*** — *alien* (*to*); *extraneous*) (Оксфордский русско-английский словарь 1994). Далее с использованием (The Oxford Thesaurus 1997) методом сплошной выборки были отобраны все адъективы, которые были указаны в тезаурусе в качестве синонимов к первоначальному ряду, затем они сами стали доминантными адъективами для поиска новых синонимических гнезд, и так до тех пор, пока синонимический круг рассматриваемых единиц не замкнулся, т. е. отбираемые адъективы начинали либо повторяться,

либо выходить за пределы рассматриваемой области. Так был определен полный круг синонимически связанных адъективов, репрезентирующих концепт *FOREIGN* в английском языке (205 единиц). В ходе дальнейшего анализа был проведен подсчет частоты появления данных адъективов в синонимических рядах и были отобраны только те прилагательные, которые повторялись два и более раза (всего 23 единицы). Таким образом мы получили следующие репрезентанты концепта *FOREIGN* (ядро номинативного поля концепта): ***different***, ***strange***, ***unfamiliar***, ***dissimilar***, ***peculiar***, ***separate***, ***alien***, ***bizarre***, ***distinct***, ***exotic***, ***foreign***, ***odd***, ***outlandish***, ***unique***, ***unusual***, ***distinguishable***, ***divergent***, ***diverse***, ***extraordinary***, ***singular***, ***unalike***, ***unlike***, ***weird***.

На следующем этапе работы выделенное ядро адъективов изучалось на материале толковых, ассоциативных и фразеологических словарей, также изучалась частотность появления вышеуказанных адъективов в *British National Corpus*. Исследование семантики выделенных слов методом интерпретативного анализа, определение ассоциативно связанных с ним имплицитных смыслов, изучение возможных вариантов скрытых метафор и архаических образов, связанных с данным ядром слов, позволило нам очертить возможный круг эксплицитных и имплицитных смыслов, лежащих за концептом *FOREIGN* / ЧУЖДЫЙ.

Минимальное использование переводных словарей (русско-английского и англо-русского) было связано с попыткой минимизировать влияние синонимического ряда ***иной*** — ***другой*** — ***чужой*** — ***чуждый*** на тот синонимический ряд, который мы предполагали получить на аутентичном материале английских словарей. Очевидно, что полностью исключить влияние русского языка на исследование концепта *FOREIGN* / ЧУЖДЫЙ применительно к английской языковой картине мира мы не могли, поэтому синонимический ряд ***иной*** — ***другой*** — ***дальний*** — ***чужой*** — ***чуждый*** стал только отправной точкой исследования.

В качестве теоретической основы исследования послужили результаты работ, выполненных на стыке наук: философии (Mead 1934; Ortega-y-Gasset 1963; Лосев 1995; Лотман, Успенский 1997; Фельде 2018 и др.), культурологии и антропологии (Sapir 1963; Леви-Стросс 1994 и др.), лингвистики и лингвокультурологии (Цивьян 2006; Толстая 2010; Богомазова 2014; Гордиенко 2018; Арекеева 2020 и др.).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Анализ семантики адъективов, образующих ядро номинативного поля концепта *FOREIGN* / ЧУЖДЫЙ (на материале *The Oxford English Dictionary*) позволил обобщить их семантические значения:

1) несходство, отличие от других по определенным признакам: характеру, природе, внешности, типу и т. п., нашедшее вербализацию в лексемах: ***different***, ***dissimilar***, ***unusual***, ***unlike***, ***divergent***, ***diverse***;

2) принадлежность к другой стране, региону, провинции, приходу, поместью и т. п., выраженная в лексемах: ***strange***, ***alien***, ***foreign***, ***outlandish***; из перечисленных слов только ***alien*** имеет отрицательную коннотацию, остальные — нейтральную (***alien*** — 'of a nature that is repugnant, adverse or opposed to; unkindly, unsympathetic' / 'по своей природе отвратительный, враждебный или противостоящий; недоброжелательный, несимпатичный' (здесь и далее перевод наш. — Е. С.)), в остальных случаях слова сохраняют нейтральную коннотацию: например, ***strange*** имеет сему 'of a kind that is unfamiliar or rare; unusual, uncommon, exceptional, singular, out of the way' / 'незнакомый или редкий; необычный, нетипичный, исключительный, единственный в своем роде, выходящий за рамки обычного'(The Oxford English Dictionary);

3) что-либо стоящее особняком, отдельное ото всех, выраженное в лексемах: ***separate***, ***peculiar***, ***singular***, ***distinguishable***, ***unique***, ***distinct***; весь синонимический ряд не несет отрицательной коннотации (например, ***peculiar*** может объясняться словами *strange, odd, queer* — странный, чудаковатый, необычный, оригинальный, эксцентричный);

4) нечто крайне необычное (***bizarre***, ***odd***, ***exotic***, ***extraordinary***, ***weird***); данные лексемы также не обладают отрицательной коннотацией (например, ***distinct*** — 'clearly perceptible or discernible by the senses or the mind; in mod. use: that is clearly such; unmistakable, decided, pronounced, positive' / 'ясно воспринимаемый или различимый чувствами или умом; в совр. употреблении: то, что является именно таковым; что-то, что является несомненным, четко обозначенным, положительным' (The Oxford English Dictionary);

5) такие черты характера, приписываемые людям, как отстраненность, холодность, сдержанность, неприветливость, неуступчивость, вербализованные лексемой ***strange*** ('Of persons: a. unfriendly; having the feelings alienated; b. distant or cold in demeanour; reserved; not affable, familiar, or encouraging; uncomplying, unwilling to accede to a request or desire' / 'О людях: а. недружелюбных; проявляющих отчужденность; б. отстраненных или холодных в поведении; сдержанных; неприветливых, недружелюбных или недоброжелательных; непреклонных, не желающих уступать') (The Oxford English Dictionary).

Как мы видим, единственным словом с отрицательной коннотацией стало ***alien*** (коннотация слова ***strange*** может быть отнесена скорее к нейтральной, чем к негативной).

Так как данный анализ проводился на материале толковых словарей, мы получили только обобщенный, редуцированный набор семантических значений адъективов, составляющих номинативное поле концепта ЧУЖДЫЙ.

Чтобы изучить отдельные имплицитные смыслы, не указанные в словарях, но отражающие мировоззрение и миропонимание, присущее британскому этносу в отношении к чуждому, была предпринята попытка проанализировать ассоциативные реакции на выделенные адъективы, выступившие в качестве слов-стимулов. С этой целью были исследованы данные прямого и обратного словарей английского языка, собранные в ходе реализации проекта (Small World of Words (SWOW)). Объем статьи не позволил нам привести здесь все подвергаемые рассмотрению данные, поэтому мы вынуждены ограничиться рядом примеров и выводами.

Итак, как показал анализ материалов прямого и обратного словарей (далее — ПС и ОС), ассоциативные реакции на адъективы-стимулы (выделенные нами в качестве ядра номинативного поля концепта ЧУЖДЫЙ) входили в параллель с семантическими значениями, указываемыми в толковых словарях. Например, на слово-стимул ***different*** были даны следующие реакции:

(ПС) *same* 25; *odd* 24; *unique* 19; *strange* 16; *weird* 15; *other* 12; *new* 7; *similar* 7; *unusual* 6; *abnormal* 6; *change* 5; *good* 4; *dissimilar* 4; *racism* 3; *exciting* 3; *opposite* 3; *hipster* 2; *not normal* 2; *individual* 2; *gender* 2; *diverse* 2; *contrast* 2; *varied* 2; *unlike* 2; *colors* 2; *unfamiliar* 2;

(ОС) *unalike* 72; *dissimilar* 68; *alternative* 51; *unlike* 46; *variant* 41; *various* 39; *varied* 38; *divergent* 38; *diverse* 33; *unique* 31; *same* 29; *other* 29; *vary* 28; *alternate* 27; *differ* 25; *distinctive* 25; *unconventional* 25; *unrelated* 24; *change* 24; *distinct* 24; *unusual* 24; *opposite* 23; *freak* 22; *similar* 22; *separate* 21; *strange* 20; *foreign* 20; *anomaly* 18; *diversity* 18; *black sheep* 17; *variety* 17; *peculiar* 17; *odd* 16; *variation* 15; *unequal* 15; *alike* 15; *abnormal* 14; *special* 14; *outsider* 14; *distinction* 14; *contrast* 14; *abnormality* 13; *foreigner* 11; *distinguish* 11; *queer* 10 (Small World of Words).

Из соображений необходимости и достаточности приводимого в пример материала мы указываем только небольшую часть ассоциативных реакций, подтверждающих наши наблюдения.

Например, если сопоставить ассоциативные реакции на слово-стимул ***different*** с семантическими значениями, представленными в толковом словаре *The Oxford English Dictionary*, мы получаем следующее: (1) *having characters or qualities which diverge from one another*; *having unlike or distinguishing attributes*; *not of the same kind*; *not alike*; *of other nature, form or quality* (имеющий характерные черты или качества, которые отличаются друг от друга; имеющий непохожие или отличительные признаки; не одного и того же рода; не похожий; другой природы, формы или качества) vs (стимульные реакции по ПС и ОС) *odd* (странный), *unique* (уникальный), *strange* (необычный), *weird* (чудной) и параллельно с ними: *racism* (расизм), *race* (раса), *rainbow* (радуга), *hipster* (хипстер, фанат джаза, человек, презирающий условности), *gender* (пол), *colors*

(цвета), *freak* (урод, наркоман), *left-handed* (левша); (2) *in a weaker sense used as a synonym for other, as denying identity, but without any implication of dissimilarity*; *not the same, not identical, distinct* (в более слабом смысле используется как синоним другого, с отрицанием идентичности, без намека на различие; не тот же самый, не идентичный, отличный) vs стимульные реакции (по ПС и ОС) *other* (другой), *diverse* (разнообразный), *varied* (разнообразный), *unalike* (непохожий), *alternative* (альтернативный) и др. Представленные данные взяты из толкового словаря (The Oxford English Dictionary) и ассоциативного словаря (Small World of Word). Поскольку оба эти источника были разделены по времени создания, они также позволили наблюдать диахронические изменения в семантике исследуемых адъективов.

Полный анализ ассоциативных пар, в которые вступали выделенные адъективы в качестве слов-стимулов, показал, что согласно ПС и ОС многие слова-реакции в данных ассоциативных парах имели негативную коннотацию, ср. ***different*** (другой, отличный от) — ***freak*** (чудак), ***deviant*** (отклоняющийся), ***oddity*** (странность); ***strange*** (странный) — ***loopy*** (сумасшедший), ***wonky*** (чокнутый), ***erratic*** (чудак); ***unusual*** (необычный) — ***wacky*** (чокнутый), ***oddball*** (чудак), ***quaint*** (причудливый); ***foreign*** (иностранный) — ***weird*** (причудливый); ***unique*** (оригинальный, уникальный) — ***dorky*** (дурацкий), ***zany*** (шут) и др. (Small World of Word).

Такие наблюдения позволили сделать вывод, что концепт *FOREIGN* / ЧУЖДЫЙ, во-первых, может содержать дополнительные скрытые смыслы: *не от мира сего, экзотический*. А во-вторых, нейтральная коннотация, отмечаемая в толковом словаре, не соответствует ассоциативным реакциям, отражающим крайне негативное, злобно-насмешливое отношение ко всему, что не попадает в категорию «свое».

Анализ ассоциативных пар, например с адъективом ***alien*** (чужой, чуждый), показал следующие реакции на стимул ***alien***: (ПС) *foreign* (иностранный) 34; *immigrant* (иммигрант) 4; *space* (космос) 20; *UFO* (НЛО) 9; *outer space* (космическое пространство) 7; *extraterrestrial* (инопланетянин) 7; *spaceship* (космический корабль) 6; *Mars* (Марс) 4; *planet* (планета) 3; *sky* (небо) 2; *monster* (монстр) 2; *universe* (вселенная) 2; *extra terrestrial* (инопланетянин) 2); (ОС) *extraterrestrial* (инопланетянин) 59; *UFO* (НЛО) 2; *inhuman* (нечеловеческий, не человек) 20; *spaceship* (космический корабль) 19; *mutant* (мутант) 17; *cyborg* (киборг) 14.

Из приведенного примера становится очевидным, что семантическое значение слова ***alien*** (чужой, чуждый) — ‘esp. of a foreign nation and allegiance’ (‘особ., относящийся к иностранному государству и подданству’) (The Oxford English Dictionary) не перекликается с ассоциативными реакциями на стимул

alien. Более того, если сопоставить число реакций типа *foreigner* (иностранный), *foreigners* (иностранцы), *immigrant* (иммигрант), *immigration* (иммиграция) (Small World of Word) и число реакций, в которых содержится отсылка к космическим полетам и внеземным цивилизациям, например, согласно ПС, ***alien*** — *space* (космос) 20; *UFO* (НЛО) 9; *outer space* (космическое пространство) 7; *extraterrestrial* (инопланетянин) 7 и др., становится очевидно, что словарная статья к слову ***alien*** требует редакции: относящийся к иностранному государству и подданству *или внеземной цивилизации*.

Считаем также необходимым отметить, что многие слова-стимулы из выделенного ядра адъективов, составляющих номинативное поле концепта *FOREIGN* / ЧУЖДЫЙ, образуют ассоциативные пары с такими словами-реакциями, как *foreign* (иностранный), *outlandish* (заморский, чужеземный), *overseas* (заграничный, заокеанский), и их производными (*foreigner*, *outlander*), например: ***different*** — (ОС) *foreign* 20, ***strange*** — (ПС) *foreign* 2, (ОС) *foreign* 10, *outlandish* 8, ***unfamiliar*** — (ПС) *foreign* 16, (ОС) *foreign* 3, ***alien*** — (ПС) *foreign* 34, *immigrant* 4, *foreigner* 3 (Small World of Word). Как мы полагаем, это связано с тем, что в понимании британцев *FOREIGN* / ЧУЖДЫЙ ассоциируется с иностранным, заморским, чужеземным. Учитывая, что довольно часто реакции типа *foreign* (иностранный) или *outlandish* (иноземный) находятся в одном словарном гнезде с такими реакциями, как *loopy* (сумасшедший), *wonky* (чокнутый), *erratic* (чудак), *exotic* (экзотический) и т. п., напрашивается вывод, что иноземное, иностранное сопряжено с чем-то странным, негативно воспринимаемым, не вписывающимся в привычную логику оценки окружающего мира.

Выделенные адъективы часто создают ассоциативные пары со словом-реакцией *alien* (чуждый): ***different*** — (ОС) *alien* 6; ***strange*** — (ПС) *alien* 3, (ОС) *alien* 14; ***unfamiliar*** — (ПС) *alien* 5, (ОС) *alien* 4; ***bizarre*** — (ПС) *alien* 2; ***exotic*** — (ПС) *alien* 3; ***foreign*** — (ПС) *alien* 21, (ОС) *alien* 34 и др. (Small World of Word). Это позволяет предположить, что чуждым является не только чужеземное, заморское, иностранное, но и то, что является отличным от общепринятого, традиционного; странное; незнакомое; причудливое или эксцентричное; экзотическое; необычное; экстраординарное; незнакомое; сверхъестественное или причудливое.

Почти все выделенные адъективы, выступающих в качестве стимулов, создают ассоциативные пары со словами-реакциями, имеющими отрицательную коннотацию, ***different*** — (ОС) *queer* (подозрительный, сверхъестественный) 10; *strange* — (ПС) *eerie* (жуткий, мрачный, сверхъестественный) 4, *creepy* (гадкий, противный) 2; (ОС) *queer* (подозрительный, сверхъестественный) 44, *eerie* (жуткий, мрачный, сверхъестественный) 13; ***unfamiliar*** — (ПС) *scary* (жуткий) 4; ***alien*** — (ПС) *monster* (монстр) 2; (ОС) *mutant* (мутант) 17, *abduct*

(насильно похищать) 16; ***bizarre*** — (ПС) *uncanny* (сверхъестественный, жуткий) 3; (ОС) *eerie* (жуткий, мрачный, сверхъестественный) 2 и др. (Small World of Word).

Здесь приведена лишь часть примеров слов-реакций, имеющих негативную коннотацию, но их достаточно, чтобы увидеть: на уровне эмоционального восприятия то, что отличается от общепринятого или знакомого, как правило, вызывает негативные ассоциативные реакции, связанные со страхом, отвращением и насмешкой. При этом словарные дефиниции не несут такого рода коннотаций. Например, ***weird***, имеющий семантическое значение ‘out of the ordinary course’ (выходящий за рамки обычного) (The Oxford Dictionary 1989), образует, согласно ПС, ассоциативные пары с *queer* (странный, подозрительный), *goofy* (глупый), *eerie* (жуткий, мрачный, сверхъестественный), *witch* (ведьма), *creepy* (гадкий, противный), *wacky* (чокнутый), *wicked* (злобный), *quirky* (ушлый, ловкий) (Small World of Word).

Завершающим этапом исследования концепта *FOREIGN* стала работа с английскими фразеологическими словарями (The Oxford Dictionary of Idioms 1989, Cambridge International Dictionary of Idioms 1998, The Farlex Idioms and Slang Dictionary 2017), основной целью которой стало изучение скрытой метафоры, связанной с восприятием иного как чуждого. Анализу подвергались не только прилагательные, которые вошли в номинативное ядро концепта *FOREIGN* / ЧУЖДЫЙ, но и их производные (например, **different** — **difference**). Приведенные ниже примеры были отобраны из всех трех упомянутых выше словарей.

Фразеологизмы со словом *different* и его производными:

it (или ***that***) ***makes all the difference (in the world)*** (это (совсем) другое дело, это (существенно) меняет дело; в этом все дело); (***It’s***) ***different strokes for different folks*** (на вкус и цвет товарищей нет); ***march to a different drummer*** (***tune***) (сам себе на уме); ***all the difference in the world*** (существенная разница); ***different ball of wax*** (совсем другое дело); ***split the difference*** (сойтись в цене, торговаться); ***wear smth. with a difference*** (книжн. носить что-л. по-новому, по-иному); ***as different again*** (совсем другое, как подменили (обыкн. об изменении к лучшему)) и др.

Фразеологизмы со словом *strange* и его производными:

make strange (вести себя странно, вызывая дискомфорт у окружающих); ***strange bird*** (***duck***) (эксцентричный, странный человек); ***I spy strangers*** (парл. требую удаления посторонней публики); ***make a stranger of smb.*** (холодно, неприветливо обходиться с кем-л.; отнестись к кому-либо как к чужому); ***a stranger in blood*** (не связанный кровным родством) и др.

Фразеологизмы, имеющие в составе другие выделенные ранее адъективы, не были найдены. Тем не менее даже небольшой исследовательский материал позволяет увидеть различия в коннотации семантического значения ***different***, указанного в толковых словарях, и теми скрытыми смыслами, которые данное слово приобретает в составе фразеологизмов. В частности, в составе фразеологизмов в семантике слова ***different*** отражается более категоричное противопоставление своего чужому, чем в семантике того значения, которое отражено в толковом словаре (ср., например, ***it makes all the difference*** (***in the world***) vs *having characters or qualities which diverge from one another*; *having unlike or distinguishing attributes*; *not of the same kind*; *not alike*; *of other nature, form or quality* (имеющий характерные черты или качества, которые отличаются друг от друга; имеющий непохожие или отличительные признаки; не одного и того же рода; не похожий; другой природы, формы или качества)).

Согласно *The Oxford Dictionary*, слово ***strange*** имеет семы: принадлежность другой стране, месту, другим людям и т. п.; то, что незнакомо, неизвестно, пришло издалека, что может вызвать глубокое удивление и что сложно представить; характеристика недружественного, отстраненного, холодно настроенного (человека), — и сохраняет нейтральную коннотацию. Однако, в составе фразеологизмов: 1) слово ***strange*** приобретает отрицательную коннотацию, например, ***a strange bird*** (***duck***) (эксцентричный, странный человек); ***make strange*** (вести себя странно, вызывая дискомфорт у окружающих); ***make a stranger of smb.*** (холодно, неприветливо обходиться с кем-л.; отнестись к кому-либо как к чужому); 2) семантическое значение принадлежности проявляется только в отношении семьи или рода (но не страны или места, как указано в лексикографическом значении) — ***a stranger in blood*** (не связанный кровным родством); ***a stranger within smb.'s gates*** (чужой, посторонний кому-л. человек). Как видно из проведенного анализа, рассматриваемые слова (***different***, ***strange***) содержат дополнительные имплицитные смыслы, не отраженные в толковом словаре.

Используя анализ скрытой метафоры, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном (Lakoff, Johnsen 2003), отметим, что переосмысление чуждого тесно связано: а) с бытом: *a different kettle of fish*; *different ball of wax*; *to have a familiar ring*; б) музыкой: *march to a different tune* (*drummer*); в) домом: а *stranger within smb.'s gates*; г) кровным родством: *a stranger in blood*; д) птицами: *strange bird*.

Проведенный анализ позволяет сделать промежуточные выводы, во-первых, о расхождении коннотации лексикографического значения слова и тех имплицитных смыслов, которые присутствуют в признаковой характеристике, вербализуемой данным адъективом; во-вторых, о крайнем неприятии всего, что не относится к категории «свой, знакомый, привычный, общепринятый», что

можно наблюдать при анализе ассоциативных реакций; в-третьих, о переосмыслении чуждого с использованием образов понятных окружающих предметов.

4. Заключение

Проникновение за кулисы языковой картины мира, непосредственно в сознание, как зеркало, отражающее мир, и в механизмы, которое оно задействует для категоризации и концептуализации окружающего мира, возможно только через язык. Язык оказывается хранилищем культурных, национальных особенностей восприятия и отражения мира. Он становится тем инструментом, который позволяет не только глубоко изучить собственную культуру, но и построить диалог с иной культурой, поскольку только диалог является наиболее эффективным средством познания иного. В этой связи *FOREIGN* / ЧУЖДЫЙ является одним из ключевых концептов, содержащих скрытые смыслы, формирующие культуру. При этом он имеет иерархически выстроенную, слоистую, негомогенную структуру, включающую как общепринятые поверхностные смыслы, отраженные в лексикографических значениях слов, входящих в номинативное поле данного концепта, так и имплицитные когнитивные, перцептивные, аффективные смыслы, изучение которых выявляет особенности мировоззрения и миропонимания этноса в отношении к чуждому. В частности, анализ ядра номинативного поля концепта *FOREIGN* / ЧУЖДЫЙ позволил выяснить, что в британской культуре основной акцент в понимании чуждости лежит в плоскости сакрального, внеземного; то, что является внешним для британской культуры, оценивается крайне негативно.

Список литературы / References

Арекеева Ю. Е. Языковая репрезентация оппозиции «свой — чужой» в китайском паремиологическом фонде // Современные востоковедческие исследования. 2020. № 2. С. 4–12. [Arekeeva, Yuliya E. (2020) Yazy'kovaya reprezentaciya oppozicii «svoj — chuzhoj» v kitajskom paremiologicheskom fonde (Linguistic Representation of the Opposition "Own — Alien" in the Chinese Paremiological Fund). *Modern oriental studies*, 2, 4–12. (In Russian)].

Богомазова В. В. Взаимосвязь агональностии категории чуждости в судебном дискурсе // Известия ВГПУ. 2014. № 10 (95). С. 36–40. [Bogomozova, Vyktoria. V. (2014) Vzaimosvyaz' agonal'nostii kategorii chuzhdosti v sudebnom diskurse (Correlation of Agonality and the Category of Strange in the Court Discourse). *Ivzestia of the Volgograd State PedagogicalUniversity*, 10 (95), 36–40. (In Russian)].

Гордиенко Е. В. Выражение категории оценки в британских газетных заголовках [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 18 (816). С. 74–85. [Gordienko, Elena V. (2018) Vyrazhenie kategorii ocenki v britanskih gazetnyh zagolovkah (Expression of the Category of Evaluation in British Newspaper Headlines). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 18 (816), 74–85. (In Russian)].

Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 36–44. [Zalevskaya, Aleksandra A. (2001) Psiholingvisticheskii podhod k probleme koncepta (Psycholinguistic Approach to the Problem of Concept). In *Metodologicheskie problemy' kognitivnoj lingvistiki* (Methodological Problems of Cognitive Linguistics). Voronezh: VGU, 36–44. (In Russian)].

Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций. М.: Гнозис, 2001. [Krasnykh, Viktoriya V. (2001) *Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikacii. Kurs lekcij* (Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Theory. Lecture Course). Moscow: Gnosis. (In Russian)].

Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. [Krasnykh, Viktoriya V. (2002) *Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lekcij* (Ethnopsycholinguistics and Linguacultural Studies: Lecture Course). Moscow: Gnosis. (In Russian)].

Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы лингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. [Krasnykh, Viktoriya V. (2016) *Slovar' i grammatika lingvokul'tury: Osnovy lingvokul'turologii* (Vocabulary and grammar of Linguoculture: Fundamentals of Linguoculturology). Moscow: Gnosis. (In Russian)].

Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. [Lévi-Strauss, Claude. (1994) *Pervoby'tnoe my'shlenie* (Primitive Thinking). Moscow: Respublika. (In Russian)].

Лосев А. Ф. Форма — Стиль — Выражение. Москва: Мысль, 1995. [Losev, Aleksey F. (1995) *Forma — Stil' — Vy'razhenie* (Form — Style — Expression). Moscow: Mysl'. (In Russian)].

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии, 1997. XXVIII. С. 3–36. [Lotman, Yurey M., & Uspenskey, Boris A. (1997) Rol' dual'nyh modelej v dinamike russkoj kul'tury (do konca XVIII veka) (The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Coolers (Until the End of the 18th Century). Works on Russian and Slavic Philology, XXVIII, 3–36. (In Russian)].

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика: Учеб. издание. М.: АСТ, 2007. [Popova, Zinaida D., & Sternin, Iosif A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika*: Ucheb. Izdanie (Cognitive Linguistics: Textbook). Moscow: AST. (In Russian)].

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследователя. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Stepanov, Yuriy S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovatelya* (Constants. Dictionary of Russian Culture. Description of the Researcher). Moscow: M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury». (In Russian)].

Суворова Е. В. Развитие концептуальных представлений о чуждости в социально-гуманитарных науках (XX–XXI века) // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. № 3 (55). С. 150–164. [Suvorova, Elena V. (2024) Razvitie konceptual'nyh predstavlenij o chuzhdosti v social'no-gumanitarnyh naukah (XX–XXI veka) (Development of Conceptual Ideas about Foreignness in the Social Sciences and Humanities (XX–XXI Centuries)). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (55), 150–164. (In Russian)].

Толстая С. М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. [Tolstaya, Svetlana M. (2010) *Semanticheskie kategorii yazyka kul'tury: Ocherki po slavyanskoj etnolingvistike* (Semantic Categories of the Cultural Language: Essays on Slavic Ethnolinguistics). Moscow: Librikom. (In Russian)].

Фельде В. Г. Границы оппозиции «свой — чужой» в Христианстве [Электронный ресурс] // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2018. Спецвыпуск № 5. URL: https://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/S05/00554.pdf (дата обращения: 22.11.2024). [Felde, Viktoriya G. (2018) Granicy oppozicii «svoj — chuzhoj» v Hristianstve (The Boundaries of the Opposition "Own — Strange" in Christianity). *Elektronnyj nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU*, 55. Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/granitsy-oppozitsii-svoy-chuzhoy-v-hristianstve (2024, November 22). (In Russian)].

Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: Гнозис, 1997. [Cherneyko, Lyudmila O. (1997) *Lingvo-filosofskij analiz abstraktnogo imeni* (Lingvo-philosophical analysis of an abstract name). Moscow: Gnosis. (In Russian).

Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2006. [Tsivyan, Tanyana V. (2006) *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy* (Model of the World and Its Linguistic Foundations). Moscow: Komkniga. (In Russian)].

Lakoff, George, & Johnsen, Mark. (2003) *Metaphors We Live by*. Chicago and London: The University of Chicago press.

Maslow, Abraham. (1970) *Motivation and Personality*. New York: Harper & Row.

Mead, George H. (1934) *Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago and London: The University of Chicago press.

Ortega-y-Gasset, Jose. (1963) *Man and People*. New York: Norton.

Sapir, Edward. (1963) *Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality*. In Mandelbaum, David G. (ed.) Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

Словари / Dictionaries

Англо-русский словарь / Под ред. В. К. Мюллера [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/enru_muller?ysclid=m2rjfhxrr5714524136 (дата обращения: 26.08.2025). [Muller, Vladimir K. (ed.) *Anglo-russkij slovar'* (English-Russian Dictionary). Retrieved from https://gufo.me/dict/enru_muller?ysclid=m2r (2025, August 26). (In Russian)].

Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е. С. Кубряковой. Москва: Филол. фак. МГУ, 1996. [Kubryakova, Elena S. (eds.) (1996) Kratkij slovar' kognitivnyh terminov (A Brief Dictionary of Cognitive Terms). Moscow: Philological faculty of MSU. (In Russian)].

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 26.08.2025). [Russian National Corpus. Retrieved from https://ruscorpora.ru/ (2025, August 26). (In Russian)].

Оксфордский русско-английский словарь / сост. М. Уилер. М.: Баркалая и Ко, 1994. [Wheeler, Marcus. (ed.) (1994) *Oksfordskij russko-anglijskij slovar'* (Oxford Russian-English Dictionary). Moscow: Barklaya & Co. (In Russian)].

Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа. Специальное издание для СССР / Под ред. Хорнби А. С. В 2 т. Москва: Русский язык, 1982. [Hornby, Albert S. (ed.) (1982) *Tolkovyj slovar' sovremennogo anglijskogo yazyka dlya prodvinutogo etapa. Special'noe izdanie dlya SSSR* (Explanatory Dictionary of Modern English for Advanced Level. Special Edition for the USSR). In 2 vol. Moscow: Russian Language. (In Russian)].

British National Corpus. Retrieved from: https://www.english-corpora.org/ (2025, August 26).

Hornby, Albert S. (ed.) (2005) *Oxford Advanced Learner's Dictionary* (7th edition). Oxford: Oxford University Press.

Siefring, Judith. (ed.). (1989) *The Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford: Oxford University Press.

Small World of Words (SWOW). Retrieved from https://smallworldofwords.org/ru (2025, August 26).

The Farlex Idioms and Slang Dictionary. (2017) USA, Ireland: Farlex International Limited.

The Oxford English Dictionary. Retrieved from: https://archive.org/details/the-oxford-english-dictionary-all-volumes_202208/The%20Oxford%20English%20Dictionary%20Volume%200%20-%20Exposition/ (2025, August 26).

Urdang, Lawrence. (ed.) (1997) *The Oxford Thesaurus*. Oxford: Oxford University Press.

Walter, Elizabeth. (ed.) (1998) *Cambridge International Dictionary of Idioms*. Cambridge: Cambridge University Press.

УДК 81’42
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-108-123

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА *MEDICAL LAW* В ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МАССМЕДИА

А. А. Голубых, О. Н. Исаева

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, Самара, Россия

Статья посвящена описанию особенностей вербализации и функционирования концепта *MEDICAL LAW*, исследуемого на материале публикаций сайта организации *The Patients Association*, поддерживающей права и интересы жителей Великобритании в вопросах улучшения качества здравоохранения и ухода, и сайта юридической организации *Doctors Defence Service*, представляющей интересы врачей. Данные информационные ресурсы сегодня, в условиях глобализации и медикализации социума, являются актуальным средством передачи важнейшей информации о современных проблемах медицинской юриспруденции, апеллирующей к таким абсолютным жизненным ценностям как безопасность, жизнь и здоровье населения. Цель исследования — проанализировать и выявить особенности языковой актуализации концепта *MEDICAL LAW* в англоязычном массмедийном дискурсе. В качестве основных в работе выступают методы функционально-прагматического анализа, дискурс-анализа, концептуального, лингвистического и семантического анализа. Подчеркивается значимость исследуемого концепта *MEDICAL LAW*, рассматриваемого в качестве источника англоязычной терминологии в сфере медицинского права. Актуальность исследования обусловлена важностью вопроса правовой защиты доктора и пациента, который находит отражение в социально значимом жизненном контексте и представляет собой неотъемлемый компонент ценностной картины мира. Научная новизна работы заключается в том, что изучаемый концепт впервые анализируется в терминах функционального потенциала репрезентирующих его лингвистических маркеров, взаимодействующих в текстах исследуемых статей дискурса массмедиа, а также описывается как своеобразный вектор, отражающий правовое сопровождение медицинской деятельности, а именно: защиты прав пациента и медицинского работника. В исследовании отмечается, что данный концепт предстает одним из обязательных конституентов концептосферы *MEDICINE,* не является устойчивым и, как следствие, регулярно пополняется новыми языковыми единицами и новыми значениями наряду с уже существующими, что выражается в способности массмедийного дискурса отображать языковые изменения в социуме и содействовать созданию языковой картины мира. Выделенные дискурсивные маркеры концепта *MEDICAL LAW*, обнаруженные на информационных сайтах *The Patients Association* и *Doctors Defense Service,* определяют ключевые направления в вопросах правового сопровождения медицинской деятельности.

Ключевые слова: концепт *MEDICAL LAW*; функциональные характеристики; массмедийный дискурс; концептосфера *MEDICINE*; правовое сопровождение; медицинская деятельность.

Цитирование: Голубых А. А., Исаева О. Н. Особенности функционирования концепта *MEDICAL LAW* в дискурсе англоязычных массмедиа // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 3 (71). С. 108–123. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-108-123.

Functional Characteristics of the Concept "Medical Law" in the English Mass Media Discourse

Anastasiya A. Golubykh, Olga N. Isaeva

Samara National Research University, Samara, Russia

The paper examines the concept "medical law," focusing on the specificity of its verbalizations and functions in mass-media publications of the website *The Patients Association,* which provides assistance to residents of the United Kingdom supporting their rights and interests in the health and social care issues, and the website *Doctors Defense Service,* which provides comprehensive legal services to doctors. Today, in the context of globalization and medicalization of society, these information resources serve as an actual means of transmitting the most important information about modern problems of medical law, appealing to such vital values as life and health of the population. The aim of the paper is to identify and analyze the peculiarities of linguistic representations of the concept "medical law" in the English mass-media discourse, emphasizing the importance of this concept as a source of medical law terminology. As its primary methods, the study employs functional-pragmatic analysis, discourse analysis, as well as conceptual, linguistic, and semantic analysis. The relevance of the research is determined by the importance of the issue of legal protection for both the doctor and the patient, which is reflected in a socially significant life context and constitutes an integral axiological component of the modern worldview. The novelty of research lies in the fact that the concept under study is analyzed for the first time in terms of the functional potential of its representative linguistic markers, which interact within the texts of the mass media discourse under study. The concept is also described as a specific vector reflecting the legal framework accompanying medical activities, namely: the protection of the rights of the patient and the healthcare worker. The study points out that the concept "medical law" is one of the essential components of the conceptual sphere "medicine." It is not a static concept and, therefore, it is regularly enriched with new linguistic units and new meanings alongside pre-existing ones. This is clearly expressed in the ability of the mass-media discourse to reflect language changes in society and to contribute to the linguistic picture of the world. The identified discursive markers of the concept "medical law," found in the texts published on *The Patients Association* and *Doctors Defense Service* websites, define the key directions in matters of the legal framework accompanying medical activities.

Key words: concept "medical law"; functional characteristics; mass-media discourse; conceptual framework "medicine"; legal support; medical activity.

Citation: Golubykh, Anastasiya A., & Isaeva, Olga N. (2025) Functional Characteristics of the Concept "Medical Law" in the English Mass Media Discourse. *LUNN Bulletin*, 3 (71), 108–123. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-108-123.

1. Введение

Современный мир диктует новые правила заботы о здоровье и вместе с государственной медицинской помощью застрахованным лицам предлагает обширный ассортимент частных медицинских и оздоровительных услуг, которые пользуются активным спросом. В их число входит медицинская лечебная, диагностическая, физиотерапевтическая, косметологическая, стоматологическая помощь многопрофильных и специализированных частных клиник; физкультурно-оздоровительные и рекреационные мероприятия, фитнес-услуги. С увеличением количества такого рода услуг возрастает и вероятность / частота получения некачественной помощи, низкого уровня сервиса, небрежности и халатности медицинских работников. Столкнувшись с нарушением врачебной этики, нежелательными последствиями или побочными эффектами от медицинских препаратов, терапевтического или оперативного лечения, при нанесении ущерба здоровью в фитнес-комплексах пациенты / клиенты испытывают трудности отсутствия или недостаточности знаний своих прав и способов их защиты. В то же время частные клиники, фитнес-клубы и физкультурно-оздоровительные организации также обращаются за юридической помощью с целью защиты прав медработников и повышения их юридической грамотности, правового сопровождения практической и документальной деятельности организации. Из этого следует, что проблема юридического сопровождения пациентов и деятельности врачей находится сегодня в центре внимания, а услуги практикующего медицинского юриста пользуются повышенным спросом.

Вышеизложенные положения обосновывают актуальность исследования концепта *MEDICAL LAW*, который является источником современной профессиональной англоязычной терминологии.

Целью исследования является изучение и описание особенностей функционирования концепта *MEDICAL LAW* в дискурсе англоязычных массмедиа на материале информационных сайтов организаций медицинской защиты пациентов и работников медицинской сферы. К основным задачам исследования относятся анализ и систематизация медицински ориентированных лингвистических маркеров, описание их взаимодействия и лингвистических особенностей, выявление проблемных областей правового сопровождения медицинской деятельности.

Теоретической и методологической базой исследования являются работы ученых-лингвистов, специализирующихся на анализе концепта (Карасик 1996; Подвигина 2007; Bolla 2019; Чекулай, Прохорова 2022), исследовании медицинских концептов (Prieto-Velasco, Tercedor-Sánchez 2014; Голубых 2021; Рожкова, Рылкина 2023), а также работы в области массмедийного (Сажина

2021; Khramchenko 2023), юридического (Исаева 2019; Аверин 2023) и медицинского дискурсов (Penn, Watermeyer 2018; Вишнякова Е. А., Вишнякова О. Д., Киселева 2019; Brookes, Hunt 2021; Trzaskawka, Kic-Drgas 2022; Линник 2023).

2. Характеристика материала и методов исследования

Материал исследования включает в себя англоязычные дискурсивные маркеры концепта *MEDICAL LAW*, функционирующие в текстах 20 статей 2023–2024 гг. британского сайта благотворительной организации *The Patients Association* (*The PA*), популяризирующей улучшение качества медицинского и социального обслуживания населения; а также 20 статей 2023–2024 гг. британского сайта учреждения медицинской защиты *Doctors Defence Service* (*DDS*), оказывающего поддержку и юридические услуги медицинским работникам на региональном уровне.

Объем выборки исследуемого материала включает 580 языковых единиц по теме правового сопровождения медицинской деятельности, в частности защиты прав пациентов и работников медицинской сферы. В представленную языковую выборку входят существительные (*sanctions, inquests*), субстантивные словосочетания (Adj + N: *medical practitioner*; N + N: *redundancy agreements*) и глагольные словосочетания (V + N: *to scrutinize the evidence*; *to achieve health equity*), отобранные методом сплошной выборки с применением ручного подсчета.

В процессе исследования был осуществлен сбор, наблюдение, описание и классификация языкового материала, в работе с которым основными выступили методы функционально-прагматического анализа, дискурс-анализа, концептуального, лингвистического и семантического анализа.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В современной лингвистике концепт считается основной структурной единицей знания, которая имеет языковое выражение. В силу того, что сегодня существует множество разнообразных интерпретаций данного понятия, можно говорить о комплексной и неоднозначной природе данного феномена. Одним из опорных определений мы считаем трактовку концепта Ю. С. Степановым, который указал на существование концепта как многомерного смыслового образования в коллективном сознании, опредмеченного в языковой форме (Степанов 1997: 43). Сторонники лингвокогнитивного подхода используют полевое (характеристика ядра и периферии [Стернин 2001; Чалова 2007; Попова, Стернин 2007]) и когнитивно-матричное (формат когнитивной матрицы представляет многоаспектность знания [Болдырев 2014]) описание структуры концепта. Лингвокультурологические исследования концепта традиционно предлагают

описание данного явления в виде трехмерной ментальной сущности (Карасик 1996; Ляпин 1997; Воркачев 2003): обладая сложной и многомерной структурой, концепт включает в себя понятийный слой, образную составляющую и ценностный аспект. Процесс формирования концепта сводится к степени его значимости для социума, необходимости существования концепта для человека и коллектива, а его содержание зависит от личного опыта носителей языка, следовательно, содержание одного и того же концепта может варьироваться в зависимости от национальной культуры.

В данной работе исследованию подвергается концепт *MEDICAL LAW,* который входит в состав концептосферы *MEDICINE*, предстающей в сознании англоязычного общества совокупностью концептов, отражающих «медицинские знания и опыт человека (как специалиста медицинской сферы, так и любого представителя социума, приобщенного к медицинской культуре), процессы и результаты человеческой деятельности, связанной с областью медицины, а также степень развития медицинской культуры англоязычного населения» (Голубых 2023: 48).

Актуальность исследования концепта *MEDICAL LAW* заключается и в том, что его ядро представлено когнитивной константой, которая формирует ключевой образ правового сопровождения медицинской деятельности, прежде всего — защиты прав человека (пациента и медработника), и находит свое отражение в социально значимых жизненных условиях, справедливо обосновывая первостепенную важность исследуемого концепта в сознании современного англоязычного общества, а также формируя ценностную картину мира и являясь неотъемлемым ее компонентом. Несмотря на то что в концепте *MEDICAL LAW* заложен постоянный и неизменный фрагмент картины мира, данный концепт характеризуется открытостью и неустойчивостью границ, в связи с чем непрерывно пополняется и обогащается как новыми единицами, так и разными новыми значениями уже существующих языковых единиц.

Исследование концепта *MEDICAL LAW* проводится на материале современных информационных сайтов англоязычного массмедийного дискурса, поскольку данный тип дискурсивного пространства незамедлительно отражает разного рода изменения современного общества и способствует формированию языковой картины мира человека, которая предстает моделью «интегральных знаний концептуальной системы представлений, репрезентируемых в языке» (Харьковская 2017: 112).

Дигитализация коммуникации, результатом которой являются исследуемые информационные сайты, обуславливает появление новых комбинированных медийных жанров, упрощает подготовку и распространение контента, позволяет информационным компаниям работать, выходя за рамки своих традиционных областей. Описываемые информационные сайты организаций

правовой защиты населения в области медицины, кроме своей основной функции — информативной — несут в себе функцию воздействия на адресата, которое выражено как имплицитно, так и с помощью прагматических характеристик англоязычных медицински ориентированных лингвистических маркеров, функционирующих в текстах информационных статей, что придает общению энергию воздействия.

Концепт *MEDICAL LAW* по праву считается универсальным, так как обладает объемным функциональным потенциалом, в рамках которого наряду со словарными значениями актуализируются разнообразные смыслы, созданные различными функционально обусловленными коммуникативными ситуациями.

Анализ особенностей функционирования концепта *MEDICAL LAW* позволил выявить приоритетные позиции исследуемых профессиональных лингвистических маркеров, определить основные проблемы юридического сопровождения медицинской деятельности, проследить формирование ценностной картины мира англоязычного социума, озабоченного важнейшими вопросами медицинской юриспруденции.

Исследование лингвистических маркеров концепта *MEDICAL LAW* в текстах информационных статей британского сайта организации *The Patients Association* в контексте юридической защиты пациентов привело к выводу о том, что первостепенной проблемой, сохраняющей популярность в англоязычной медицинской юриспруденции, является некачественно оказанная медицинская помощь (встречается в 7 статьях сайта *The PA*), что подтверждают такие заглавия статей, как *‘Tips on making a complaint’, ‘What to do if you’re unhappy about care you or a loved one has received’*, информирующих пострадавших пациентов о том, как предъявить иск или жалобу, и предлагающих много разнообразных рекомендаций в помощь пациентам. К другим не менее важным вопросам относятся: права человека в здравоохранении (в 3 статьях *The PA*), услуги частного здравоохранения (в 3 статьях *The PA*), медицинское обслуживание в случае утраты дееспособности (в 3 статьях *The PA*), стоматологические услуги (в 2 статьях *The PA*), профессионализм медицинских работников (в 2 статьях *The PA*).

Проводя анализ британского сайта организации медицинской защиты, предоставляющего региональную поддержку и юридические услуги врачам, следует отметить, что *Doctors Defence Service* состоит из команды юристов-специалистов и подготовленных консультантов, которые за последнее десятилетие представляли интересы многих врачей и других практикующих медицинских работников в судебных процессах, трудовых, гражданских и уголовных делах. Круг проблем в аспекте правовой защиты медицинских работников открывается вопросом соблюдения и регулирования прав медицинских работников (встречается в 7 статьях сайта *DDS*). Номинативные единицы, репрезентирующие

концепт *MEDICAL LAW* на сайте *DDS*, демонстрируют медицинским работникам рекомендации о различных нормативно-правовых процессах, обеспечивающих защиту прав докторов в Англии (например, раздел *GMC Representation*): *Recent Case Law Articles, Legal Services for Doctors* (DDS). Актуальными аспектами также являются: поддержание высоких профессиональных стандартов и вопросы трудового права медицинских работников (в 4 статьях *DDS*), помощь врачам в вопросах трудоустройства (в 3 статьях *DDS*), страхование ответственности врачей (в 3 статьях *DDS*), защита от клинической халатности (в 2 статьях *DDS*), утрата дееспособности пациента (в 1 статье *DDS*).

Самыми частотными репрезентантами концепта *MEDICAL LAW*, входящими в его ядро, являются ЯЕ, представленные существительными *negligence* и *complaint*, которые номинируют ключевые понятия, актуализирующие концепт *MEDICAL LAW*, и акцентируют проблему некачественно оказанной медицинской помощи (*substandard medical care*). Функционируя в границах различных словосочетаний, данные лингвистические маркеры дополняются коннотативными значениями сопровождающих их слов и передают информацию о возможности рассмотрения в суде дел о медицинской халатности, о необходимости сообщить о проблеме и подать жалобу (116 исследуемых ЯЕ). Так, субстантивные словосочетания (некоторые из них образованы с помощью аббревиации) номинируют основные элементы медицинского права, его институты и категории, делая акцент на атрибутах и структуре концепта *MEDICAL LAW*: *a claim in negligence, the system regulator requirements on complaints, hospital complaints, formal complaints, Independent Sector Complaints Adjudication Service (ISCAS), NHS* (*National Health Service*) *complaints process, a letter of complaint* or *a complaint letter* (The PA). Глагольные словосочетания отражают динамику исследуемого концепта, показывая применение норм на практике, передавая процессы в сфере медицинского права, например, процессы подачи и урегулирования жалоб: *to make a complaint, to handle complaints, to deal with complaints, to understand a complaint* (The PA).

Проблема прав человека в секторе здравоохранения открывается медицински ориентированными юридическими лингвистическими маркерами, демонстрирующими особую важность таких документов, как Закон о равных правах и недопущении дискриминации (ЯЕ *Equality Act 2010*), который устанавливает меры защиты для людей, обладающих одним из девяти защищенных признаков дискриминации (возраст, инвалидность, смена пола, брак и гражданское партнерство, беременность и материнство, раса, религия и убеждения, пол и сексуальная ориентация) и Закон о правах человека (ЯЕ *Human Rights Act 1998*), который утверждает права человека и основные свободы (*to set out the basic rights and freedoms*): *Human rights* ***set out the basic rights and freedoms*** *that belong to everyone and these* ***are enshrined within the Human Rights Act 1998***

(The PA: Your equality and human rights in the health and social care sector). Данный пример демонстрирует функциональное взаимодействие следующих исследуемых ЯЕ концепта *MEDICAL LAW:* субстантивные словосочетания *human rights, Human Rights Act* и глагольные словосочетания *to set out the basic rights and freedoms, to be enshrined within the Human Rights Act.* Предложение подтверждает, что исследуемый концепт существует не изолированно, а в правовых, социальных и этических рамках и показывает, как нормы работают в реальных ситуациях.

The Patients Association предлагает большое количество информации и инструкции, прописывающие последовательность действий при нарушении прав человека, рекомендуя начать с обращения по горячей линии службы консультативной поддержки по вопросам равенства: ***The Equality Advisory Support Service Helpline (EASS)*** *supports individuals who wish* ***to achieve an informal resolution*** *when they feel they have experienced discrimination or want to understand their* ***human rights*** (The PA: Your equality and human rights in the health and social care sector). В приведенном примере можно увидеть раскрытие контекста и взаимосвязей исследуемых ЯЕ концепта *MEDICAL LAW*, а именно: субстантивных словосочетаний *the Equality Advisory Support Service Helpline (EASS)* и *human rights*, а также глагольного словосочетания *to achieve an informal resolution*. Существительное *right* является концептуально значимым ядерным компонентом исследуемого концепта *MEDICAL LAW* и встречается в субстантивных и глагольных словосочетаниях, которые составляют 67 исследуемых ЯЕ, что подтверждает актуальность равноправия и прав человека в здравоохранении и говорит о необходимости обращаться в службы консультативной поддержки: *to enshrine the rights* (устанавливать права), *to protect rights* (защищать права), *to violate rights* (нарушать права) (The PA).

Репрезентация исследуемого концепта в текстах статей сайта *DDS* в контексте правовой защиты врачей происходит с помощью лингвистических маркеров, которые составляют 58 анализируемых ЯЕ и являются еще одним ядерным элементом концепта *MEDICAL LAW*. Защита прав медицинских работников на законодательном уровне обеспечивается путем официального разбирательства в суде по трудовым спорам (*formal proceedings may have to be issued in an Employment Tribunal*), опираясь на Закон о трудовых спорах 1996 (ЯЕ *Employment Rights Act 1996*). Здесь на языковом уровне при актуализации концепта *MEDICAL LAW* прослеживается тенденция к использованию глагольных словосочетаний, описывающих неправомерные действия в отношении врачей: *to be unfairly dismissed* (быть несправедливо уволенным), *to experience a detriment following a protected disclosure (whistleblowing*) (испытать ущерб после защищенного раскрытия информации (разоблачение)), *to be reported to the*

GMC under a false pretext (сообщить в генеральный медицинский совет под надуманным предлогом) (DDS).

Вербализация концепта *MEDICAL LAW* показала, что особое внимание привлекает вопрос предоставления услуг частного здравоохранения (ЯЕ *privately-funded healthcare*). Медицински ориентированные лингвистические маркеры, входящие в данную группу, составляют 52 анализируемых ЯЕ. Частное медицинское обслуживание осуществляется отдельно от Национальной службы здравоохранения и может предоставляться как независимым сектором (ЯЕ *independent sector*), так и помещениями национальной службы здравоохранения (ЯЕ *NHS premises*). Сотрудничая с *IHPN* (*Independent Healthcare Providers Network* — Сеть независимых поставщиков медицинских услуг), независимая благотворительная организация *The Patients Association* подготовила необходимую информацию о частном здравоохранении, включая полезные советы для массовой аудитории пациентов: *The Patients Association worked with the* ***Independent Healthcare Providers Network (IHPN)*** *to offer advice on what patients should expect from* ***independent healthcare*** (The PA: Private healthcare — an overview).

Отмечается тот факт, что провайдер частных медицинских услуг (*private healthcare provider*) обязан следовать требованиям регулирующего органа правовой системы в отношении жалоб, которым в Великобритании является *Independent Sector Complaints Adjudication Service (ISCAS)*: *For* ***privately-funded healthcare****, whether delivered in the independent sector or NHS, the provider must follow* ***the system regulator requirements on complaints*** (The PA: Making a complaint). Общие правила должны соблюдать и организации, предоставляющие частные стоматологические услуги, жалобы в отношении которых рассматриваются специальной службой *Dental Complaints Service* (The PA: You and your dentist).

Так, вербализация концепта *MEDICAL LAW* в контексте темы предоставления услуг частного здравоохранения осуществляется с помощью ЯЕ, которые являются преимущественно субстантивными словосочетаниями, часто образованными с помощью аббревиации (*privately-funded / independent healthcare, independent sector, NHS premises, Independent Healthcare Providers Network (IHPN), private healthcare provider*) и функционируют в контексте предложений, раскрывая динамическую природу исследуемого концепта.

Проблема планирования будущего медицинского ухода при утрате дееспособности пациента вербализуется лингвистическими маркерами, составляющими 52 ЯЕ концепта *MEDICAL LAW*, и обосновывает необходимость заботы жителей Англии о своем будущем уходе и назначения *medical next of kin* (которым может быть не только родственник) для получения информации о медицинском обслуживании пациента, что поможет убедиться, что человек, которому он

больше всего доверяет, в курсе его проблем со здоровьем. При этом согласие на предоставление или отказ в уходе может дать только *Lasting Power of Attorney* — доверенное лицо, обладающее оформленной доверенностью на случай утраты дееспособности доверителем: *A* ***Lasting Power of Attorney*** *can* ***make health and care decisions*** *for you if you* ***lose mental capacity*** (The PA: Next of kin). Пример демонстрирует функциональные характеристики концепта *MEDICAL LAW*, актуализация которого осуществляется посредством субстантивного словосочетания *Lasting Power of Attorney* и глагольных словосочетаний *to make health and care decisions* и *to lose mental capacity*.

При заблаговременном планировании будущего медицинского ухода пациент имеет право подготовить следующие документы, которые вступают в силу, если он будет неспособен сформулировать и озвучить свои пожелания по медицинскому сопровождению:

Advance decision (*previously living will*) — предварительное решение / волеизъявление на случай окончательной недееспособности, распоряжение о поддержании жизни, которое позволяет определить, какое лечение пациент желает / не желает получить, имеет обязательную юридическую силу (*legally binding*), его необходимо засвидетельствовать и удостоверить (*to get your advance decision witnessed*);

Advance statement — предварительное заявление, один из типов завещания о жизни, составляется до утраты дееспособности самостоятельно принимать решения, позволяет указать пожелания по оказанию медицинской помощи, не имеет обязательной юридической силы;

Refusal of CPR (*cardiopulmonary resuscitation*) / *'do not attempt cardiopulmonary resuscitation' decision (a DNACPR decision)* — отказ от сердечно-легочной реанимации / решение об отказе от сердечно-легочной реанимации (The PA).

Важно упомянуть, что достаточно чувствительной и спорной областью, вызывающей озабоченность пациентов, является решение врача о том, подлежит ли пациент реанимации (*a patient is not for resuscitation*). Вынося директиву: «*Не реанимировать»*, докторам необходимо убедиться, что они придерживаются соответствующего протокола (*to follow the appropriate protocol*), принимая во внимание пожелания пациента, удостоверившись, что они учитывают все соответствующие факты (*to take all relevant evidence*) и мнения. Ключевая роль здесь отводится Совету по реанимации (*the Resuscitation Council*), который помогает врачам принять обоснованное и этичное решение, надлежащим образом зафиксированное в примечаниях (*record in notes*) и подлежащее постоянному пересмотру (DDS).

Так, вербализация концепта *MEDICAL LAW* в контексте планирования будущего медицинского ухода при утрате дееспособности пациента происходит

с помощью ЯЕ, являющихся субстантивными словосочетаниями, номинирующими важные юридические документы, протоколы и организации, часто образованными с помощью аббревиации (*the Resuscitation Council, Advance decision, Advance statement, Refusal of CPR, DNACPR decision*), и глагольными словосочетаниями, отражающими процессы планирования и осуществления медицинского ухода (*to take all relevant evidence, to follow the appropriate protocol*).

Проведенное исследование медицински ориентированных юридических дискурсивных маркеров в контексте частного здравоохранения способствовало установлению закономерности страхования профессиональной ответственности (*professional insurance*) частных стоматологов (39 ЯЕ), которое предполагает финансовую защиту в случае причинения вреда здоровью, жизни, имуществу третьих лиц в результате профессиональных ошибок, допущенных застрахованным. Лингвистические маркеры концепта *MEDICAL LAW* проблематики страхования медицинских работников предстают глагольными словосочетаниями. Ряд примеров наглядно демонстрирует существующую необходимость иметь в наличии страховые продукты — (*to cover by the NHS's indemnity scheme*) — покрывать системой возмещения расходов *NHS*, если врачи работают в *NHS* в качестве наемных работников. Практикующим врачам следует убедиться, что их страховое возмещение покрывает всю их работу, а также получить рекомендации, касающиеся подачи жалобы (*to lodge a complaint*) и инструктирование относительно урегулирования жалоб (*to settle a complaint*) со стороны пациентов (DDS).

Активным спросом пользуются юристы, специализирующиеся на вопросах оказания частных стоматологических услуг, которые консультируют при обращении в службу *Dental Complaints Service*, а также помогают оформить и подать иск о компенсации в Высший стоматологический совет *General Dental Council*. Последней инстанцией рассмотрения жалоб в отношении стоматологических услуг является Уполномоченный по вопросам здравоохранения *Health Service Ombudsman*. После рассмотрения жалобы (*to investigate a complaint*) ответственный регулирующий орган может обеспечить полный / частичный возврат стоимости лечения (*full or partial refund of treatment fees*) или возмещение для дальнейшего лечения (*contribution towards further treatment*), а также наложить разные предусмотренные законом меры взыскания (*sanctions*): лишить стоматолога права практиковать (*to strike off the register*), временно отстранить от исполнения обязанностей (*to suspend for a set period of time*) или объявить выговор (*to give a reprimand*) (The PA). Перечисленные субстантивные и глагольные словосочетания репрезентируют исследуемый концепт в контексте популяризации юридической помощи в вопросах оказания частных стоматологических услуг, раскрывая его содержание.

Последним, но немаловажным аспектом настоящей выборки является проблема профессионализма медицинских работников, о чем свидетельствуют лингвистические маркеры концепта *MEDICAL LAW*, репрезентирующие прямую зависимость качества полученной медицинской помощи от уровня владения английским языком (32 ЯЕ). Такой регулирующий орган, как *Health and Care Professions Council* (ЯЕ *HCPC* — Совет медицинских профессий), фокусирует внимание на важности влияния знания английского языка медицинскими работниками на опыт работы с пациентами и лицами, осуществляющими уход, что подтверждается следующим фрагментом, включающим такие ЯЕ концепта *MEDICAL LAW*, как существительное *regulators*, субстантивное словосочетание *health and care professionals* и глагольное словосочетание *to deliver safe and high-quality care*: ***Regulators*** *exist to ensure that* ***health and care professionals deliver safe and high-quality care*** *to patients and the public.* (The PA: Importance of professionals' English language proficiency on patient experience and safety).

4. Заключение

Таким образом, проведенный анализ медицински ориентированных лингвистических маркеров, характеризующих юридическое сопровождение медицинской деятельности, способствовал определению и описанию особенностей функционирования концепта *MEDICAL LAW* в дискурсе современных англоязычных массмедиа, выявлению приоритетных позиций ЯЕ, входящих в состав исследуемого концепта, и установлению проблемных областей современной медицинской юриспруденции Англии, в круг которых входят: вопросы некачественно оказанной медицинской помощи, аспекты защиты прав пациентов и работников медицинской сферы, особенности предоставления услуг частного здравоохранения (преимущественно частных стоматологических услуг), вопросы страхования профессиональной ответственности, проблемы медицинского ухода при утрате дееспособности пациента и актуальная необходимость соответствия медицинских работников профессиональным стандартам. Большинство выявленных проблемных характеристик отличаются устойчивым (перманентным) характером, сохраняя свою актуальность в рамках современного англоязычного медицинского права, несмотря на длительный период существования. К числу относительно новых тенденций следует отнести усиление регуляторного контроля над сферой частного здравоохранения, включая сегмент стоматологических услуг, что обусловлено переходом пациентов в частный сектор. Данный процесс сопровождается интенсификацией проверочных мероприятий в отношении частных медицинских учреждений, а также ростом спроса на юридические услуги, связанные с правовым сопровождением субъектов частной медицины. Рост профессиональных требований

к медицинским работникам актуализирует вопрос о необходимости повышения их языковой компетентности, что обусловлено прямой корреляцией между уровнем владения английским языком и качеством оказываемой медицинской помощи.

Вербализация концепта *MEDICAL LAW* в дискурсе англоязычных массмедиа осуществляется посредством исследуемых лингвистических маркеров, которые являются существительными, субстантивными и глагольными словосочетаниями. Существительные и субстантивные словосочетания помогают систематизировать ключевые элементы концепта, демонстрируют, что концепт *MEDICAL LAW* включает нормы, права, обязанности и процедуры, связанные с медициной. Часто такие ЯЕ образованы с помощью аббревиации, которая является одним из средств языковой экономии. Субстантивные словосочетания, содержащие аббревиатуры, характеризуются краткостью, лаконичностью, особым графическим оформлением, чем и привлекают внимание читателя, выступая в качестве инструмента прагматического воздействия на реципиента, а также совершенствуя и обогащая концепт *MEDICAL LAW*. Глагольные словосочетания отражают взаимодействие субъектов медицинского права и юридические процедуры. Здесь концепт *MEDICAL LAW* проявляется как регулятор действий в сфере медицины, связанный с соблюдением, нарушением и защитой прав. В контексте предложений исследуемый концепт приобретает практическую значимость.

Приведенные выводы показывают, что концепт *MEDICAL LAW,* актуализируясь в условиях дискурса массмедиа, несет в себе важнейший ценностный аспект культуры жителей Англии, подчеркивая особую значимость сохранения здоровья населения посредством репрезентации современных проблем медицинской юриспруденции, и предстает составляющей ценностной картины мира англоязычного общества; а также является неотъемлемым компонентом концептосферы *MEDICINE*, стимулирующим ее развитие и непрерывное обогащение языковыми единицами, которые формируют семантическое поле данной концептосферы и способствуют становлению медицинской языковой картины мира.

Список литературы / References

Аверин А. С. Популярно-юридический дискурс: формирование концепции. Москва: «Русайнс», 2023. [Averin, Artem S. (2023) *Populyarno-yuridicheskiy diskurs: formirovanie kontseptsii* (Popular Legal Discourse: Development of the Conception). Moscow: «Rusayns». (In Russian)].

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. [Boldyrev, Nikolay N. (2014)

Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: kurs lektsiy. (Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics: a Course of Lectures). Tambov: Izd. dom TGU im. G. R. Derzhavina. (In Russian)].

Вишнякова Е. А., Вишнякова О. Д., Киселева А. В. Медицинский профессиональный дискурс в контексте когнитивно-лингвистического анализа // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. Т. 1. № 1. С. 55–69. [Vishnyakova, Elizaveta A., Vishnyakova, Olga D., & Kiseleva, Anna V. (2019) Meditsinskiy professional'nyy diskurs v kontekste kognitivno-lingvisticheskogo analiza. (Medical Professional Discourse Within the Cognitive Linguistic Analysis Framework). *Professional Discourse & Communication*, Vol. 1, 1, 55–69. (In Russian)]. DOI: 10.24833/2687-0126-2019-1-1-55-69.

Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый» термин // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 24. Москва: ООО «МАКС Пресс», 2003. С. 5–12. [Vorkachev, Sergey G. (2003) Kontsept kak «zontikovyy» termin. (The Concept as an "Umbrella" Term). In *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* (Language, Consciousness, Communication). Issue 24. Moscow: OOO «MAKS Press», 5–12. (In Russian)]. EDN UBCONJ.

Голубых А. А. Концептосфера MEDICINE в современной англоязычной коммуникации. Самара: Издательство Самарского университета, 2023. [Golubykh, Anastasiya A. (2023) *Kontseptosfera MEDICINE v sovremennoy angloyazychnoy kommunikatsii* (The Conceptual Framework MEDICINE in Modern English-language Communication). Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta. (In Russian)].

Голубых А. А. Ядерные компоненты концептосферы 'Medicine' в современном английском языке // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. № 1. С. 130–141. [Golubykh, Anastasiya A. (2021) Yadernye komponenty kontseptosfery 'Medicine' v sovremennom angliyskom yazyke (Nuclear Components of the Conceptual Framework 'Medicine' in the Modern English Language). U*chenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, Vol. 163, 1, 130–141. (In Russian)]. DOI: 10.26907/2541-7738.2021.1.130-141.

Исаева О. Н. Роль и место юридических текстов малого формата в организации правоведческого дискурса // Малоформатные тексты в различных типах англоязычного дискурса. Самара: «САМАРАМА», 2019. С. 56–66. [Isaeva, Olga N. (2019) Rol' i mesto yuridicheskikh tekstov malogo formata v organizatsii pravovedcheskogo diskursa (The Role and Place of Minitexts in Legal Discourse Arrangement). In *Maloformatnye teksty v razlichnyh tipah angloyazychnogo diskursa* (Minitexts in Various Types of the English-language Discourse). Samara: «SAMARAMA», 56–66. (In Russian)].

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград, Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16. [Karasik, Vladimir I. (1996) Kul'turnye dominanty v yazyke (Cultural Dominants in Language). In *Yazykovaya lichnost': kul'turnye koncepty: Sb. nauch. tr.* (Language Personality: Cultural Concepts: Collection of Scientific Papers). Volgograd, Arkhangelsk: Peremena, 3–16. (In Russian)].

Линник Л. А. Медицинские тексты. Особенности подготовки. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2023. [Linnik, Lyubov' A. (2023) *Meditsinskie teksty. Osobennosti podgotovki* (Medical Texts. Features of Preparation). Moscow: GEOTAR-Media. (In Russian)]. DOI: 10.33029/9704-7711-3-LLA-2023-1-192.

Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 1. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1997. С. 11–35. [Lyapin, Sergey Kh. (1997) Kontseptologiya: k stanovleniyu podkhoda (Conceptology: Towards the

Formation of an Approach). In *Koncepty. Nauchnye trudy Centrokoncepta* (Concepts. Scientific Works of the Central Concept). Arhangel'sk: Izd-vo Pomorskogo un-ta. Issue 1, 11–35. (In Russian)].

Подвигина Н. Б. Понятие концепта и концептосферы // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 3 (3). С. 97–105. [Podvigina, Nadezhda B. (2007) Ponyatie kontsepta i kontseptosfery (The notion of the concept and the conceptual framework). *Scientific Newsletter Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Crosscultural Communication*, 3 (3), 97–105. (In Russian)].

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ, Восток-Запад, 2007. [Popova, Zinaida D., & Sternin, Iosif A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* (Cognitive Linguistics). Moscow: AST, Vostok-Zapad. (In Russian)].

Рожкова Т. В., Рылкина О. М. Лексико-семантическая репрезентация концепта «память» // Лингвистика и образование. 2023. Т. 3. № 2 (10). С. 107–119. [Rozhkova, Tamara V., & Rylkina, Olga M. (2023) Leksiko-semanticheskaya reprezentatsiya kontsepta «pamyat'» (Lexico-semantic Representation of the Concept "Memory"). *Linguistics and education*, Vol. 3, 2 (10), 107–119. (In Russian)]. DOI: 10.29039/2712-9519-2023-2-107-119.

Сажина Е. В. Медиадискурс в современной лингвистической парадигме: сравнительно-сопоставительный аспект. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. [Sazhina, Elena V. (ed.) (2021) *Mediadiskurs v sovremennoy lingvisticheskoy paradigme: sravnitel'no-sopostavitel'nyy aspekt* (Media Discourse in the Modern Linguistic Paradigm: a Comparative Aspect). Gomel: GGU im. F. Skoriny. (In Russian)].

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: «Языки русской культуры», 1997. [Stepanov, Yuriy S. (1997) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* (Constants: The Dictionary of Russian Culture). Moscow: «Yazyki russkoj kul'tury». (In Russian)].

Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 58–65. [Sternin, Iosif A. (2001) Metodika issledovaniya struktury kontsepta (The Methodology of Studying the Structure of the Concept). In *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki* (Methodological Problems of Cognitive Linguistics). Voronezh: Voronezh. gos. un-t, 58–65. (In Russian)].

Харьковская А. А. Названия произведений изобразительного искусства в языковой картине мира: функциональные аспекты // Эволюция и трансформация дискурсов: Сб. науч. ст. Самара: Самарский ун-т, 2017. С. 111–119. [Khar'kovskaya, Antonina A. (2017) Nazvaniya proizvedeniy izobrazitel'nogo iskusstva v yazykovoy kartine mira: funktsional'nye aspekty (Titles of Fine Arts Products Within the Context of World Linguistic Picture: Functional Aspects). In *Evolyuciya i transformaciya diskursov: sbornik nauchnyh statej* (Evolution and Transformation of Discourses: A Collection of Scientific Articles). Issue 2. Samara: Samarskij un-t, 111–119. (In Russian)].

Чалова Л. В. Концепт как объект исследования когнитивной лингвистики // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3-1. С. 244–245. [Chalova, Larisa V. (2007) Kontsept kak ob"ekt issledovaniya kognitivnoy lingvistiki (Concept As an Object of Cognitive Linguistics Research). *Almanac of Modern Science and Education*, 3-1, 244–245. (In Russian)].

Чекулай И. В., Прохорова О. Н. О так называемых «неотмеченных» структурах знания // Александровский сборник: Сб. науч. ст. к юбилею доктора филологических наук, профессора Ольги Викторовны Александровой. Москва: Наука, 2022. С. 272–286.

[Chekulai, Igor' V., & Prokhorova, Olga N. (2022) O tak nazyvaemykh «neotmechennykh» strukturakh znaniya (About the So-called "Unregistered" Knowledge Structures). In *Aleksandrovskij sbornik: Sbornik nauchnyh statej k yubileyu doktora filologicheskih nauk, professora Ol'gi Viktorovny Aleksandrovoj* (Alexander Collection: A collection of Scientific Articles Dedicated to the Anniversary of Doctor of Philology, Professor Olga Viktorovna Alexandrova). Moscow: Nauka, 272–286. (In Russian)].

De Bolla, Peter, Jones, Ewan, Nulty, Paul, Recchia, Gabriel, & Regan, John. (2019) Distributional Concept Analysis. *Contributions to the History of Concepts*, Vol. 14, 66–92. DOI: 10.3167/choc.2019.140104.

Brookes, Gavin, & Hunt, Daniel. (2021) Discourse and Health Communication. *Analysing Health Communication*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-68184-5_1.

Khramchenko, Dmitry S. (2023) The Power of Synergy in Discourse: Exploring Persuasive Language in English Mass Media. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, Vol. 13, 2, 368–379. DOI: 10.17509/ijal.v13i2.63068.

Penn, Claire, & Watermeyer, Jennifer. (2018) Communicating Across Cultures and Languages in the Health Care Setting. Voices of Care. *Communicating in Professions and Organizations*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/978-1-137-58100-6.

Prieto-Velasco, Juan A., & Tercedor-Sánchez, Maribel. (2014) The Embodied Nature of Medical Concepts: Image Schemas and Language for Pain. *Cognitive Processing*, 15 (3), 283–296. DOI: 10.1007/s10339-013-0594-9.

Trzaskawka, Paula, & Kic-Drgas, Joanna. (2022) Penetration of COVID-19 Related Terminology into Legal, Medical, and Journalistic Discourses. *International Journal for the Semiotics of Law*, Vol. 35, 3, 937–960. DOI: 10.1007/s11196-021-09881-3.

Источники языкового материала / Language material resources

DDS — Doctors Defence Service. UK. (2024, October) Retrieved from: https://doctorsdefenceservice.com/.

The PA — The Patients Association. UK. (2024, October) Retrieved from: https://www.patients-association.org.uk/.

УДК 81-139
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-124-134

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОЙ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ К ПОЛИТИЧЕСКИМ СТАТЬЯМ

М. А. Васильева

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье автор подчеркивает, что в настоящее время сеть Интернет входит в систему агентов социализации, диктуя новые, более демократичные модели межличностных отношений, возможные благодаря анонимности публикуемых сообщений. Опосредованность коммуникации, основанной на применении компьютерных технологий, создает чувство свободы самовыражения, которое приводит к стиранию барьеров в процессе речевого взаимодействия и размытию стилистических границ, коллоквиализации общения. Все эти факторы закономерно обусловливают интенсификацию употребления эмоционально-оценочных слов и выражений, которые отличаются преимущественно негативной коннотацией и выраженной агрессивностью. При этом агрессивный потенциал зачастую реализуется вербально в имплицитных формах выражения. В настоящей работе анализируется феномен имплицитной речевой агрессии как специфической формы реагирования интернет-пользователей на актуальные политические события. Эмпирическим материалом для анализа послужили комментарии, сопровождающие политические статьи, опубликованные в авторитетном англоязычном периодическом издании *The Washington Post*, а также на русскоязычном новостном портале «ИноСМИ» и специализированном военно-политическом новостном сайте «Военное обозрение». Выбор данных площадок обусловлен их различной целевой аудиторией и, как следствие, потенциальным разнообразием в проявлении речевой агрессии. Автором определяется понятие имплицитной речевой агрессии, приводятся способы ее выражения, дается краткая характеристика актуального политического события. Статья содержит данные о наиболее частотных способах выражения имплицитной речевой агрессии, а также о процентах агрессивных комментариев на каждом из представленных сайтов. Результаты анализа показали, что активность и характер использования различных средств имплицитной речевой агрессии отличается национальной спецификой. Делается вывод о том, что применение имплицитной речевой агрессии авторами русскоязычных и англоязычных комментариев преследует разные цели. Автор также подчеркивает, что использование эксплицитной вербальной агрессии является отличительной чертой англоязычной аудитории, тогда как русскоязычные комментаторы отдают предпочтение скрытой речевой агрессии. Отмечается, что объектами агрессии в русскоязычном сегменте онлайн-комментариев выступают политические деятели и граждане США. В англоязычных комментариях основной фокус агрессии направлен на главу Российской Федерации В. В. Путина, а также на президента США Д. Трамп и Т. Карлсона.

Ключевые слова: имплицитная речевая агрессия; медиадискурс; язык СМИ; русскоязычные СМИ; англоязычные СМИ.

Цитирование: Васильева М. А. Средства выражения имплицитной речевой агрессии в интернет-комментариях к политическим статьям // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 3 (71). С. 124–134. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-124-134.

Means of Expressing Implicit Verbal Aggression in Online Comments on Political Articles

Maria A. Vasileva

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

In the article, the author emphasizes that the Internet is now incorporated into the system of socialization agents, dictating new, more democratic models of interpersonal relations made possible by the anonymity of published messages. The mediation of communication based on the use of computer technologies creates a sense of freedom of self-expression, which, in its turn, leads to the erosion of barriers in the process of verbal interaction, a blurring of stylistic boundaries, and the colloquialization of communication. All these factors naturally lead to an intensification in the use of emotionally evaluative words and expressions, which are predominantly characterized by negative connotations and marked aggressiveness. This aggressive potential is often realized verbally through implicit forms of expression. The present study analyses the phenomenon of implicit verbal aggression as a specific form of response by internet users to current political events. The empirical material for the analysis consisted of user comments on political articles published in the authoritative English-language periodical *The Washington Post*, as well as on the Russian-language news portal *InoSMI* (RIA Novosti), and the specialized military-political news site *Military Review* (Voennoye Obozreniye). The selection of these platforms is justified by their differing target audiences and, consequently, the potential for diversity in the manifestation of verbal aggression. The author defines the concept of implicit verbal aggression, identifies the means of its expression, and provides a brief characterization of the relevant political event. The article presents data on the most frequent means of expressing implicit verbal aggression, as well as the percentage of aggressive comments on each of the sites examined. The results of the analysis indicate that the activity and nature of the use of various means of implicit verbal aggression exhibit national specificity. It is concluded that the use of implicit verbal aggression by authors of Russian-language and English-language comments pursues different objectives. The author also emphasizes that the use of explicit verbal aggression is a distinctive feature of the English-language audience, whereas Russian-language commentators prefer covert (implicit) verbal aggression. It is noted that within the Russian-language segment of online comments, the objects of aggression are predominantly U.S. political figures and American citizens. In the English-language comments, the primary focus of aggression is directed at the President of the Russian Federation Vladimir Putin, as well as U.S. President Donald Trump and American conservative political commentator Tucker Carlson.

Key words: implicit verbal aggression; media discourse; mass media language; Russian-speaking mass media; English-speaking mass media.

Citation: Vasileva, Maria A. (2025) Means of Expressing Implicit Verbal Aggression in Online Comments on Political Articles. *LUNN Bulletin*, 3 (71), 124–134. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-124-134.

1. Введение

Виртуальное пространство стало неотъемлемой частью жизни современного общества. Размещаемые интернет-пользователями материалы формируют их картину мира, а раздел комментариев позволяет посетителям различных сайтов открыто делиться своим мнением, быстро реагировать на актуальные события и высказывания других людей. Можно утверждать, что сейчас сетевые ресурсы общения в интернете превратились в институт социализации, а анонимность, дистантность и опосредованность коммуникации продлевает срок существования подростковых способов взаимодействия, характеризующихся зачастую гипертрофированными реакциями и агрессивным поведением (Christopherson 2007; Moral-Toranzo, Canto-Ortiz, Gómez-Jacinto, (2007); Vasenina, Kuleshova, Pronchev (2018); Potapova, Potapov, Umanskaia (2023).

По мнению Л. Р. Комаловой, практически абсолютная свобода самовыражения снимает ряд коммуникативных ограничений, предъявляемых в реальной коммуникации (Комалова 2015: 39). В связи с этим актуальной становится проблема вербальной агрессии, которая может быть выражена эксплицитно и имплицитно. В. Ю. Апресян определяет имплицитную агрессию как «замаскированную, неявно выраженную, языковую агрессию» (Апресян 2003: 32). В данной статье будет использоваться формулировка В. Ю. Апресяна.

Цель исследования — определить частоту применения различных средств имплицитной речевой агрессии в русскоязычных и англоязычных комментариях к политическим статьям, а также выявить национальную специфику выражения данного вида агрессии.

Изучением этого вида вербальной агрессии занимаются как отечественные, так и зарубежные исследователи. Наиболее известными учеными в этой области являются В. М. Амиров, Л. В. Енина, Н. А. Купина, Э. А. Лазарева, Л. М. Майданова, Е. Г. Соболева (1997), М. А. Грачев (2009), Н. Е. Петрова и Л. В. Рацибурская (2011), Ю. В. Щербинина (2012), Л. Р. Комалова (2015), О. С. Иссерс (2020). Были проанализированы их научные работы, учебные пособия, а также различные научные статьи других исследователей (Н. Н. Кошкарова (2009); К. И. Федорова, Н. В. Сабурова, С. В. Николаева (2016); В. И. Озюменко (2017); М. П. Пушкина (2018); Е. М. Крижановская (2019); Л. В. Кулумбегова, И. В. Беляева (2020); Н. С. Демченко (2021); Н. И. Иванова, Т. М. Никаева (2021); А. С. Малеева, И. А. Белокопытова (2022); Р. А. Иванова, К. Г. Голубева (2023); М. К. Севостьянова (2023) и др.).

2. Характеристика материала и методов исследования

Так как именно сфера политики вызывает наиболее яркую реакцию и бурное обсуждение, были выбраны комментарии, оставленные к статьям из раздела политики. Всего было проанализировано 360 комментариев

интернет-пользователей на таких сайтах, как «ИноСМИ» и «Военное обозрение» (180 русскоязычных комментариев), а также The Washington Post (180 англоязычных комментариев). Для исследования комментариев методом случайной выборки были отобраны статьи, посвященные интервью американского журналиста Такера Карлсона с президентом РФ Владимиром Путиным, которое состоялось 6 февраля 2024 года. Кратко напомним, что американский политический обозреватель Такер Карлсон стал первым западным журналистом, взявшим интервью у российского президента. Такер Карлсон ставил перед собой цель — познакомить англоязычную аудиторию с правдой о ситуации на Украине, которую западные СМИ, по его мнению, тщательно скрывают. Совершенно очевидно, что описанное выше событие стало предметом активного обсуждения в виртуальном пространстве. Читатели, выражая свою реакцию на интервью, применяли речевую агрессию, в том числе имплицитную.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Согласно проведенному анализу, средствами выражения имплицитной агрессии могут выступать:

1) стилистически сниженные глаголы со значением повышенной интенсивности действия (*стащить*, *запихнуть*, *выпереть*);

2) прецедентные феномены, плюральные прецедентные имена (*маниловы*, *митрофанушки*);

3) слова-хамелеоны, у которых одно из значений имеет негативную окраску (*чайник, белое пальто*, *валенок*);

4) слова, описывающие национальность, несущие негативную окраску (*еврей — человек, жадный до денег*, *американец — враг*);

5) местоимения, произнесенные с соответствующей интонацией (чаще с негативной) (*они*, *наш*, *ваш*, *этот*, *эти*), например ***эта*** *страна* (о России);

6) неологизмы с негативной коннотацией (*бандеризация*, *хрущобы*);

7) риторические вопросы (*Я, что, со стеной разговариваю?*);

8) императив (*Ты еще поспорь со мной!*);

9) восклицательные и вопросительные знаки (*Сколько можно это терпеть**???** Я тебе уже сто раз объяснил**!!!***);

10) эмотиконы и эмодзи (*))))*;😁);

11) Capslock (*ОНИ ничего не понимают!*);

12) многоточие, точка, кавычки (*Какой позор…*; *Он. Враг. Народа.*; *«демократия»*);

13) тактика иронизации (*Какая жалость!*);

14) Речевые импликатуры, нарушающие причинно-следственные связи (Амиров 1997; Грачев 2009; Радбиль, Юматов 2014; Озюменко 2017; Крижановская 2019; Кулумбегова, Беляева 2020; Демченко 2021; Иванова, Никаева 2021; Иванова, Голубева 2023; Севостьянова 2023).

Результаты анализа собранного языкового материала показали, что комментаторы вышеупомянутых русскоязычных сайтов используют различные средства выражения имплицитной речевой агрессии на 7,78 % чаще, чем комментаторы, поделившиеся своим мнением на сайте англоязычного периодического издания *The Washington Post*. Так, на сайте «ИноСМИ» из 113 комментариев 10 содержали имплицитно выраженную вербальную агрессию, в то время как на военно-политическом новостном сайте «Военное обозрение» число подобного рода комментариев составляет 12 из 67 опубликованных. Изучение комментариев на сайте газеты *The Washington Post* показало, что из 180 комментаторов только 8 выражали агрессию имплицитно.

Приведем наиболее яркие примеры употребления имплицитной речевой агрессии из текстов русскоязычных комментаторов (здесь и далее правописание авторов сохранено; все средства выражения скрытой агрессии выделены полужирным шрифтом):

(1) ***Хосподи, перед кем распинаться?!*** *У* ***них*** *мышление, развитое на картинках с подписями. Если текста больше, чем на 2 короткие фразы, у* ***них*** *начинается* ***переполнение оперативной памяти****. У* ***этих "аквариумных рыбок"*** *каждые 30 секунд — новый "кейс"*;

(2) *Полная* ***интеллектуальная деградация западных элит*** *на фоне Путина...*;

(3) *Боюсь* ***у западного обывателя*** *такое интервью* ***сорвет башню, это никаких мозгов не хватит***;

(4) *Как вчера в голос завопили* ***всякие Кирби*** *и советники по безопасности Белого Дома, требующие граждан США (а значит и всего Запада) не верить ни одному слову Президента России*;

(5) *Щас* ***дедушка Джо*** *пообщается с духами и опровергнет всю историю. Два часа ему для этого не понадобится, две минуты и готово, остальную работу проделают* ***услужливые геббельс-помойки***;

(6) *Неужели* ***они*** *всего этого не знали? Совсем* ***темные ...***

Как можно заметить, посетители данных русскоязычных политических сайтов чаще всего критикуют западную аудиторию и политиков США. С помощью тактики иронизации (*дедушка Джо*, *переполнение оперативной памяти*), местоимения *они* как маркера «чуждости», слов-хамелеонов (*аквариумные рыбки*, *деградация*) и риторических вопросов (*Неужели они всего этого не знали?*; *Хосподи, перед кем распинаться?!*) комментаторы выражают негативную оценку их умственных способностей, также прибегая к выражению

агрессии на пунктуационно-графическом уровне (многоточия, вопросительные и восклицательные знаки, кавычки, использование строчных букв вместо прописных в именах собственных).

Особый интерес вызывает комментарий № 4, так как он иллюстрирует использование плюральных имен собственных (*всякие Кирби* — речь идет о координаторе по стратегическим коммуникациям в совете национальной безопасности США Джоне Кирби, который после публикации видео с интервью Такера Карлсона призвал граждан США не верить словам президента России). В комментарии № 5 мы можем выделить не только плюральное имя собственное, но и пример использования словосложения (*геббельс-помойки*), образованного с помощью дефиса. Более того, во второй части сложного слова была использована стилистически сниженная разговорная лексика *помойка*.

Представленные выше примеры позволяют утверждать, что, реагируя на интервью американского журналиста с Владимиром Путиным, русскоязычная аудитория склонна направлять агрессию в сторону Запада, граждан США и их представителей власти в частности. При этом наиболее частыми способами выражения имплицитной агрессии являются местоимение *они* и его формы косвенных падежей (9 раз), знаки препинания (8 раз) и слова-хамелеоны (4 раза).

Обратимся к англоязычным комментаторам и их реакции на интервью:

(7) *Why didn't he interview Zelensky instead**?** Why the mob boss Putin**?** / Почему он не взял интервью у Зеленского? Почему главарь бандитов Путин?* (здесь и далее перевод наш. — М. В.);

(8) *Could Tucker be any more of a clown**?** Putin used him like a **washcloth**. / Мог бы Такер быть еще бОльшим клоуном? Путин использовал его как тряпку для мытья посуды*;

(9) *Putin only appears in media that he controls, says a lot about Tucker / Путин появляется только в тех СМИ, которые контролирует. Это многое говорит о Такере*;

(10) *Carlson**.** ever the useful **tool** of his masters. / Карлсон. Самая что ни на есть полезная марионетка своих хозяев*;

(11) *Carlson, like Trump, is a Putin **ASSet**. / Карлсон, как и Трамп, тайный агент Путина*;

(12) *Putin's diatribe matches **Tr☭mp** rhetoric now regurgitated by House & Senate **RepubliCONs** / Обличительная речь Путина соответствует риторике Трампа, которую сейчас изрыгают республиканцы из Палаты представителей и Сената США.*

Рассмотренные примеры показывают, что предметом агрессии англоязычной аудитории становятся как Такер Карлсон, так и Владимир Путин и Дональд Трамп, которого представляют в качестве союзника президента России. Главную мысль высказываемой критики можно сформулировать следующим

образом: американский журналист — всего лишь марионетка в руках обманщика и тирана Путина, а Трамп — его деспотичный сторонник.

В результате анализа комментариев мы пришли к выводу о том, что англоязычные комментаторы выбирают более разнообразные способы выражения имплицитной речевой агрессии. Так же, как и в случае с русскоязычными комментариями, мы видим риторические вопросы (*Why didn't he interview Zelensky instead? Why the mob boss Putin?*) и слова-хамелеоны (*washcloth* — тряпка для мытья посуды, жалкий и бесполезный человек; *tool* — инструмент, марионетка). В то же время присутствуют те способы выражения скрытой агрессии, которых нет в исследованных комментариях на русском языке. Так, мы можем наблюдать речевую импликатуру в примере № 9, через которую автор комментария намекает, что Такер Карлсон находится под контролем российского президента и не имеет своей воли. В примере № 10 автором используется парцелляция, чтобы акцентировать внимание на личности журналиста и выразить оскорбление.

Последние два комментария содержат яркие примеры употребления языковой игры. Английское слово *asset*, которое имеет несколько значений и может быть переведено как «объект имущества», «полезный сотрудник», «тайный агент», приобретает здесь дополнительное значение, так как первые три буквы — прописные. Выделенные буквы составляют слово *ass* «тупица, осел». Таким образом, автор говорит, что Такер и Трамп — союзники президента, не отличающиеся высокими умственными способностями.

В примере № 12 фамилия президента США содержит эмодзи ☭, серп и молот, который является символом СССР. Включив этот символ в фамилию, автор хотел намекнуть, что Трамп занимает пророссийскую позицию. Далее мы видим слово *RepubliCONs* «республиканцы» с выделенными буквами, составляющими слово *con*, которое является американским выражением «мошенник», «надувательство». Следовательно, автор выражает мысль, что члены партии республиканцев поступают нечестно, способны обмануть граждан США.

4. Заключение и выводы

Подводя итоги проведенного исследования, следует добавить, что именно англоязычные комментаторы выражают агрессию прямо чаще, чем русскоязычные. Нами было выделено 25 случаев применения эксплицитной речевой агрессии на сайте американской газеты, которая выражалась с помощью инвективной лексики (*bigmouth dope tucker, a murderer*), словообразовательных неологизмов, перекликающихся с лексикой обсценного характера (**ucker*), негативно-оценочных эпитетов (*evil, monsterous traitor and mentally disturbed psychopath*). В русскоязычных комментариях было найдено 17 подобных случаев: метафоры и эпитеты с отрицательной коннотацией (*лягухи, смердящее болото, пиявки*),

негативно-оценочные каламбурные образования (*политиканы, либердосная пресса*), национал-инвективы (*хохлы, пиндос*), словообразовательные неологизмы (*Салорейх, украинизация*).

Обобщая результаты изучения способов выражения имплицитной речевой агрессии, отметим, что использование этого вида агрессии является характерной чертой для русскоязычных посетителей политических сайтов (22 комментария из 180 изученных — 12,22 %). Чаще всего она выражается на лексическом и пунктуационно-графическом уровне. Англоязычные же читатели газеты *The Washington Post* предпочитают выражать свои негативные эмоции **эксплицитно** на 8,18 % чаще, чем русскоязычные комментаторы (172 комментария с открыто выраженной речевой агрессией). Число комментариев с имплицитной вербальной агрессией меньше, чем на русскоязычных сайтах (8 комментариев из 180 изученных — 4,44 %). Но, прибегая к скрытой агрессии, западная аудитория применяет различные способы, от языковой игры до речевых импликатур. *Следовательно, англоязычные комментаторы отдают предпочтение эксплицитной речевой агрессии, а русскоязычные пользователи сайтов — имплицитной*. Заметим, что направленность агрессии также отличается: цель русскоязычных комментаторов — унизить западных обывателей и политиков, намекнув на их низкие умственные способности. Цель англоязычных комментаторов — оскорбить и унизить конкретную личность, чаще российских политиков.

В дальнейшем планируется рассмотрение русскоязычных и англоязычных комментариев к политическим статьям, размещенным на других сайтах в сети Интернет для проведения сравнительного анализа и выявления этнокультурных особенностей использования вербальной агрессии.

Список литературы / References

Амиров В. М., Енина Л. В., Купина Н. А., Лазарева Э. А., Майданова Л. М., Соболева Е. Г. и др. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург: УрГУ, 1997. [Amirov, Valerij M., Enina, Lidija V., Kupina, Natalija A., Lazareva, Jella A., Majdanova, Ljudmila M., Soboleva, Elena G., et al. (1997) *Rechevaja agressija i gumanizacija obshhenija v sredstvah massovoj informacii* (Speech Aggression and Humanization of Communication in the Media). Ekaterinburg: UrGU. (In Russian)].

Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2003. Вып. 2 (9). С. 32–35. [Apresjan, Valentina Ju. (2003) Implicitnaja agressija v jazyke (Implicit Aggression in Language). Computational Linguistics and Intelligent Technologies, 2 (9), 32–35. (In Russian)].

Грачев М. А. Лингвокриминалистика. Н. Новгород: НГЛУ, 2009. [Grachev, Mikhail A. (2009) Lingvokriminalistika (Forensic Linguistics). Nizhny Novgorod: NGLU. (In Russian)].

Демченко Н. С. Вербальные маркеры проявления имплицитной речевой агрессии // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции, г. Донецк. 26–28 окт. 2021 г. Том 4. Филологические науки. Часть 2: Языкознание, литературоведение, журналистика. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. С. 59–62. [Demchenko, Natal'ja S. (2021) Verbal'nye markery projavlenija implicitnoj rechevoj agressii (Verbal Markers of the Manifestation of Implicit Speech Aggression). In *Doneckie chtenija 2021: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 26-28 okt. 2021 g.* (Donetsk Readings 2021: Education, Science, Innovation, Culture and Modern Challenges), Oct. 26–28. 2021). Donetsk: Izd-vo DonNU, 59–62. (In Russian)].

Иванова Н. И., Никаева Т. М. Проявление речевой агрессии в интернет-комментариях (на примере форума «Кому за...», входящего в состав портала "Ykt.Ru") // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Том 14. Выпуск 9. С. 2833–2837. [Ivanova, Nurguyaana I., & Nikaeva, Tatiana M. (2021) Projavlenie rechevoj agressii v internet-kommentarijah (na primere foruma «Komu za...», vhodjashhego v sostav portala "Ykt.Ru") (Verbal Aggression Manifestation in Internet Comments (by the Example of the Message Board "For People Over...", Part of the Portal "Ykt.Ru"). *Philology. Theory & Practice*, 14, 9, 2833–2837. (In Russian)]. https://doi.org/10.30853/phil210454.

Иванова Р. А., Голубева К. Г. Имплицитные средства речевого воздействия в современных англоязычных медиа // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 3 (63). С. 72–81. [Ivanova, Rimma A., & Golubeva, Kristina G. (2023) Implicitnye sredstva rechevogo vozdejstvija v sovremennyh anglojazychnyh media (Implicit Means of Linguistic Manipulation and Persuasion in Modern English-Language Media Texts). *LUNN Bulletin*, 3 (63), 72–81. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-72-81.

Иссерс О. С. Речевое воздействие. М.: Флинта, 2020. [Issers, Oksana S. (2020) *Rechevoye vozdeystviye* (Speech Impact). Moscow: Flinta. (In Russian)].

Комалова Л. Р. Язык и речевая агрессия: Аналит. обзор. М.: ИНИОН РАН, 2015. [Komalova, Lilija R. (2002) *Jazyk i rechevaja agressija: Analit. obzor* (Language and Speech Aggression: Analytical Review). Moscow: INION RAN. (In Russian)].

Кошкарова Н. Н. Лингвистические механизмы речевой агрессии в СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (148). Филология. Искусствоведение. Вып. 30. С. 48–52. [Koshkarova, Natal'ja N. (2009) Lingvisticheskie mehanizmy rechevoj agressii v SMI (Linguistic Mechanisms of Speech Aggression in the Media). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. *Philology. Art History*, 30, 48–52. (In Russian)].

Крижановская Е. М. Способы выражения речевой агрессии в сетевом сообществе как реакции интернет-пользователей на реальные политические события // Лингвокультурология. 2019. Вып. 13. С. 132–141. [Krizhanovskaja, Elena M. (2019) Sposoby vyrazhenija rechevoj agressii v setevom soobshhestve kak reakcii internet-pol'zovatelej na real'nye politicheskie sobytija (The Explication Ways of Verbal Aggression in the Network Community as an Internet Users' Response to Real Political Events). *Lingvokul'turologija*, 13, 132–141. (In Russian)].

Кулумбегова Л. В., Беляева И. В. Конфликтогенная грамматика (на материале современных медийных текстов) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 4 (60). С. 63–74. [Kulumbegova,

Lyudmila V., & Belyaeva, Irina I. (2022) Konfliktogennaya grammatika (na materiale sovremennykh mediynykh tekstov (Conflictogenic Grammar (Based on the Material of Modern Media Texts). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 63–74. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-63-74.

Малеева А. С., Белокопытова И. А. Имплицитная агрессия как вид речевой агрессии // Германистика: от истоков до современности: Сб. науч. трудов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. С. 89–93. [Maleeva, Alina S., & Belokopytova, Irina A. (2022) Implicitnaja agressija kak vid rechevoj agressii (Implicit Aggression as a Tipe of Speech Aggression). In *Germanistika: ot istokov do sovremennosti: sbornik nauchnyh trudov* (German Studies: From the Origins to the Present: A Collection of Scientific Papers). Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 89–93. (In Russian)].

Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 203–220. [Ozyumenko, Vladimir I. (2017) Medijnyj diskurs v situacii informacionnoj vojny: ot manipuljacii — k agressii (Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Aggression). *Russian Journal of Linguistics*, 21, 1, 203–220. (In Russian)]. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220

Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. [Petrova, Natalija E., & Raciburskaja, Larisa V. (2011) *Jazyk sovremennyh SMI: sredstva rechevoj agressii* (The Language of Modern Mass Media: Means of Speech Aggression: Educational Manual). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].

Пушкина М. П. Коммуникативный конфликт в жанре интернет-комментария // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2018. Т. 28. Вып. 5. С. 824–831. [Pushkina, Marija P. (2018) Kommunikativnyj konflikt v zhanre internet-kommentarija (Communicative Conflict in the Internet Comment Genre). *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 28, 5, 824–831. (In Russian)].

Радбиль Т. Б., Юматов В. А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3-2. С. 18–21. [Radbil, Timur B., & Yumatov, Vasiliy A. (2014) Sposoby vyyavleniya implitsitnoy informatsii v lingvisticheskoy ekspertize (Methods of Detection of Implicit Information in Linguistic Expertise). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 3–2, 18–21. (In Russian)].

Севостьянова М. К. Маркеры речевой агрессии в комментариях пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала. 2023. Вып. 7. С. 117–120. [Sevost'janova, Marina K. (2023) Markery rechevoj agressii v kommentarijah pol'zovatelej social'noj seti «VKontakte» (Markers of Verbal Aggression in Commentaries of Users of Social Network "VKontakte"). Gumanitarnye Issledovanija Molodyh Uchenyh Juzhnogo Urala, 7, 117–120. (In Russian)].

Федорова К. И., Сабурова Н. В., Николаева С. В. Реализация речевой агрессии: стратегия дискредитации и стратегия манипулирования в англоязычных СМИ // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2016. № 5 (55). С. 154–166. [Fedorova, Klavdija I., Saburova, Natal'ja V., & Nikolaeva, Sardana V. (2016) Realizacija rechevoj agressii: strategija diskreditacii i strategija manipulirovanija v anglojazychnyh SMI (Implementation of Speech of Aggression: Strategies of Discredit and Manipulation in the English Language Media). *Vestnik of North-Eastern Federal University*, 5 (55), 154–166. (In Russian)].

Щербинина Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления: Учеб. пособие. М.: Флинта, 2012. [Shherbinina, Julija V. (2012) *Russkij jazyk. Rechevaja agressija i puti ee preodolenija: Ucheb. Posobie* (Russian Language. Speech Aggression and Ways to Overcome it: Textbook). Moscow: Flinta. (In Russian)].

Christopherson, Kimberly M. (2007) The Positive and Negative Implications of Anonymity in Internet Social Interactions: "On the Internet, Nobody Knows You're a Dog". *Computers in Human Behavior*, 23 (6), 3038–3056. DOI:10.1016/j.chb.2006.09.001

Moral-Toranzo, Félix, Canto-Ortiz, Jesús, & Gómez-Jacinto, Luis. (2007) Anonymity Effects in Computer-Mediated Communication in the Case of Minority Influence. *Computers in Human Behavior*, 23 (3), 1660–1674. DOI:10.1016/j.chb.2005.09.002

Potapova, Rodmonga K., Potapov, Vsevolod V., & Umanskaia, Polina A. (2023) Stylistic Features of Russian-Language Internet Communication of the Younger Generation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 7 (875), 101–111. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_7_875_101.

Vasenina, Irina V., Kuleshova, Natalia S., & Pronchev, Gennadi B. (2018) Verbal Aggression in Virtual Social Environments. *Astra Salvensis*, Special Issue, 29–37.

Источники языкового материала / Language material resources

Интервью Владимира Путина Такеру Карлсону // Иносми. 09.02.2024 [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/20240209/putin-267780264.html?ysclid=melscivqeu977564979 (дата обращения: 10.11.2024) [(2024, February 09) *Interv'ju Vladimira Putina Takeru Karlsonu* (Vladimir Putin's Interview with Tucker Carlson). *Inosmi*. Retrieved from https://inosmi.ru/20240209/putin-267780264.html?ysclid=melscivqeu977564979 (accessed 10 November 2024). (In Russian)].

«Интервью разбудит мир»: западные пользователи комментируют беседу Такера Карлсона с президентом России // Военное обозрение. Новости. 09.02.2024 [Электронный ресурс]. URL: https://topwar.ru/235970-intervju-razbudit-mir-zapadnye-polzovateli-kommentirujut-besedu-takera-karlsona-s-prezidentom-rossii.html?ysclid=melsh43bdn500717862 (дата обращения: 12.11.2024) [(2024, February 09) «Interv'ju razbudit mir»: zapadnye pol'zovateli kommentirujut besedu Takera Karlsona s prezidentom Rossii ("The Interview will Wake up the World": Western Users Comment on Tucker Carlson's Conversation with the President of Russia). *Voennoe obozrenie*. Retrieved from https://topwar.ru/235970-intervju-razbudit-mir-zapadnye-polzovateli-kommentirujut-besedu-takera-karlsona-s-prezidentom-rossii.html?ysclid=melsh43bdn500717862 (accessed 12 November 2024). (In Russian)].

Ebel, Francesca. (2024, February 08) Putin, in Rambling Interview, Barely Lets Tucker Carlson Get a Word in. *The Washington Post*. Retrieved from: https://www.washington post.com/world/2024/02/08/tucker-carlson-putin-interview-released/ (November 2024).

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.013.76
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-135-153

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В РУСЛЕ СМЫСЛОВОЙ ПАРАДИГМЫ

Е. Н. Дмитриева, Н. В. Макшанцева, М. Валери

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Рассматриваются педагогические условия профессиональной подготовки учителя иностранного языка, в основе проектирования которых лежат научные представления о смысловой парадигме. Обозначение «смысловая парадигма» указывает на приоритетность формирования профессионально-личностных смыслов у студентов в процессе профессиональной подготовки. Актуальность проблемы исследования педагогических условий модернизации профессиональной подготовки учителя в русле смысловой парадигмы диктуется сменой акцента в целевых приоритетах профессиональной подготовки. Выполнение учителем сложных профессиональных задач своей деятельности невозможно вне актуализации его профессионально-личностных смыслов, что определяет задачу педагогического обеспечения их становления уже на этапе подготовки в вузе. Цель статьи: на основе анализа научной литературы и обобщения опыта профессиональной деятельности в сфере подготовки учителя иностранного языка уточнить значение смысловой парадигмы как эвристической основы для обновления образовательной практики в вузе и предложить педагогические условия профессиональной подготовки, отвечающие ее сущности и учитывающие современные требования к профессиональной личности учителя. Новизна исследования связана с концептуализацией смысловой парадигмы как продуктивного методологического инструмента познания и преобразования процесса профессиональной подготовки учителя, как детерминирующей основы его модернизации; а также видится в определении комплекса педагогических условий, побуждающих действие внутренних механизмов профессионально-личностного смыслообразования. Педагогические условия раскрываются в статье как многозначное явление, объединяющее внешние (содержание, педагогические меры, методы, средства и т. п.) и внутренние (психологические, личностные) факторы, определяющие формирование у студентов профессионально-личностных смыслов. В совокупности

они определяют преобразование процесса профессиональной подготовки в русле смысловой парадигмы для обеспечения эффективного становления профессиональной личности учителя иностранного языка. С точки зрения функционального назначения педагогические условия определяются как сложный, системно организованный инструментально-методологический механизм модернизации профессиональной подготовки учителя иностранного языка в вузе. Эта система включает три группы условий: научно-педагогические, организационно-педагогические, образовательно-педагогические. Научно-педагогические условия представлены трансдисциплинарным и иформационно-смысловым подходами, предполагающими формирование профессиональных концептов в сознании студентов и организацию педагогического общения в процессе формирования профессиональных знаний. Организационно-педагогические условия обеспечивают деятельностно-практический характер овладения профессиональными навыками. Образовательно-педагогические условия предполагают реализацию герменевтических методов обучения для формирования профессионально-личностных смыслов при овладении профессионально значимой информацией. В статье приведены наиболее существенные характеристики всех групп условий. Выполненное исследование позволяет сделать заключение, что профессиональная подготовка в вузе представляет собой не только активизацию изолированных когнитивных функций и способностей студента, но, по сути, органическую часть его сознательной жизнедеятельности, являясь смыслообразующим фактором в процессе становления его профессиональной личности.
Цитирование: Дмитриева Е. Н., Макшанцева Н. В., Валери М. Педагогические условия модернизации профессиональной подготовки учителя иностранного языка в русле смысловой парадигмы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 3 (71). С. 135–153. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-135-153.

Pedagogical Conditions for Modernizing Foreign Language Teacher Training Within a Meaning-Centered Paradigm

Elena N. Dmitrieva, Natalia V. Makshantseva, Marta Valeri

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article examines the pedagogical conditions for the professional training of foreign language teachers, the design of which is based on the principles of the meaning-centered paradigm. The designation “meaning-centered paradigm” indicates the priority of forming professional and personal meanings in students during their professional training. The relevance of researching the pedagogical conditions for modernizing teacher training within this paradigm is driven by a shift in the emphasis of its core objectives. A teacher’s ability to perform complex professional tasks is impossible without the actualization of their professional and personal meanings, which underscores the necessity of creating pedagogical support for their development during the university training stage. Based on an analysis of existing research literature and a synthesis of professional experience in foreign language teacher training, the purpose of this article is to clarify the significance of the meaning-centered paradigm as a heuristic foundation for updating educational practice at the university level. Furthermore, it aims to propose pedagogical conditions for professional

training that align with its essence and account for modern requirements for a teacher's professional identity. The novelty of the research is associated with the conceptualization of the meaning-centered paradigm as a productive methodological tool for understanding and transforming the process of teacher training, serving as a determining basis for its modernization. It is also seen in the identification of a complex of pedagogical conditions that activate the internal mechanisms of professional and personal meaning-making. In the article, pedagogical conditions are described as a multifaceted phenomenon encompassing both external factors (content, pedagogical measures, methods, means, tools, etc.) and internal factors (psychological, personal) that determine the formation of students' professional and personal meanings. Collectively, these conditions facilitate the transformation of the professional training process in line with the meaning-centered paradigm to ensure the effective development of a foreign language teacher's professional identity. From a functional standpoint, the pedagogical conditions are defined as a complex, systemically organized instrumental and methodological mechanism for modernizing the professional training of foreign language teachers at the university. This system comprises three groups of conditions: scientific-pedagogical, organizational-pedagogical, and educational-pedagogical. The scientific-pedagogical conditions are represented by transdisciplinary and informational-meaning-based approaches, which involve the formation of professional concepts in students' minds and the organization of pedagogical communication during the acquisition of professional knowledge. The organizational-pedagogical conditions ensure that the process of mastering professional skills remains active and practical in nature. The educational-pedagogical conditions involve the implementation of hermeneutical teaching methods to foster professional and personal meanings while mastering professionally significant information. The article outlines the most essential characteristics of all three condition groups. The conducted research concludes that professional training at the university represents not only the activation of individual students' isolated cognitive functions and abilities but, essentially, an organic part of their conscious life activity, serving as a meaning-forming factor in the development of their professional identity.

Key words: meaning-centered paradigm; professional and personal meaning; transdisciplinary principle; professional conceptual sphere; professional identity.

Citation: Dmitrieva, Elena N., Makshantseva, Natalia V., & Valeri, Marta. (2025) Pedagogical Conditions for Modernizing Foreign Language Teacher Training Within a Meaning-Centered Paradigm. LUNN Bulletin, 3 (71), 135–153. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-135-153.

1. Введение

Задачи модернизации профессиональной подготовки педагогических кадров в системе высшего образования сопряжены в первую очередь со сменой методологических приоритетов в образовании, которые обращены к личности, обоснованию значимости ее творческого потенциала и смысложизненных ориентаций, раскрытию внутренних механизмов профессионального становления. Современное представление человека в системе образования, экспотенциальный рост информации, интенсивная цифровизация человеческой деятельности, усложнение процессов коммуникации и профессионального педагогического труда вызвали к жизни потребность в научной разработке идеи профессионально-личностного смыслообразования как основы модернизации професси-

ональной подготовки учителя. Инновационный характер современного педагогического труда требует от учителя руководствоваться в своей деятельности не готовыми рецептами, а глубоким пониманием, осмыслением ситуаций, фактов, научной информации, способностью видеть их развивающую сущность. Выполнение учителем сложных профессиональных задач своей деятельности невозможно вне актуализации его профессионально-личностных смыслов, что определяет задачу педагогического обеспечения их становления уже на этапе подготовки в вузе.

Таким образом, актуальность исследования педагогических условий модернизации профессиональной подготовки учителя в русле смысловой парадигмы диктуется усилением тенденции ко все более глубокой ориентации на «собственно человека» (Фельдштейн 1994) в теории и практике образования. Опора на данную парадигму обусловлена сменой акцента в целевых приоритетах профессиональной подготовки. Это выражается в установке на переход от приоритета знаниево-центристского (или дисциплинарно-предметного) освоения мира, в том числе мира профессии, к глубинно-смысловому его постижению.

Цель статьи: на основе анализа научной литературы и обобщения опыта профессиональной деятельности авторов в сфере подготовки учителя иностранного языка уточить значение смысловой парадигмы как эвристической основы для обновления образовательной практики в вузе и предложить педагогические условия профессиональной подготовки, отвечающие ее сущности и учитывающие современные требования к профессиональной личности учителя.

Обзор научной литературы позволяет трактовать парадигму как методологическую категорию, лежащую в основе исследования, разработки и осуществления современного образовательного процесса. В научно-педагогических источниках понятие парадигмы упоминается как применительно к методологии педагогической науки, так и применительно к методологии образования. При этом оно трактуется авторами и как основание развития теории, и как регулятив преобразования практики (Кун 1977; Приоритетные направления развития педагогических и психологических исследований 2004).

В статье принято общенаучное понимание парадигмы как системы основных научных достижений (теорий, методов), по образцу которых организуется исследовательская и / или образовательная практика в данной области знаний в определенный исторический период (Гроф 1993; Колесникова 1995; Прикот 1995; Громыко 1996; Дильтей 1996; Субетто, Шанти, Лукоянов 2023 и др.). Основание для идентификации смысловой парадигмы в образовательном процессе вуза дают психологические труды в сфере изучения личности, личностных смыслов, сознания и деятельности (Анциферова 1982; Франкл 1990; Зинченко 1991; Леонтьев 2019; Асмолов 2002; и др.), которые раскрывают внутренние психологические и личностные механизмы смыслообразования. Определение

«смысловая» для названной парадигмы опирается на труды известных философов и психологов, которые изучают и характеризуют круг явлений, сопряженных с процессами личностного становления, центром которого являются складывающиеся многообразные смыслы (Франкл 1990; Paul, Wong 1997; Братусь 1999; Леонтьев 2019; Асмолов 2002; и др.). В частности, А. Г. Асмолов в одном из своих выступлений подчеркивает, что задачи, возникшие в образовании 90-х годов XX века касаются смены парадигмы образования и требуют перехода от «знаниевой» парадигмы «к герменевтической, смысловой парадигме» (Асмолов 1998: 37). Он подчеркивает важную для современности мысль о том, что главным в образовании является движение «через смысл»: «Цель образования — создание гештальта, смысловой картины мира, которая в ситуации неопределенности может помочь найти пути развития или действия <…>. Эта картина исходно является <…> смысловой. В этой картине мы выступаем как поисковые системы, а не системы, в которые “вкладываются” знания» (Асмолов 1998: 39).

Признавая справедливость утверждения, высказанного А. Г. Асмоловым, следует заметить — для того, чтобы смысловая парадигма стала основой обновления практики профессиональной подготовки учителя в вузе, необходимо определить соответствующие ей педагогические условия, которые позволят привести в действие внутренние (субъектно-личностные) механизмы становления смысловой сферы студента — будущего учителя. Собственно, вопрос о том, каковы педагогические условия модернизации профессиональной подготовки учителя иностранного языка, составляет суть поставленной в статье проблемы.

Новизна исследования видится в концептуализации смысловой парадигмы как продуктивного методологического инструмента познания и преобразования процесса профессиональной подготовки учителя, как детерминирующей основы его модернизации, а также в определении комплекса педагогических условий, побуждающих действие внутренних механизмов профессионально-личностного смыслообразования.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом статьи послужили научные публикации, посвященные вопросам профессиональной подготовки учителя, раскрывающие социокультурные и психолого-педагогические основы формирования профессионально-личностных смыслов в образовательном процессе вуза, позволяющие обосновать трехкомпонентный комплекс педагогических условий профессиональной подготовки, ориентированных на обновление этого процесса в русле смысловой парадигмы. Обоснование совокупности педагогических условий модернизации профессиональной подготовки учителя иностранного языка опирается на комплекс научных положений о закономерностях целенаправленного смыслообразующего познания; о формировании профессиональных концептов,

определяющих становление профессионального сознания; об активности субъекта в процессе становления смысловой сферы личности. Исходное понятие темы — педагогические условия — исследуются в статье с учетом научно-педагогической традиции их рассмотрения в научных трудах как сложного феномена образовательной практики, который определяет результативность образовательного процесса и может быть целенаправленно преобразован для эффективного решения поставленных в этом процессе задач (Куприянов, Дынина 2001; Бондаренко 2014; Беликов 2018; Володин, и др.). Соответственно, педагогические условия раскрываются в статье как многозначное явление, объединяющее внешние (содержание, педагогические меры, методы, средства и т. п.) и внутренние (психологические, личностные) факторы, влияющие на формирование у студентов профессионально-личностных смыслов; в совокупности определяющие преобразование процесса профессиональной подготовки в русле смысловой парадигмы для обеспечения эффективного становления профессиональной личности учителя иностранного языка.

Методами исследования послужили: аналитико-синтетическое рассмотрение научных публикаций, логические методы анализа понятий, метод целенаправленного конструирования системы новых теоретических представлений, моделирование педагогических условий модернизации профессиональной подготовки учителя иностранного языка в вузе.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Педагогические условия, предложенные в статье, с точки зрения функционального назначения определяются как сложный, системно организованный инструментально-методологический механизм модернизации профессиональной подготовки учителя иностранного языка в вузе. Эта система включает три компонента (подсистемы):

- научно-педагогические условия;
- организационно-педагогические условия;
- образовательно-педагогические условия.

3.1. Научно-педагогические условия

Данные условия представлены двумя авторскими подходами к модернизации профессиональной подготовки: трансдисциплинарным и информационно-смысловым (Дмитриева 2007, 2012).

Трансдисциплинарный подход предлагается как подход к организации (структурированию) содержания профессиональной подготовки учителя в вузе. Центральное понятие данного подхода — профессионально-педагогический концепт. Применительно к теме статьи профессионально-педагогический концепт трактуется как единица ценностного общечеловеческого опыта, сущность которой — в транслировании профессионально значимого смысла

как объективной социально значимой ценности. Вербальное выражение концепта выступает формой его означивания и фиксирования в сознании обучающихся (Макшанцева 2011, 2018). Учитывая сложившееся в гуманитаристике понимание концепта как уникального представления об универсальном смысле, отметим, что смыслообразующее для личности значение профессионально-педагогический концепт приобретает в том случае, когда он становится ее ментальной составляющей, когда он включается в структуру смысложизненных ориентаций человека. Профессионально-педагогические концепты являются динамичными образованиями сознания будущего учителя, они претерпевают изменение, уточнение, конкретизацию в процессе обучения. Такая переработка в сознании субъекта, согласно L. Barsalou, способствует их упрочению и закреплению в структуре личностных смыслов (Barsalou 1992).

Совокупность исходных профессионально-педагогических концептов целесообразно структурировать тремя составляющими: а) концепт «человек»; б) концепт «коммуникация»; в) концепт «культура». Эти концепты являются носителями универсального, общечеловеческого смысла, который определяет сущность и назначение деятельности учителя в обществе, а также обусловливает объективную / нормативную профессиональную позицию учителя иностранного языка как человека, организующего речевое общение и включенного в него; носителя, посредника и транслятора иноязычной культуры; коммуниканта. Овладение названными концептами обусловливает возможность становления собственной субъектной позиции, формирования смыслового отношения к профессиональной деятельности у студента — будущего учителя.

Формирование собственного, уникального образа исходных базовых профессиональных концептов у студентов происходит в процессе освоения (осмысливания) трансдисциплинарных идей, различно проявляющихся в разных науках (учебных дисциплинах), но имеющих безусловное значение для профессионального педагогического труда и подготовки к нему. Данные идеи выступают основой целостности учебного курса, транслирующего профессионально-педагогические концептуальные знания, отправной точкой субъектной интерпретации учебной информации в процессе подготовки и служат основанием для становления профессиональной концептосферы учителя на этапе подготовки в вузе. Выделение трансдисциплинарных идей как основы интеграции учебных курсов базируется на признании того факта, что высшее педагогическое образование призвано формировать высокий уровень профессионального сознания в контексте высокого общекультурного уровня личности специалиста, то есть формировать способность стратегически мыслить, видеть целостную картину профессионального труда во всем многообразии его элементов и связей, прогнозировать его эффективность и результативность как

в положительном, так и в негативном планах и на этой основе осуществлять ту или иную педагогическую стратегию — планирование, анализ и коррекцию профессиональной деятельности (системно моделировать ее). В качестве трансдисциплинарных идей выступают педагогически значимые идеи, способствующие преобразованию названных выше исходных концептов посредством их конкретизации, выявления связей, согласования с имеющимися представлениями и опытом и т. д. Трансдисциплинарные идеи позволяют осуществить переход от формального заучивания педагогической информации к современному пониманию и принятию ценностной сущности профессионального знания благодаря осмыслению взаимосвязи и бинарной оппозиции, возникающей при интерпретации этого знания (развитие — саморазвитие; управление — самоуправление; воздействие — взаимодействие; компонентность — целостность; взаимосвязь — взаимозависимость; целесообразность — стихийность и др.).

Общее направление формирования в сознании будущих педагогов субъективно осмысленных и принятых концептов строится согласно следующей логике, где указание на уровни обозначает движение к профессионально-личностному смыслу:

- уровень исходных концептов;
- уровень трансдисциплинарных идей;
- уровень концептосферы субъекта / учителя, характеризующийся преобразованием исходных концептов в результате интерпретации учебной информации, согласования их объективного (нормативного, социального) смысла с субъектным опытом, в том числе полученным в процессе профессиональной подготовки.

Такое движение имеет не линейную логику, а более сложную, диалектическую, связанную с моментами отрицания и нахождения соответствий с собственным опытом, познавательными и иными потребностями, с собственными смысложизненными ориентациями студентов: от исходных, обобщенных концептов, имеющих объективный профессионально-педагогический смысл, — к концептосфере субъекта, в которой исходные концепты присутствуют, но поднимаются на более высокий уровень: интерпретации, конкретизации, обобщения и принятия субъектом.

Упомянутые исходные концепты закономерны для содержания философского, культурологического, психологического, социологического, естественно-научного, педагогического и др. знания. Таким образом, принцип трансдисциплинарности позволяет осуществлять интеграцию учебных дисциплин на продуктивной концептной основе, где каждый учебный курс вносит свой вклад в становление профессионально-личностных смыслов. Развивающий потенциал трансдисциплинарного подхода в профессиональной подготовке

учителя иностранного языка заключается в создании у студентов целостной картины сущности человека, становления его личности в процессе культурного присвоения и многообразных коммуникаций.

Информационно-смысловой подход в ряду научно-педагогических условий реализует коммуникативный аспект профессиональной подготовки учителя (Дмитриева 2012). Для осуществления данного подхода в процессе подготовки учителя педагогическому обеспечению подлежат следующие элементы взаимодействия в образовательном процессе вуза: объект общения, способы общения для передачи информации и его функции в образовательном процессе.

Специфическим объектом общения выступает совместная деятельность, сотрудничество как системный объект, на который направлена активность участников образовательного процесса. Являясь сложным системным объектом общения, совместная деятельность включает в себя множество разнородных и разноуровневых компонентов: люди — участники прямого и опосредованного общения; предмет совместной деятельности, включающий профессиональную педагогическую деятельность (организованную в виде производственной практики) и профессионально-познавательную деятельность (организованную в виде классического учебного процесса); согласованные действия участников деятельности, направленные на данный предмет (учебные, коммуникативные, профессионально-практические, проектировочные и др.); продукты / результаты совместной деятельности — материальные и нематериальные / духовные достижения, приводящие к удовлетворению потребностей субъектов такой деятельности. В качестве результатов общения первоочередное значение имеет оформление в сознании студентов профессионально-педагогических концептов и их системы (концептосферы).

В плане передачи информации специфика педагогического общения предопределяется общими законами передачи и восприятия информации. Это предполагает учет следующих его характеристик: а) знаковой природы общения; б) специфики невербальных средств общения; в) каналов передачи информации. В педагогическом общении передается не мысль, а ее знаковое оформление: «Мысль не передается — передаются знаки. В голове воспринимающего появляется не переданная ему извне мысль, а своя собственная, но аналогичная (в случае взаимопонимания) мысли коммуниканта. Отсюда “передача мысли” (а следовательно, знания и информации) не более, как метафора! Мысль не передается буквально, она лишь резонансно возбуждается» (Блюменау 1982: 42–43). Умения перерабатывать и превращать информацию в знания (слушать, вчитываться в текст, понимать и перекодировать его) формируют личность человека познающего. И человека общающегося, поскольку общение выступает в процессе профессиональной подготовки основной формой организации познавательной деятельности. Одним из основных аспектов общения выступает его

знаковая природа, психосемантический аспект. Используя положения культурологии и структурной лингвистики, правомерно рассматривать знак как явление, способное, воспринимаясь органами чувств, передавать информацию, обладающее значением. Сочетание знаков в контексте общения способно порождать смысл. Это позволяет не ограничиваться признанием лишь информационности общения, а отметить его смыслообразующий потенциал, определив данный подход в образовательном процессе профессиональной подготовки как информационно-смысловой.

Основной знаковый механизм общения — язык, система знаковых единиц конкретного национального языка; система языка — это система правил, позволяющая использовать знаки в определенных взаимоотношениях для передачи смысла информации. Таким образом, знак, востребованный в коммуникативных целях, соотносится уже с единицами речи, так как речь — это язык в употреблении. В речи одни и те же языковые единицы могут быть «раскодированы» воспринимающим (реципиентом) различно — в зависимости от интонации, характера жестов, мимики коммуникатора и т. п. Это обусловлено тем, что восприятие слова-знака одновременно сопровождается восприятием знака невербальной системы.

Слово адресовано сознанию человека, его рационально-логической сфере, а невербальная информация — эмоционально-образной сфере, подсознанию (Никитина 2023). Поэтому ее влияние не всегда ясно осознается человеком, хотя оно может быть достаточно сильным. Умение декодировать невербальную информацию, владение социальной перцепцией — особое умение, профессионально значимое для учителя. Оно позволяет регулировать межличностные отношения через понимание эмоционального настроя класса и отдельного ученика, их отношения к учебной информации и предложенным формам работы. Согласно обоснованному положению Т. А. Ладыженской, в процессе общения невербальные средства могут замещать словесную информацию, дублировать ее, но гораздо чаще с их помощью возникает эффект дополнения смысла воспринятого (Ладыженская 1986).

Педагогическое общение полифункционально. Коммуникативная стратегия взаимодействия «преподаватель — студент» определяется преподавателем, управляющим организованным в вузе процессом познавательной деятельности, создающим атмосферу доброжелательного и активного общения. Это выраженная стратегия партнерства, кооперации: участники общения находятся как бы по одну сторону деятельности, их отношения опосредованы общей целью и общим участием в выполнении своих ролей. На это указывала Н. В. Кузьмина еще в 1987 г., отмечая, что коммуникативная стратегия в чем-то предопределяет функции педагогического общения, в чем-то обусловливается ими (Кузьмина 1987). Речевая форма реализации функций — диалог, в котором происходит

информационный контакт субъектов общения, каждый из которых обращается именно к этому партнеру, слушателю. Если в процессе общения обеспечена их равноценность, возможно возникновение со-размышления, со-творчества участников общения. Кроме того, в знаковую, вербальную или невербальную форму облекается формирующийся у субъектов профессионально-личностный смысл.

Учебный процесс в вузе носит совместный характер, студент включается не только в непосредственную коммуникацию (с преподавателями, студентами, практикующими учителями и др.), но также в опосредованную (посредством пособий, научных трудов и проч.) — с учеными, педагогами-исследователями и т. д., что позволяет расширять возможности коммуникации посредством введения понятия «полилог». В контексте смысловой парадигмы профессиональной подготовки учителя полилог расширяет возможности понимания профессионального труда, позволяет выйти в его «пространство». Владение иностранным языком позволяет еще более расширять профессиональный контекст, обогащать концептосферу учителя иностранного языка благодаря изучению мирового опыта профессионально-педагогической деятельности и расширению профессионального коммуникативного пространства. Режим полилога создает для студентов возможность поиска «множественных смыслов» в профессионально значимой коммуникации, а далее — в профессиональном труде.

Базовая функция, которая реализуется в информационно-смысловом подходе посредством педагогического общения, — коммуникативно-информационная. Ее составляющие: нормативная и актуализирующая функции. Последние подразумевают освоение студентами профессионального нормативного речевого и неречевого поведения в процессе общения, а также актуализацию субъектного коммуникативного потенциала студентов в практике общения, не противоречащего культурным и профессиональным нормам. Наряду с указанными в данном подходе осуществляются регулятивно-коммуникативная функция (организаторская), которая обеспечивает направление процесса общения, его организацию, коррекцию способов взаимодействия, и аффективно-коммуникативная, обеспечивающая формирование способности к эмпатии и ее профессионально целесообразному транслированию.

Реализация информационно-смыслового подхода предусматривает движение к высокому уровню информабельности студентов и развитию информационной потребности в профессиональных знаниях и в целом — в профессиональном общении. В русле смысловой парадигмы инфопотребность студентов понимается как субъективно обусловленная потребность в профессионально значимой информации, актуализированная личностным смыслом. Необходимо подчеркнуть, что информационный обмен в процессе профессиональной

подготовки, основанной на смысловой парадигме, связан со сложным взаимодействием внешних (педагогических) и внутренних (психологических и субъектно-личностных) его механизмов. Результатом информационного обмена является формирование в сознании студентов профессионально-педагогических концептов, что, в свою очередь, ведет к становлению профессионально-личностных смыслов, способствуя развитию профессионального сознания будущего учителя.

3.2. Организационно-педагогические условия

Организационно-педагогические условия обеспечивают практически-деятельностный характер профессиональной подготовки и представляют собой ее блочно-модульную организацию. Эти условия включают три основные блока: а) вводно-мотивационный, направленный на формирование личного педагогического идеала будущего учителя, на осознание себя автором собственной профессиональной биографии; б) ценностно-познавательный, ориентированный на развитие профессиональной идентичности и субъектности студентов — будущих учителей, на овладение способами вербализации собственной позиции, состояний и отношений, состояния других людей в результате изучения профессионально значимой информации; в) деятельностно-реконструктивный, направленный на овладение и осознание будущими учителями способов развития и саморазвития в педагогическом общении, на формирование профессионально значимых качеств личности, социально-перцептивных и коммуникативных способностей в процессе осуществления общения.

В рамках названых блоков рекомендуется реализация модульных элективных курсов деятельностного характера — тренингов общения, уверенного поведения, профессионально-личностного взаимодействия; практикумов позитивного разрешения конфликтов; развивающих учебных курсов по выбору, курсов по самодиагностике и формированию навыков самообразования и проч. Введение элективных курсов в учебный процесс определяется как социально значимой целью формирования профессионального сознания учителя, так и индивидуальными потребностями студентов в нахождении личностного смысла педагогической профессии.

3.3. Образовательно-педагогические условия

Главное назначение данной группы условий — обеспечить студентам выход в «пространство смыслов» в учебном процессе вуза. Для этого, наряду с традиционными методами решения данной задачи, в профессиональной подготовке рекомендуется применять герменевтические методы — методы понимания и интерпретации (Kron 1991; Славская 2005, позволяющие актуализировать субъектный опыт студентов, достигать полноценного осознания изучаемого материала, двигаться к формированию новых профессионально-личностных смыслов.

В эффективности данных методов убеждают научные положения герменевтики и социальной педагогики, а также утверждения того факта, что способность личности к интерпретации и пониманию представляет собой способность к созданию некоторых конструктов, концептов, аналитических построений на основе «определенного уровня обобщения и абстрагирования» (Сластенин, Шутенко 1995: 54).

Ориентация на герменевтические методы в профессиональной подготовке учителя находит конкретное выражение в содержании и организации обучения, которое преследует не предметно-дидактические цели, а цели выявления и формирования профессионально-личностных смыслов, действующих в сфере профессиональной педагогической деятельности. Опираясь на положения о продуктивности задачного подхода (Балл 1990; Коротаева 2007; Спирин 1997 и др.), предлагаем предусмотреть в образовательном процессе несколько групп задач / заданий, ориентированных на профессионально-личностное смыслообразование: а) задачи «на выявление смысла»; б) задачи «на нахождение смысла»; в) задачи «на объективацию смысла», отнесение его к «другому». Общая логика усложнения задач — от полной свободы мнения («В этом есть смысл?») к субъективно свободному суждению на основании профессионально-педагогических концептов («В чем состоит педагогический смысл…?»; «Насколько данная педагогическая ситуация согласуется с Вашими установками…убеждениями?»). Движению к формированию профессионально-личностных смыслов способствуют эвристические методы обучения: творческие задания, теоретические и практические исследования, проектные методы, требующие от студентов не воспроизведения информации, а ее преобразования в процессе осмысления и использования для решения профессионально значимых задач, как интеллектуальных, так и практико-ориентированных.

Преобразованию подлежат традиционные формы задач для контроля и оценки результатов профессиональной подготовки студентов. Сущность их изменения состоит в отказе от «формулировки воспроизведения» («Назовите принципы…»; «Дайте определение методам…» и т. п.) в пользу «формулировки рассуждения и доказательства» («Определите и поясните свою позицию относительно данного педагогического события…, подхода…, метода…, пособия…»; «Какая из известных систем воспитания Вам ближе? Объясните свою позицию» и т. п.). При работе с задачами студентов важно сориентировать на применение всех имеющихся ресурсов — интеллектуальных, практических, эмоциональных и др., побуждая полноценно включаться в образовательную деятельность.

Комплексное применение описанных условий ориентировано на формирование у студентов целостного результата подготовки — профессионально-смысловой готовности к деятельности учителя. Такую готовность правомерно

трактовать как целостное психическое явление, интегрирующее знания и умения, необходимые для выполнения конкретной деятельности (Буева 1997). Отнесение данного понятия к классу психических явлений позволяет актуализировать его смысловую составляющую и рассматривать как показатель эффективности образовательного процесса профессиональной подготовки педагогов. Готовность представляет собой состояние, при котором происходит актуализация всех возможностей личности и характеризуется определенным психическим состоянием, теми или иными качествами личности, положительным отношением к профессии в том числе (Коканова 2008; Собкин, Адамчук 2016). Наряду с понятийной и операциональной основами готовность включает ценностную основу в виде отношения личности к профессиональному труду.

Таким образом, предложенный комплекс педагогических условий модернизации профессиональной подготовки учителя отличает направленность на развитие всех подструктур профессионального сознания студентов — будущих учителей (когнитивной, аффективно-рефлексивной, поведенческой), что позволяет обеспечить формирование индивидуализированного многообразия профессионально значимых смысловых образований.

4. Заключение

Изучение научных источников по заявленной теме позволяет констатировать, что научный интерес к вопросам становления смысловой сферы личности активизировался в конце XX — начале XXI вв., благодаря чему сложилась значительная теоретическая база для дальнейших исследований в области проблем формирования профессиональной личности в образовании.

Установлено, что профессиональная подготовка в вузе представляет собой не только активизацию изолированных когнитивных функций и способностей студента, но, по сути, органическую часть его сознательной жизнедеятельности, являясь смыслообразующим фактором в процессе становления его профессиональной личности. В силу этого качество учения студента и его результаты определяются не только тем, что он знает и умеет, но в большей степени тем, в какой мере он стремится освоить учебный материал, почему и для чего он включается в познавательную деятельность, чем вызваны его познавательные усилия, каковы его предпочтения и ценностные установки. В профессиональной подготовке, таким образом, возможно актуализировать ее развивающий потенциал, обеспечивать включение профессионально значимой информации в ценностный базис профессиональной личности будущего учителя.

Образовательный процесс, построенный в русле смысловой парадигмы, отличает своя логика — субъектный опыт, отношение к профессиональному знанию и деятельности (а значит, и личностный смысл) сначала раскрывается,

а затем «согласовывается» с нормативным содержанием подготовки и корректируется благодаря такому согласованию. Таким образом, речь идет не о формировании личности с заранее заданными параметрами, а о создании педагогических условий для проявления и развития ее возможностей, движения к формированию профессиональной автономной личности учителя в образовательном процессе вуза.

Список литературы / References

Анцыферова Л. И. Системный подход к изучению функционирования и развития личности. Москва: Наука, 1982. [Ancyferova, Lyudmila I. (1982) *Sistemnyj podhod k izucheniyu funkcionirovaniya i razvitiya lichnosti* (A Systematic Approach to Studying Personality Functioning and Development). Moscow: Nauka. (In Russian)].

Асмолов А. Г. Кризис современной педагогики // Вузовская педагогика в информационном обществе: Материалы семинара профессорско-преподавательского состава и сотрудников РГГУ, 28–31 января 1998 г., Голицыно. Москва: РГГУ, 1998. С. 34–48. [Asmolov, Aleksandr G. (1998) Krizis sovremennoj pedagogiki (The Crisis of Modern Pedagogy). *Vuzovskaya pedagogika v informacionnom obshchestve: Materialy seminara professorsko-prepodavatel'skogo sostava i sotrudnikov RGGU, 28–31 yanvarya 1998, Golicyno* (University Pedagogy in the Information Society: Materials of the Seminar of the Faculty and Staff of the Russian State University of Higher Education, January 28–31, 1998, Golicyno) Moscow: RGGU, 34–48. (In Russian)].

Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. Москва: «Смысл», 2002. [Asmolov, Aleksandr G. (2002) *Po tu storonu soznaniya: metodologicheskie problemy neklassicheskoj psihologii* (Beyond Consciousness: Methodological Issues in Non-Classical Psychology). Moscow: «Smysl». (In Russian)].

Балл Г. А. Теория учебных задач: Психолого-педагогический аспект. Москва: Педагогика, 1990. [Ball, Georgij A. (1990) *Teoriya uchebnyh zadach: Psihologo-pedagogicheskij aspect* (The Theory of Educational Tasks: A Psychological and Pedagogical Aspect). Moscow: Pedagogika. (In Russian)].

Беликов В. А. Актуальность исследования педагогических условий решения проблем образования личности // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 6. С. 23–38. [Belikov, Vladimir A. (2018) Aktual'nost' issledovaniya pedagogicheskih uslovij resheniya problem obrazovaniya lichnosti (The Relevance of Studying Pedagogical Conditions for Solving Personal Education Problems). *Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 6, 23–38. (In Russian)].

Блюменау Д. И. Проблемы свертывания научной информации. Ленинград: ЛГУ, 1982. [Blyumenau, Dmitrij I. (1982) *Problemy svertyvaniya nauchnoj informacii* (Problems of Scientific Information Folding). Leningrad: LGU. (In Russian)].

Братусь Б. С. Смысловая вертикаль сознания личности // Вопросы философии. 1999. № 11. С. 81–89. [Bratus', Boris S. (1999) Smyslovaya vertikal' soznaniya lichnosti (The Semantic Vertical of an Individual's Consciousness). *Voprosy filosofii*, 11, 81–89. (In Russian)].

Буева Л. П. Человек, культура и образование в кризисном социуме // Вестник высшей школы. 1997. № 4. С. 21–28. [Bueva, Lyudmila P. (1997) Chelovek, kul'tura i obrazovanie

v krizisnom sociume (Human, Culture, and Education in a Crisis Society). *Vestnik Vysshej Shkoly*, 4, 21–28. (In Russian)].

Володин А. А., Бондаренко Н. Г. Анализ содержания понятия «организационно-педагогические условия» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 143–152. [Volodin, Aleksandr A., Bondarenko Natal'ya G. (2014) Analiz soderzhaniya ponyatiya «organizacionno-pedagogicheskie usloviya» (Analysis of the Concept of "Organizational and Pedagogical Conditions"). *Izvestiya Tula State University. Humanitarium Sciences*, 2, 143–152. (In Russian)].

Громыко Ю. В. Проектирование развития образования. Москва: Московская Академия развития образования, 1996. [Gromyko, Yurij V. (1996) *Proektirovanie razvitiya obrazovaniya* (Designing Educational Development). Moscow: Moskovskaya Akademiya razvitiya obrazovaniya. (In Russian)].

Гроф С. За пределами мозга. Москва: Издательство Трансперсонального института, 1993. [Grof, Stanislav. (1993) *Za predelami mozga* (Beyond the Brain). Moscow: Izdatel'stvo Transpersonal'nogo instituta. (In Russian)].

Дильтей В. Описательная психология. СПб: Издательство «Алетейя», 1996. [Dil'tej, Vil'gel'm. (1996) *Opisatel'naya psihologiya* (Descriptive Psychology). Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Aletejya». (In Russian)].

Дмитриева Е. Н. Философия сознания о смысловой основе когнитивной деятельности личности в обучении // Коммуникативно-когнитивный подход в реализации целей обучения иностранным языкам в школе и вузе. Нижний Новгород: НГЛУ, 2007. С. 22–32. [Dmitrieva, Elena N. (2007) Filosofiya soznaniya o smyslovoj osnove kognitivnoj deyatel'nosti lichnosti v obuchenii (The Philosophy of Consciousness on the Semantic Basis of an Individual's Cognitive Activity in Learning). In Shamov, Aleksandr N. (ed.) *Kommunikativno-kognitivnyj podhod v realizacii celej obucheniya inostrannym yazykam v shkole i vuze* (A Communicative-cognitive Approach to Achieving Foreign Language Learning Goals in Schools and Universities). Nizhniy Novgorod: NGLU, 22–32. (In Russian)].

Дмитриева Е. Н. Повышение качества профессиональной подготовки учителя на основе информационно-смыслового подхода: Монография. Нижний Новгород: НГЛУ, 2012. [Dmitrieva, Elena N. (2012) *Povyshenie kachestva professional'noj podgotovki uchitelya na osnove informacionno-smyslovogo podhoda: monografiya* (Improving the Quality of Teacher Training Based on an Information and Semantic Approach: Monograph). Nizhny Novgorod: NGLU. (In Russian)].

Зинченко В. П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36. [Zinchenko, Vladimir P. (1991) Miry soznaniya i struktura soznaniya (Worlds of Consciousness and the Structure of Consciousness). *Voprosy psihologii*, 2, 15–36. (In Russian)].

Коканова Р. А. Формирование готовности специалиста — будущего документоведа к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности // Человек и образование. 2008. № 4. С. 70–75. [Kokanova, Rauza A. (2008) Formirovanie gotovnosti specialista — budushchego dokumentoveda k ispol'zovaniyu informacionnyh tekhnologij v professional'noj deyatel'nosti (Forming the Readiness of a Future Document Specialist to use Information Technologies in their Professional Activities). *Man and Education*, 4, 70–75. (In Russian)].

Колесникова И. А. Педагогические цивилизации и их парадигмы // Педагогика. 1995. № 6. С. 84–89. [Kolesnikova, Irina A. (1995) Pedagogicheskie civilizacii i ih paradigmy (Pedagogical Civilizations and Their Paradigms). *Pedagogika*, 6, 84–89. (In Russian)].

Коротаева Е. В. Педагогические взаимодействия и технологии: Монография. Москва: Akademia, 2007. [Korotaeva, Evgeniya V. (2007) *Pedagogicheskie vzaimodejstviya i tekhnologii: monografiya* (Pedagogical Interactions and Technologies: Monograph). Moscow: Akademia. (In Russian)].

Кузьмина Н. В. Способности, одаренность, талант учителя. Ленинград: ЛГУ, 1987. [Kuz'mina, Nina V. (1987) *Sposobnosti, odarennost', talant uchitelya* (Teacher's Abilities, Gifts, and Talents). Leningrad: LGU. (In Russian)].

Кун Т. С. Структура научных революций. Москва: Прогресс, 1977. [Kun, Tomas S. (1977) *Struktura nauchnyh revolyucij* (The Structure of Scientific Revolutions). Moscow: Progress. (In Russian)].

Куприянов Б. В., Дынина С. А. Современные подходы к определению сущности категории «педагогические условия» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2001. № 2. С. 101–104. [Kupriyanov, Boris V., & Dynina, Svetlana A. (2001) Sovremennye podhody k opredeleniyu sushchnosti kategorii «pedagogicheskie usloviya» (Modern Approaches to Defining the Essence of the Category "Pedagogical Conditions"). *Vestnik of Kostroma State University*, 2, 101–104. (In Russian)].

Ладыженская Т. А. Живое слово: Устная речь как средство и предмет обучения. Москва: Просвещение, 1986. [Ladyzhenskaya, Taisa A. (1986) *Zhivoe slovo: Ustnaya rech' kak sredstvo i predmet obucheniya* (The Living Word: Oral Speech as a Means and Subject of Education). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].

Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности: Монография. Москва: «Смысл», 2019. [Leont'ev, Dmitrij A. (2019) *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti: monografiya* (Psychology of Meaning: Nature, Structure, and Dynamics of Meaningful Reality: Monograph). Moscow: «Smysl». (In Russian)].

Макшанцева Н. В. Моделирование процесса организации профессионально ориентированной подготовки будущих специалистов на основе концептуального подхода к описанию языка // Преподаватель XXI век. 2011. № 1. С. 141–145. [Makshantseva, Nataliya V. (2011) Modelirovanie processa organizacii professional'no orientirovannoj podgotovki budushchih specialistov na osnove konceptual'nogo podhoda k opisaniyu yazyka (Modeling the Process of Organizing Professional Training for Future Specialists Based on a Conceptual Approach to Language Description). *Prepodavatel' XXI vek*, 1, 141–145. (In Russian)].

Макшанцева Н. В. Теория и практика описания языковых единиц в вузовском образовании // Гуманизация образования. 2018. № 1. С. 17–23. [Makshantseva, Nataliya V. (2018) Teoriya i praktika opisaniya yazykovyh edinic v vuzovskom obrazovanii (Theory and Practice of Describing Language Units in Higher Education). Gumanization of education, 1, 17–23. (In Russian)].

Никитина Е. А. Освоение студентами понятийного аппарата педагогики как проблема современного высшего образования [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 6. URL: https://mir-nauki.com/PDF/95PDMN623.pdf (дата обращения: 25.06.2025). [Nikitina, Elena A. (2023) Osvoenie studentami ponyatijnogo apparata pedagogiki kak problema sovremennogo vysshego obrazovaniya (Students' Acquisition of the Conceptual Framework of Pedagogy as a Problem in Modern Higher Education). *World of Science. Pedagogy and Psychology*, Vol. 11, 6. Retrieved from https://mir-nauki.com/PDF/95PDMN623.pdf (2025, June 25). (In Russian)].

Прикот О. Г. Педагогика отождествления и педагогическая системология. СПб: TVP incorporated, 1995. [Prikot, Oleg G. (1995) *Pedagogika otozhdestvleniya i pedagogicheskaya sistemologiya* (Pedagogy of Identification and Pedagogical Systemology). Saint Petersburg: TVP incorporated. (In Russian)].

Приоритетные направления развития педагогических и психологических исследований. Москва: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004. [*Prioritetnye napravleniya razvitiya pedagogicheskih i psihologicheskih issledovanij*. (2004) (Priority Areas for the Development of Pedagogical and Psychological Research). Moscow: Moskovskij psihologo-social'nyj institut; Voronezh: Izdatel'ctvo NPO «MODEK». (In Russian)].

Славская А. Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна: «Феникс+», 2005. [Slavskaya, Aleksandra N. (2005) *Lichnost' kak sub"ekt interpretacii* (Personality As a Subject of Interpretation). Dubna: «Feniks+». (In Russian)].

Сластенин В. А., Шутенко А. И. Профессиональное самосознание учителя // Magister. 1995. № 3. С. 52–58. [Slastenin, Vitalij A., Shutenko, Andrej I. (1995) Professional'noe samosoznanie uchitelya (Professional Self-awareness of the Teacher). *Magister*, 3, 52–58. (In Russian)].

Собкин В. С., Адамчук Д. В. Современный учитель: жизненные и профессиональные ориентации. Москва: Издательство «ИУО РАО», 2016. [Sobkin, Vladimir S., & Adamchuk, Dmitrij V. (2016) *Sovremennyj uchitel': zhiznennye i professional'nye orientacii* (Modern Teacher: Life and Professional Orientations). Moscow: Izdatel'stvo IUO RAO. (In Russian)].

Спирин Л. Ф. Теория и технология решения педагогических задач: развивающее профессионально-педагогическое обучение и самообразование. Москва: Российское педагогическое агентство, 1997. [Spirin, Lev F. (1997) *Teoriya i tekhnologiya resheniya pedagogicheskih zadach: razvivayushchee professional'no-pedagogicheskoe obuchenie i samoobrazovanie* (Theory and Technology of Solving Pedagogical Problems: Developing Professional Pedagogical Training and Self-Education). Moscow: Rossijskoe pedagogicheskoe agentstvo. (In Russian)].

Субетто А. И., Шанти М., Лукоянов В. В. Историческое призвание науки, культуры, искусства и образования в XXI веке — ноосферная революция в мировоззрении, ценностях и разуме человека и преобразования основ его бытия на Земле: научный доклад на XVII Всемирном Научном Конгрессе. СПб.: «Астерион», 2023. [Subetto, Aleksandr I., Shanti, Mahatma, Lukoyanov, Valerij V. (2023) *Istoricheskoe prizvanie nauki, kul'tury, iskusstva i obrazovaniya v XXI veke — noosfernaya revolyuciya v mirovozzrenii, cennostyah i razume cheloveka i preobrazovaniya osnov ego bytiya na Zemle: nauchnyj doklad na XVII Vsemirnom Nauchnom Kongresse* (The Historical Mission of Science, Culture, Art, and Education in the 21st Century is the Noosphere Revolution in Human Worldview, Values, and Reason, and the Transformation of the Foundations of Human Existence on Earth: a Scientific Report at the 17th World Scientific Congress). Saint Petersburg: «Asterion». (In Russian)].

Фельдштейн Д. И. Психология становления личности. Москва: Междунар. пед. академия, 1994. [Fel'dshtejn, David I. (1994) *Psihologiya stanovleniya lichnosti* (Psychology of Personality Formation). Moscow: Mezhdunar. ped. akademiya. (In Russian)].

Франкл В. Э. Человек в поисках смысла / Общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. Москва: Прогресс, 1990. [Frankl, Viktor E. (1990) Gozman, Leonid A.& Leont'ev, Dmitrij A.

(eds.) *Chelovek v poiskah smysla* (A Man in Search of Meaning). Moscow: Progress. (In Russian)].

Barsalou, Lawrence W. (1992) Frames, Concepts and Conceptual Fields. In Lehrer, Adrienne, & Kittay, Eva F. (eds.) *Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantic and Lexical Organization*. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 21–74.

Kron, Friedrich W. (1991) *Grundwissen Padagogik*. München; Basel: Reinhardt. (In German).

Wong, Paul T. P. (1997) Charting the Course of Research on Meaning Seeking. *International Network on Personal Meaning*. Retrieved from https://www.meaning.ca/archives/archive/art_meaning-seeking_P_Wong.htm (2025, July 14).

УДК 372.881.1
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-154-167

COMMUNICATIVE LANGUAGE TEACHING IN THE MIDDLE EAST: PRACTICES AND CHALLENGES

Arkhawan Fattah Audil [1], Hema Rosheny Mustafa [1], Sofi Hama Ali Hussen Hama Ameen [2]

[1] University Teknologi Malaysia, Johor Bahru, Malaysia
[2] Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Communicative Language Teaching has become a well-known approach worldwide for its emphasis on building communicative skills, thus shifting from conventional approaches that prioritize grammar and memorization. Nonetheless, the Middle East, due to its cultural, educational, and linguistic characteristics, faces distinct obstacles and advantages when incorporating Communicative Language Teaching. This article explores the implementation and challenges of Communicative Language Teaching in the Middle East, providing a historical background on language instruction in the area and contrasting the Communicative Approach with traditional approaches like the Grammar Translation Method. The article examines case studies from different Middle Eastern nations to emphasize the achievements and challenges of incorporating Communicative Language Teaching. It focuses on balancing the student-centered, interactive nature of Communicative Language Teaching with the traditional teacher-centered methods common in the region. Moreover, the article delves into the importance of teacher education, ongoing training, and incorporating new methods and technologies to improve Communicative Language Teaching realization. The results highlight the importance of creating customized approaches that target the unique obstacles in the Middle Eastern environment, such as the significance of establishing thorough evaluation frameworks that are in line with Communicative Language Teaching principles. The article recommends a number of promising emerging paths for Communicative Language Teaching in the area, stressing the significance of adjusting the method for diverse cultures and languages, tackling economic and social inequalities, and utilizing technologies of improving communication skills.

Key words: communicative language teaching; the Middle East; teaching methods; grammar translation method; teacher training.

Citation: Arkhawan, Fattah Audil, Hema, Rosheny Mustafa, & Sofi, Hama Ali Hussen Hama Ameen. (2025) Communicative Language Teaching in the Middle East: Practices and Challenges. *LUNN Bulletin*, 3 (71), 154–167. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-154-167.

Коммуникативное обучение иностранным языкам на Ближнем Востоке: практика и проблемы

Архаван Фаттах Аудил [1], Хема Рошени Мустафа [1], Софи Хама Али Хуссен Хама Амин [2]

[1] Университет технологий Малайзии, Джохор-Бару, Малайзия
[2] Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Коммуникативный метод в преподавании иностранных языков широко применяется во всем мире в связи с трендом на развитие коммуникативных навыков, в отличие от традиционного подхода, где приоритет отдается грамматике и запоминанию. Тем не менее Ближний Восток, в силу своих культурных, образовательных и языковых особенностей, сталкивается со специфическими препятствиями при внедрении коммуникативного метода обучения иностранному языку. В этой статье рассматриваются проблемы, связанные с внедрением коммуникативного метода обучения языку на Ближнем Востоке. Дается историческая справка о системе обучения иностранным языкам в этом регионе, коммуникативный метод сравнивается с традиционными подходами, поскольку они по-прежнему широко здесь применяются при обучении языкам. Предлагается выработать баланс между интерактивной природой коммуникативного обучения, ориентированного на студента, и аналитическими традиционными методами, ориентированными на учителя. Кроме того, в статье рассматривается вопрос подготовки педагога, его непрерывном обучении и внедрении в его педагогическую практику новых технологий. Иными словами, ставится вопрос о комплексе средств, которые могут облегчить внедрение коммуникативного метода в процесс обучения иностранным языкам на Ближнем Востоке. Подчеркивая важность адаптации коммуникативного метода к различным культурам и языкам, авторы статьи акцентируют внимание на необходимости учета не только лингвокультурологических факторов, но и социальных, таких как экономическое и социальное неравенство, доступ к образовательным ресурсам, социальная регламентированность принципов и правил общения.

Ключевые слова: коммуникативный метод преподавания иностранных языков; Ближний Восток; методы обучения; грамматико-переводной метод; непрерывное образование учителей.
Цитирование: Архаван Фаттах Аудил, Хема Рошени Мустафа, Софи Хама Али Хуссен Хама Амин. Коммуникативное обучение языку на Ближнем Востоке: практика и проблемы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 3 (71). С. 154–167. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-154-167.

1. Introduction

Communicative Approach or the Communicative Language Teaching (CLT) has become the most common approach in teaching of English in the 21st century. Its focus is on building communicative skills of the learners to help them successfully use the language for real-life situations. Yet, applying CLT in the Middle East encounters distinct hindrances influenced by the cultural, educational, and linguistic settings of the region.

In the Middle East, conventional language instruction techniques like the Grammar Translation Method (GTM) have been dominant for a long time, emphasizing the memorization of grammar rules and vocabulary (Jafari, Shokrpour & Guetterman 2015). However, at the beginning of the 21 century there has been a growing acceptance of the importance of a more interactive and applied method of teaching languages in both public and private schools across the region, leading to a move towards implementing Communicative Language Teaching (CLT) (Zughoul 2003). Even with this change, the transition has not been smooth. Educators frequently face major challenges such as reluctance to change, restricted resources, and the widespread impact of exam-focused educational systems (Saba 2013).

This article delves into the ways and obstacles involved in applying CLT in the Middle East. It gives a summary of the historical background of language instruction in the area, analyzes examples of CLT application in different Middle Eastern nations, and talks about the continuous attempts to blend traditional teaching methods with the communication needs of contemporary societies. This review article aims to examine the implementation of this approach in teaching the English language in the Middle East and provide insights on the future of English language teaching in the region.

2. Material and Methods

Communicative Language Teaching transformed language teaching methodology in the region only on the verge of the 21th century. It emphasized moving away from grammar and memorization to prioritize meaningful communication and interaction. According to CLT, the main goal of language teaching is to enhance students' ability to communicate effectively and appropriately in authentic contexts. This approach is based on a number of important concepts and principles that sets bases for its use in language classrooms worldwide. The key principles are:

1) Communicative Competence

Communicative language teaching focuses on improving language skills through communication in authentic situations. This teaching method offers real chances for learning that go beyond simply repeating and memorizing grammar patterns on their own. An important idea in the communicative approach to language teaching is the concept of communicative competence: the skill of using language effectively to communicate in real-life environments, not just in simulated situations. According to Canale & Swain (1980), communicative competence covers four spheres that are grammatical, sociolinguistic, discourse, and strategic competencies necessary for successful communication.

2) Learner-Centered Instruction

CLT focuses on making learners the focal point of the learning journey, stressing the importance of engaging in active participation and interaction. Instead of just

absorbing information, students participate in purposeful tasks that involve using language to communicate. The teacher's job changes to being a supporter or guide who helps learners improve their language skills through interaction, exploration, and discovery instead of just giving out information (Nunan 1991).

3) Task-Based Learning

Richards and Rodgers (2014) indicate that task-based learning focuses on communication through completing tasks. Students engage in tasks they are interested in, using only the target language and its elements. For example, in a unit on recycling, students complete various tasks leading to a presentation using authentic language and tools like the Internet. Activities such as role-plays and problem-solving tasks give the learners chances to practice the language in real life situations. Thus, the focus is on the use of correct language but rather on the task outcome and fluency (Ellis 2003).

4) Use of Authentic Materials

The CLT approach emphasizes the use of authentic materials in the teaching and learning of language. These authentic materials can be taken from any source of materials such as texts, news scripts, podcasts, pictures, novels, songs, or TV programs. Teachers have the opportunity to develop dynamic and interesting lesson material using real-world content, personalized to meet the needs of their students (Richards 2006).

5) Integration of Language Skills

CLT focuses on combining the four language skills (listening, speaking, reading, and writing) instead of teaching them separately. In actual communication, these abilities are usually applied simultaneously, thus CLT promotes tasks that demonstrate this interconnection. One task could include listening to a conversation, talking about it, reading a related text, and writing a response to utilize all four skills effectively (Richards 2006).

6) Focus on Meaning and Interaction

The main idea of CLT is that the main purpose of language is to communicate. Hence, the method emphasizes the importance of language meaning and usage rather than memorizing grammar rules. Although accuracy remains crucial, the emphasis is now on fluency and effectively conveying meaning. In this process, interaction is essential as it allows learners to practice language in social situations, clarify meanings, and get feedback (Littlewood 1981).

7) Emphasis on Learner Autonomy

CLT encourages learners to assume responsibility for their own learning, fostering independence and self-initiated learning. Through participating in communicative tasks, students acquire the abilities and self-assurance required to pursue independent learning further. This principle supports the overall educational objective of

equipping students to apply language in real-world scenarios outside of school (Benson 2001).

The main principles that underpin CLT are communicative competence, learner-centered instruction, task-based learning, use of authentic materials, integration of language skills, focus on meaning and interaction, and learner autonomy. The principles promote a shift from the traditional methods of teacher-centered teaching to a more student-centered practices that supports interaction and develop communication skills of the language learners.

3. Results and Discussions

3.1. Historical Overview of Language Teaching in the Middle East

Language teaching in the Middle East has been influenced by a variety of cultural, religious, and political factors throughout history. English has become a central focus in education throughout the region as a result of globalization and the requirement for communication in global settings. Nevertheless, the application of contemporary language teaching approaches, like Communicative Language Teaching (CLT), shows significant differences among Middle Eastern nations.

In the Middle East, language teaching commonly utilized the Grammar Translation Method, which prioritized memorizing vocabulary and grammar with minimal emphasis on speaking (Al-Issa & Al-Bulushi 2012). This method, although successful for certain individuals, frequently resulted in the fact that students who excelled in reading and writing were unable to communicate in everyday circumstances.

In the past few years, there has been a slow change towards a deeper adaptation of CLT, especially in such countries as the United Arab Emirates (UAE), Oman, and Saudi Arabia, where changes in education aim to match language instruction with global norms (Elyas & Picard 2012). Despite attempts, the integration of communicative approaches like CLT has encountered obstacles, like opposition from educators used to traditional methods and the continued presence of exam-centered education systems prioritizing grammar correctness over communication skills (Alharbi 2022).

However, there are areas of improvement, especially in private schools and urban regions where resources are more plentiful and educators have greater opportunities for professional growth. These establishments are more apt to implement CLT, leading to enhanced language results for students. Nevertheless, discrepancies persist, especially among urban and rural schools, and public and private educational institutions.

In general, although there have been considerable advancements in updating language instruction in the Middle East, the area still struggles to find a balance between traditional teaching methods and the needs of a globalized society.

3.2. Challenges and Results in Adopting CLT across the Middle East: Case Studies

The adoption of Communicative Language Teaching (CLT) in Middle Eastern nations has been faced with a mix of obstacles and levels of achievement. This section delves into the experiences of various countries in the area, focusing on the specific challenges and successes linked to adopting CLT.

In Saudi Arabia, CLT was implemented as a component of a wider educational restructuring focused on enhancing English language skills. Nevertheless, Alharbi (2022) highlights that the adoption of CLT has faced difficulties because of the nation's emphasis on exams, favoring memorization and grammar correctness rather than communication skills. Educators frequently struggle to harmonize the student-centered, interactive approach of CLT with the teacher-centered techniques that are prevalent in Saudi classrooms. The disparity between CLT principles in educational materials and their actual implementation frequently causes teachers to fall back on traditional methods such as the Grammar Translation Method (GTM), which hinders the objectives of CLT.

The Ministry of Education in Oman has actively worked to encourage CLT in the English language program, stressing the significance of effective communication skills for international involvement. Nevertheless, the same obstacles are still present such as teachers lacking English proficiency and a strong emphasis on exam results, as pointed out by Al-Issa and Al-Bulushi (2012). Although private schools equipped with superior resources and teacher training have experienced greater success in adopting CLT, the overall effect has been inconsistent.

Iran has shown a combination of opposition and adjustment in dealing with CLT. Sadeghi and Richards (Sadeghi & Richards 2016) note that despite being supported in official documents, the practical application of CLT principles commonly fails as a result of the focus on traditional beliefs and the centralized educational system. Iranian teachers often modify CLT strategies to match local cultural norms, creating a blend of communicative activities and conventional methods. This compromise enables some improvement in communicative skills but does not fully achieve the potential of CLT.

In the UAE, CLT has been integrated into a wider educational reform plan. Major funds have been allocated towards educator coaching and content creation, especially within the private education sector. Nevertheless, it is observed (Troudi 2005) that the results vary, with private schools typically outperforming public schools. Uneven implementation of CLT persists in the UAE due to differences in teacher qualifications, class sizes, and availability of resources, despite the country's ongoing commitment to prioritizing CLT in its educational strategy.

Jordan has also encountered difficulties when it comes to putting CLT into practice, especially because of the contrasts between urban and rural educational environments. According to Faruk (2014), urban schools in Oman are advancing in implementing CLT, whereas rural schools face challenges due to insufficient teacher training and resistance to moving away from traditional teaching methods. As a result, students living in rural areas are more inclined to receive a grammar-centered education rather than the communicative approach promoted by CLT.

In Iraq, the adoption of CLT has faced challenges due to the intricate sociopolitical setting and the enduring focus on conventional teaching approaches (Al-Issa & Al-Bulushi 2012). Many schools are currently lacking the resources needed to implement contemporary teaching methods due to post-conflict issues. Despite attempts to implement CLT in cities, the Grammar Translation Method remains the primary teaching approach in public schools. The main reasons for this are the lack of thorough teacher training and the continued use of high-pressure exams that prioritize grammatical correctness over communication abilities.

In general, the situation in these Middle Eastern nations demonstrates notable difficulties of applying CLT in their specific settings, and this is distinctly different from the original Western situation. Although the potential advantages of CLT are well-known, actual implementation is impeded by certain obstacles, such as lack of resources, inadequate teacher training, and cultural opposition. The successful adoption of CLT in the region often correspond to the factors that are opposite to the challenges listed here, namely: resource availability, teacher training, and educators' willingness to accept new teaching methods. The lessons learned from case studies in Middle Eastern countries reforming their educational systems will play a crucial role in guiding future efforts to enhance English language teaching through CLT.

3.3. Teachers' Training and Professional Development for CLT Practitioner

Successful adoption of Communicative Language Teaching (CLT) in the Middle East depends on thorough professional development and training specifically designed for the region's distinctive educational context. CLT necessitates educators to shift from conventional, teacher-focused methods to student-centered, interactive approaches. This change requires a thorough comprehension of the underlying principles of CLT, including communicative competence and the incorporation of language abilities. In several Middle Eastern nations, where traditional approaches such as the Grammar Translation Method (GTM) have been prominent for a long time, professional development initiatives need to emphasize enhancing teachers' comprehension of these fundamental principles and the importance of communicative methodologies (Richards & Rodgers 2014).

Hands-on experience is just as crucial, especially in Middle Eastern countries where teachers frequently deal with overcrowded classrooms, limited materials, and the demands of test-driven teaching methods. Teachers must have workable tactics

to incorporate CLT within these limitations. Professional growth should involve interactive workshops, peer evaluations, and chances for educators to practice creating and carrying out communicative activities with real materials. Training programs need to consider how to modify CLT to fit local circumstances in the face of unique challenges in the region, like cultural norms and inflexible curricula. This could mean developing strategies that blend traditional techniques with the gradual integration of communicative tasks (Littlewood 2014).

Continuous professional development is of utmost importance in the Middle East, given the constant changes in language education and the necessity for ongoing adjustment. Educators should be motivated to join professional learning groups, go to conferences, and take part in mentorship initiatives. These chances enable teachers to exchange top strategies, talk about region-specific challenges, and stay informed about the most recent advancements in CLT. Ongoing professional development is crucial to help teachers in Middle Eastern nations successfully apply CLT and address their students' communication needs (Freeman & Johnson 1998; Harmer 2007).

In conclusion, training for CLT professionals in the Middle East should be thorough and tailored to their specific contexts. The focus should be on both the theoretical and practical sides of CLT, offering solutions for regional obstacles and encouraging ongoing education. Professional development is crucial in effectively incorporating CLT into Middle Eastern classrooms by providing teachers with the required skills and knowledge.

3.4. Assessment and Evaluation in CLT: The Middle Eastern Context

In the Middle East, the adoption of Communicative Language Teaching (CLT) has faced substantial obstacles, especially regarding assessment and evaluation. In the past, assessment methods in the area have focused on memorization and accurately replicating grammar rules, mirroring the test-driven aspect of numerous education systems. This conventional emphasis is very different from the principles of CLT, which highlight the importance of acquiring communication skills and effectively using language in everyday scenarios.

In the Middle East, a significant obstacle is the lack of utilization of formative assessment, which is vital for promoting the communicative approach. Relying heavily on summative exams limits opportunities for the continuous, feedback-focused methods present in formative assessment. Teachers may find it difficult to include activities like role play, discussions, and task-based learning, which enhance communication skills, due to the pressure of ensuring that students excel in standardized tests. Furthermore, professional development opportunities, which specifically target formative assessment techniques, crucial for successful CLT implementation, are frequently lacking.

Incorporating genuine evaluation, an essential element of CLT, also brings difficulties in the Middle East. Conventional education systems in the area usually do

not endorse assessments that accurately reflect real-life language use, like oral presentations, interviews, and collaborative projects. Many view these techniques as supplementary rather than core components of evaluating, resulting in a continued focus on written tests that evaluate grammar and vocabulary separately. Additionally, teachers often do not have the necessary resources and training to create and carry out genuine, real-life tasks, which makes transitioning to more communicative assessment methods challenging.

Self-evaluation and evaluation by peers, essential for promoting learner independence in CLT, are also not fully used in the Middle East. The underusage is influenced by cultural aspects and traditional classroom structures where the teacher is usually seen as the main authority on student development. Students might also not have the required training and self-assurance to confidently participate in self-evaluation or peer evaluation, which hinders their ability to enhance critical thinking and independent learning skills.

To sum up, the implementation of CLT in the Middle East encounters significant challenges, specifically in regards to assessment and evaluation. The region's typical focus on final exams clashes with the communicative, process-based approach of CLT. In order to overcome these difficulties, there must be a change in educational focus, as well as an increased focus on teacher training and a wider acceptance of assessment methods that support communication goals.

3.5. Innovative Approaches and Technologies in CLT

In the Middle East the integration of innovative approaches and technologies into Communicative Language Teaching (CLT) has led to substantial progress, showing promising prospects for improving language learning. As educators in the area aim to enhance language learning results, they are more and more utilizing these tools and techniques to establish livelier, more captivating, and efficient communicative learning settings. Yet, despite the fact that technology can make the teaching-learning process much easier, for many countries it has remained a challenge as their schools do not have access to such recourses and technologies.

Blended learning which is a combination of traditional classroom teaching and online learning has recently gained popularity in countries such as Saudi Arabia and the UAE. This method enables students to practice their language skills via digital platforms while also receiving in-person instruction. Platforms such as Moodle and Google Classroom are more and more frequently utilized to complement classroom tasks with online activities, conversations, and evaluations, thus improving students' ability to communicate effectively (Jeffrey et al. 2014).

Task-Based Language Teaching (TBLT) is another method that complements CLT and has been used in creative ways in the Middle East. Virtual reality (VR) and simulation software are applied in Qatar and the UAE to involve students in real-life

situations, like engaging with tourists or managing business deals. These technologies offer practical, real-life opportunities for the use of language beyond typical classroom contexts.

The use of Mobile-Assisted Language Learning (MALL) has grown as smartphones and tablets have become more widely used in the region. Apps such as WhatsApp and Edmodo in nations like Jordan and Oman enable instant communication, peer assessment, and cooperative learning beyond the traditional classroom. MALL provides flexibility and convenience, allowing language learning to be accessed at any time and place, which is especially advantageous in areas where traditional classrooms are not readily available (Alsaleem 2013).

The Middle East is also witnessing an increase in the popularity of gamification, as educational institutions in Egypt and Kuwait are integrating gamified language learning apps like Duolingo and Memrise into their courses. These platforms incorporate gaming elements to establish a competitive yet fun learning space that motivates students to practice and enhance their communication skills in a stress-free environment.

Incorporating Artificial Intelligence (AI) and adaptive learning technologies into CLT has recently became common in the region. AI-driven platforms such as Lingvist and Busuu are employed in Saudi Arabia and the UAE for offering individualized learning experiences that cater to the unique requirements of every student. These technologies use personal performance data to provide tailored exercises and feedback, ensuring that learners are consistently challenged at a suitable level of difficulty (Alqaed 2024).

Nevertheless, even with all these signs of progress, restricted availability of technology continues to be a major obstacle in numerous areas of the Middle East. Students and teachers in places like Yemen, Iraq, and Syria, as well as rural parts of Jordan and Egypt, frequently do not have the required equipment, like computers and dependable Internet access, needed to use these digital resources effectively. The digital gap prevents the extensive use of blended learning, MALL, and other technology-enhanced methods in CLT, exacerbating existing educational disparities. Addressing these infrastructure obstacles is essential to guarantee that every student in the area can benefit from advancements in language teaching technologies (World Bank 2020; United Nations 2021).

Simply put, creative methods and technologies are vital in reshaping Communicative Language Teaching in the Middle East. Incorporating these learning opportunities into the CLT framework can help teachers experience a more effective and engaging language teaching practices. Yet, to fully make use of this technology, it is necessary to tackle the obstacles that hinder access to the relevant recourses. Taking advantage of these innovations can improve language skills of the students in Middle Eastern countries.

4. Conclusions

As CLT evolves in response to global educational trends and learner needs, we can see a number of key areas crucial for its future development. These emerging goals are intended to address the challenges in applying CLT in the Middle East, while also taking advantage of new possibilities and opportunities for improving language teaching methods.

1) Developing CLT in Multicultural and Multilingual Environments

Future directions for CLT involve adapting and expanding it in multilingual and multicultural contexts. As classrooms become more diverse, traditional CLT approaches designed for monolingual learners may not fully address the complexities of multilingualism. Future research should focus on developing CLT models that incorporate translanguaging practices, where students use their full linguistic repertoire to engage in communication. This approach validates students' native languages and leverages them as resources for learning English, creating a more inclusive learning environment (García & Wei 2014).

2) Addressing Socioeconomic Disparities in CLT Implementation

Socioeconomic differences make it difficult to apply CLT, particularly in places with limited resources. Large class sizes, a shortage of teaching materials, and insufficient teacher preparation are typical obstacles. Cost-effective options, like the use of community language programs and mobile technology are required to improve CLT in contexts with limited resources. In order to provide fair access to high-quality language instruction and to encourage broader and more effective CLT implementation, policy advocacy is needed (Or 2016).

3) Enhancing Teacher Professional Development and Support

For CLT to be implemented successfully, teachers' attitudes, practices, and beliefs are essential. Some teachers continue to use traditional methods despite the growing popularity of communicative approaches because they lack confidence or expertise in CLT. Future expansion of CLT should prioritize comprehensive professional development programs that offer initial training and ongoing support through communities of practice, mentoring, and reflective practice. According to Borg (2011), these programs must equip teachers with practical strategies for integrating CLT into their classrooms and addressing implementation challenges.

4) Integrating Technology to Enhance Communicative Competence

Integrating technology in CLT offers promising avenues for future development. Language learning apps, online platforms, and virtual reality environments provide authentic, interactive practice opportunities for students. Research should explore effective integration of these technologies to enhance communicative competence. Blended learning models and AI for personalized feedback can be valuable. As technology advances, its role in CLT will likely become crucial (Richards 2015).

5) Developing Comprehensive Assessment Frameworks

Assessment in CLT traditionally focuses on tasks testing real-life language use. However, there's a need for more comprehensive frameworks measuring both communication skills and linguistic accuracy. Future CLT should develop tools that would balance these aspects for a more holistic view of language abilities. Research should also explore adapting traditional assessment methods to align with CLT principles, assessing both language knowledge and effective communication skills (Bachman & Palmer 1996).

The future of Communicative Language Teaching depends on its flexibility to meet learner needs and educational changes. Emphasizing multilingualism, addressing socioeconomic gaps, supporting teachers, incorporating technology, and creating thorough assessments will help CLT remain effective in preparing students for real-life communication. Research and practice will ensure CLT's continued relevance in language education.

Introducing Communicative Language Teaching (CLT) in the Middle East encounters various obstacles, such as the area's dependence on conventional teaching approaches and an educational system that prioritizes exams. In spite of these challenges, there are positive advancements, especially in urban and private educational environments, where resources and training for educators are easier to obtain. The incorporation of technology in CLT methods is also starting to demonstrate promising possibilities. Language learning apps, virtual reality, and online platforms provide students with additional interactive and engaging opportunities to enhance language skills, complementing traditional classroom methods with practical communication experiences. Nonetheless, in order to fully enjoy the advantages of these technological achievements, there need to be more extensive initiatives to close the digital gap, guaranteeing that every student has access to essential digital tools and resources.

Evaluation methods must also change in order to better align with the objectives of CLT. Conventional evaluation techniques in the Middle East frequently prioritize grammar and memorization through repetition, potentially detracting from the communicative aspect of CLT. In the future, it is important to create more comprehensive assessment frameworks that both evaluate linguistic accuracy and measure communicative competence. This involves using formative assessments like peer reviews, self-assessments, and performance tasks to gain a deeper understanding of students' language skills in practical situations. By adopting these advancements in technology and assessment, educators in the Middle East can improve their teaching methods to better connect with the principles of CLT, ultimately boosting language learning achievements for students in the area.

References

Alharbi, Ahmed O. R. (2022) *Recontextualising Communicative Language Teaching in Saudi Arabia* (PhD Thesis in Education). Glasgow: University of Glasgow. Retrieved from: http://theses.gla.ac.uk/82747/ (18.05.2024, May 18).

Al-Issa, Ali S. M., & Al-Bulushi, Ali H. (2012) English Language Teaching Reform in Sultanate of Oman: The Case of Theory and Practice Disparity. *Educational Research for Policy and Practice*, 11 (2), 141–176.

Alqaed, Mai. (2024) AI in English Language Learning: Saudi Learners' Perspectives and Usage. *Advanced Education*, 12 (25), 125–142. DOI: 10.20535/2410-8286.318972.

Alsaleem, Basma I. A. (2013) The Effect of "WhatsApp" Electronic Dialogue Journaling on Improving Writing Vocabulary Word Choice and Voice of EFL Undergraduate Saudi Students. *Arab World English Journal*, 4 (3), 213–225.

Bachman, Lyle F., & Palmer, Adrian S. (1996) *Language Testing in Practice: Designing and Developing Useful Language Tests*. Oxford: Oxford University Press.

Benson, Phil. (2001) *Teaching and Researching Autonomy in Language Learning*. London: Longman.

Borg, S. (2011) Teacher Beliefs and Educational Research: Mapping the Territory. *Educational Psychology Review*, 13 (1), 19–33.

Canale, Michael, & Swain, Merrill. (1980) Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing. *Applied Linguistics*, 1 (1), 1–47.

Education During COVID-19 and Beyond: Ensuring Effective Learning Continuity. (2021) United Nations Publishing.

Ellis, Rod. (2003) *Task-Based Language Learning and Teaching*. Oxford: Oxford University Press.

Elyas, Tariq, & Picard, Michel. (2012) Teaching and Moral Tradition in Saudi Arabia: A Paradigm of Struggle or Pathway Towards Globalization? *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 47, 2012, 1083–1086. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.06.782.

Faruk, Syed M. G. (2014) Saudis' Attitude Towards English: Trend and Rationale. *Professional Communication and Translation Studies*, 7, 173–180.

Freeman, Donald, & Johnson, Karen E. (1998) Reconceptualizing the Knowledge-Base of Language Teacher Education. *TESOL Quarterly*, 32(3), 397–417.

García, Ofelia, & Wei, Li. (2014) *Translanguaging: Language, Bilingualism and Education*. London: Palgrave Macmillan.

Harmer, Jeremy. (2007) *The Practice of English Language Teaching* (4th ed.). Harlow: Pearson, Longman.

Jafari, Seyed M., Shokrpour, Nasrin, & Guetterman, Tim. (2015) A Mixed Methods Study of Teachers Perceptions of Communicative Language Teaching in Iranian High Schools. *Theory and Practice in Language Studies*, Vol. 5, 4, 707–718. DOI: http://dx.doi.org/10.17507/tpls.0504.06.

Jeffrey, Lynn M., Milne, John, Suddaby, Gordon, & Higgins, Andrew. (2014) Blended Learning: How Teachers Balance the Blend of Online and Classroom Components. *Journal of Information Technology Education: Research*, 13, 121–140.

Littlewood, William. (1981) *Communicative Language Teaching: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.

Littlewood, William. (2014) Communicative Language Teaching: An Expanding Concept for a Changing World. In Murray, Denise E. (ed.) *English Language Teaching: Critical Concepts in Linguistics*, Vol. 3, 11–28). New York: Routledge.

Nunan, David. (1991) Communicative Tasks and the Language Curriculum. *TESOL Quarterly*, 25 (2), 279–295.

Or, Iair G. (2016) Language Policy and Education in the Middle East and North Africa. In McCarty, Teresa, & May, Stephen. (eds.) *Language Policy and Political Issues in Education. Encyclopedia of Language and Education*. London: Springer Cham, 1–13. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-02320-5_40-1.

Richards, Jack C. (2006) *Communicative Language Teaching Today*. Cambridge: Cambridge University Press.

Richards, Jack C. (2015) *Key Issues in Language Teaching*. Cambridge: Cambridge University Press.

Richards, Jack C., & Rodgers, Theodore S. (2014) *Approaches and Methods in Language Teaching* (3rd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.

Sadeghi, Karim, & Richards, Jack C. (2016) The Idea of English in Iran: An Example from Urmia. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 37 (4), 419–434.

Troudi, Salah. (2005) Critical Content and Cultural Knowledge for TESOL Teachers in EFL Contexts. *Teacher Development*, 9 (1), 115 – 129.

Saba ‘Ayon, Najwa (2013) *Lebanese English as a Foreign Language Teachers’ Conceptions of Teaching and Their Practice in Lebanese Public High Schools*: PhD Thesis in Education. Sussex: University of Sussex. Thesis. Retrieved from: https://hdl.handle.net/10779/uos.23395847.v1 (2024, April 12).

Remote Learning and the Digital Divide in MENA: Insights from a Six-Country Survey. (2020) World Bank Group.

Zughoul, Muhammad R. (2003) *Globalization and EFL / ESL Pedagogy in the Arab world*. Retrieved from: https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED479810.pdf (12.10.2024, October 12).

ХРОНИКА

III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РЕЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА В РУССКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ (XIX–XXI ВВ.)» (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 24–26 апреля 2025 г.)

Подводя итоги пятого года работы научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, мы вправе констатировать не только продуктивность индивидуальной работы сотрудников, но и успешную координацию их усилий в ходе проведения научных конференций.

Российским научным фондом (РНФ) поддержаны исследовательские проекты, инициированные С. Б. Королевой («Пушкин в западноевропейском каноне русской литературы: динамика и варианты осмысления (период 1920-х – 1960-х годов)») [1] и М. А. Александровой («Пушкинский миф в творчестве классиков бардовской поэзии (Окуджава, Высоцкий, Галич)») [2]. Обе идеи возникли и оформились благодаря интенсивному научному диалогу с коллегами, собравшимися в апреле 2023 г. на первую Всероссийскую научную конференцию «Рецепция личности и творчества А. С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)». Уже на следующий год значительно расширился состав докладчиков; развитие проекта подтвердил опыт 2025 г., когда соорганизатором конференции выступил Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы. В оргкомитет поступило более восьмидесяти заявок из университетов и академических институтов, «география» участия — от Москвы до Барнаула и от Минска (Белоруссия) до Нанкина (КНР).

Напомним, что пушкиноведение — одно из ведущих направлений работы ученых-литературоведов Нижнего Новгорода. Заслуженным вниманием пользуются ежегодные «Болдинские чтения», основанные еще в советское время Георгием Васильевичем Красновым (организаторы — Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник «Болдино» и Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (ННГУ)). Выдающемуся пушкинисту Всеволоду Алексеевичу Грехневу, учителю нескольких

[1] Грант № 24-28-00706, https://rscf.ru/project/24-28-00706/

[2] Грант № 25-28-01320, https://rscf.ru/project/25-28-01320/

поколений нижегородских литературоведов, посвящена конференция «Грехневские чтения», традиционно проводимая Институтом филологии и журналистики ННГУ. На этом фоне конференция, посвященная рецепции личности и творчества А. С. Пушкина, оказалась привлекательной для российского и мирового научного сообщества постановкой общего вопроса. Обозначенное проблемное поле воистину безбрежно: в «большом историческом времени» (М. М. Бахтин) личность и творчество поэта раскрываются в многообразных, подчас неожиданных аспектах.

III Международная научная конференция «Рецепция личности и творчества А. С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)» проходила в НГЛУ с 24-го по 26-е апреля 2025 г. Многолюдность конференции не позволяет уделить внимание всем докладчикам; ограничимся обзором выступлений, получивших в научных дискуссиях наибольший резонанс.

Пленарное заседание обозначило основные направления дальнейшей работы конференции. Оно открылось докладом д-ра филол. наук М. В. Загидуллиной (Челябинский государственный университет) «Пушкинский миф на обломках прецедентной базы: о современном состоянии рецепции Пушкина поколением 2000-х годов (к постановке проблемы)». Была рассмотрена динамика пушкинского мифа в XIX–XX столетиях в условиях развития всеобщего образования, проанализирована ситуация в области «пушкинской индоктринации» после недавнего присвоения экзамену по литературе статуса «по выбору» (то есть фактической маргинализации школьного литературного образования). Это позволило представить контуры научного исследования, направленного на выявление реального места пушкинского мифа в современном культурном пространстве, с учетом специфичности сознания поколений 2000-х гг. и младше. Констатируя, что пушкинский миф десятилетиями работал на воспроизведение национальной идентичности, поддержание ее непрерывности, М. В. Загидуллина показала различные признаки падения пушкинской прецедентной базы в национальном масштабе.

Доклад канд. филол. наук А. В. Ямпольской (Литературный институт им. А. М. Горького) «Стихотворения Пушкина в “Антологии русской поэзии” под редакцией С. Гардзонио и Г. Карпи (2004): выбор текстов, выбор переводчиков» предварил выступления целой группы участников конференции, обратившихся (каждый на своем материале) к актуальному вопросу о переводимости Пушкина на иные языки, о непреодоленных трудностях и о творческих удачах в этой сфере.

Д-р филол. наук А. Г. Коваленко (РУДН им. П. Лумумбы), размышлявший на тему «Пушкинский текст в поэзии концептуалистов», констатировал, с одной стороны, неизменность «солнечного» статуса классика, которому не страшны никакие «затмения», с другой стороны, закономерность реакции на мифологизацию «солнца русской поэзии», то есть выбор «телескопического

инструмента», позволяющего обнаруживать на солнце «пятна», «вспышки» и тому подобные детали. Концептуализм демонстрирует как «центробежные» (негативные или скептические), так и «центростремительные» (возвеличивающие) подходы к образу Пушкина.

Д-р филол. наук Е. А. Иваньшина (Воронежский государственный педагогический университет) в докладе «Пушкинский текст Михаила Булгакова» показала, что булгаковские сюжеты наследуют Пушкину по двум линиям: одна из них восходит к «Борису Годунову» и «Капитанской дочке», другая — к «Пророку». На этой основе была предложена интерпретация булгаковской модели судьбы, в семантическое поле которой вплетены мотивы игры, зрения и слепоты. В избранном ракурсе особенно подробно рассмотрена пьеса «Александр Пушкин».

Доклад д-ра филол. наук В. Ю. Прокофьевой (Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения) «Пушкин-персонаж в российской анимации» порадовал всех присутствующих остроумным визуальным рядом. Осветив разные этапы анимационного воплощения образа Пушкина, В. Ю. Прокофьева сосредоточилась на произведениях XXI в., когда пушкинская тема (прежде всего ее биографический аспект) получила небывалую популярность. В финале увлекательного обзора аудитории был представлен оживленный нейросетями Пушкин.

Д-р филол. наук С. Б. Королева (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова) познакомила аудиторию с результатами исследования «Парадигмы пушкинского реализма / историзма в английской пушкинистике XX века», выполненного в рамках вышеупомянутого грантового проекта. Автором доклада выявлено три таких парадигмы: этнокультурная, культурно-эстетическая, сравнительно-историческая. Показано, что в 1910–1930-е гг. доминировала парадигма этнокультурная, основанная на соотнесении ряда признаков пушкинской поэзии с чертами русского национального характера и, соответственно, осмысление пушкинского реализма как проявления этнически заданной установки на верность природе и факту. Отмечена роль научно-просветительских работ Мориса Бэринга, испытавшего воздействие «Пушкинской речи» Ф. М. Достоевского и в свою очередь повлиявшего на таких видных интерпретаторов пушкинского творчества, как Я. Лаврин, Э. Уилсон, Дж. Бейли, Э. Бриггс. Культурно-эстетическая парадигма пушкинского реализма связана с англоязычными работами Д. С. Мирского: он трактовал пушкинскую поэтизацию обыденной реальности при верности и детальности ее изображения как проявление гения, рожденного русской дворянской культурой конца XVIII — начала XIX вв. В пушкинистике 1970–1980-е гг. оформляется (не без влияния наследия Д. С. Мирского) сравнительно-историческая парадигма пушкинского реализма, понимаемого как точное, детальное, разностороннее и объективное изображение природного и культурного мира, схваченного в процессуальности прошлого и настоящего.

Докладчиком подчеркнуто, что в глубине этой новой для англо-американской пушкинистики парадигмы осмысления пушкинского творчества продолжает действовать парадигма этнокультурная в устоявшемся на предыдущем этапе имагологическом ее варианте.

Доклад д-ра филол. наук Н. В. Ковтун (Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева) «Пушкин как триггер в романе Вс. Бенигсена “ГенАцид”» был посвящен анализу текста, который демонстрирует глубокую трансформацию догмата о литературоцентризме русской культуры на рубеже XX–XXI вв. — процесс, неизбежно затронувший и пушкинский миф.

Д-р филол. наук Л. И. Сараскина (Государственный институт искусствознания, Москва) в своем докладе «Культурные коды пушкинских юбилеев: мифологемы и символы» исходила из идей Владислава Ходасевича (эссе «Колеблемый треножник»), трактуемых как пророческие; главным объектом осмысления явился столетний «юбилей смерти», отбросивший свою тень на все XX столетие.

Завершил пленарное заседание доклад д-ра филол. наук М. А. Александровой (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова) «Александр Пушкин и Александр Блок в окуджавской мифологии поэта: сюжет любви к Мадонне», отражающий работу автора над грантовым проектом «Пушкинский миф в творчестве классиков бардовской поэзии». Концепция доклада базируется на идее Ю. В. Шатина о теснейшей связи пушкинианы XX в. с персональными мифами ее творцов. В этом ракурсе впервые рассмотрено стихотворение Окуджавы «Считалочка для Беллы», представляющее адресата — Беллу Ахмадулину — в качестве Мадонны поэтов, являвшейся лирическому герою, «Александру с Михаилом» (Пушкину и Лермонтову), безыменным поэтам прошлого. Отсутствие среди героев стихотворения, изобилующего блоковскими реминисценциями, самого Александра Блока осмыслено как полемический прием: в мире Окуджавы поэты не рефлексируют по поводу метаморфоз Вечной Женственности. Специальное внимание уделено юмористически изображенной влюбчивости поэтов (включая и лирического героя); этим персонажам находится место рядом с Пушкиным, поскольку обе версии мифологизации сердечной жизни поэта (шутливая и высокая) восходят к пушкинским источникам — балладе «Жил на свете рыцарь бедный…», сонету «Мадонна», стихотворению «Каков я прежде был, таков и ныне я…», «донжуанскому списку». В то же время родство поэтов оправдано заветной мыслью Окуджавы о краткости жизни, отпущенной для служения бессмертному идеалу женственности. Таким образом, сохранив традиционную ценностную иерархию, где Пушкин главенствует, автор «Считалочки для Беллы» смело обновил контекст актуализации пушкинского мифа.

На второй день конференции было организовано несколько параллельно работавших секций.

Секция «Пушкинская традиция и пушкинские “коды” в русской литературе XIX–XX веков» начала свою работу докладом канд. филол. наук Н. М. Шахназарян (Белорусский государственный университет, Минск) «Инверсии текстов Пушкина в поэзии Лермонтова». Канд. филол. наук Н. Н. Подосокорский (ИМЛИ РАН, Москва) изложил результаты исследования, выполненного в рамках грантового проекта «Сочинения, язык и чтение героев зрелого периода творчества Ф. М. Достоевского»: «Произведения А. С. Пушкина как источник рассказа генерала Иволгина о Наполеоне в романе Ф. М. Достоевского “Идиот”». Ранее достоевсковеды, включая самого докладчика, уже комментировали присутствие отсылок к пушкинским текстам в фантастическом рассказе персонажа, но комплексно этот вопрос прежде никем не рассматривался.

Доклад д-ра филол. наук О. Н. Турышевой (Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург) «Пушкинская цитата в устах героя Достоевского» полемичен по отношению к существующим трактовкам смыслового потенциала цитирования «Каменного гостя» Пушкина в сочиненной Иваном Карамазовым поэме «Великий инквизитор». Автор доклада акцентировал внимание на том, что пушкинские строки в составе поэмы о великом инквизиторе являются формой выражения не только авторской позиции (позиции Достоевского), но и позиции литературного героя, изображенного в качестве сочинителя и субъекта цитирования. Выдвинута гипотеза, что цитата из «Каменного гостя» оспаривает «инквизиторскую» концепцию человека. В этом контексте обнажается глубинная двойственность и противоречивость позиции Ивана, которую он сам прямо отрицает.

Д-р филол. наук А. И. Иваницкий (Российский государственный гуманитарный университет, ИВГИ им. Е. Мелетинского, Москва) и д-р филол. наук К. А. Нагина (Воронежский государственный университет) в докладе «Переосмысление фигуры пушкинского Сильвио у позднего Толстого» проследили рецепцию триады «честь, самолюбие, тщеславие» (повесть «Выстрел») в «Отце Сергии». Анализ образа главного героя «Выстрела» показал, что за преданностью Сильвио принципам офицерской чести скрывается чувство превосходства над равными себе, тщеславное желание публично доказывать это другому, унижая его. В образе гвардейского офицера Степана Касатского — исторического современника Сильвио — Толстой раскрывает «либидоносный» источник его самолюбия в «оболочке чести»: князь, уязвленный заочным торжеством Николая I, недавнего любовника его невесты, лишенный возможности вызвать соперника на дуэль, избирает монашество как альтернативный способ утверждения своей гордыни; воздержание от либидо выступает формой его максимального проявления. Насколько мы поняли идею доклада, в разрешении этой коллизии Толстой удаляется от пушкинской модели.

Канд. филол. наук Н. А. Карпов (Санкт-Петербургский государственный университет), представивший доклад «Особенности рецепции Пушкина в творчестве сатириконцев», констатировал объемность темы, обусловленную двояким — сугубо комическим и серьезным — характером освоения пушкинского наследия авторами сатириконского круга. Поскольку юмористический текст неизменно преследует смеховые задачи, то интертекст в нем (независимо от способов оформления) выполняет преимущественно функцию создания или усиления комического эффекта, как это происходит в творчестве А. Аверченко или Дона Аминадо. В то же время Саша Черный и Н. Тэффи, не отказываясь от комизма, актуализируют пушкинскую традицию, воспринятую в социально-исторической и культурологической перспективе. Так, «Пушкин» Саши Черного (1920) сближается своими мотивами со знаменитым блоковским стихотворением «Пушкинскому Дому», написанным годом позже: Пушкин для поэта — это и учитель, и «старший брат», и «бальзам от русского бича», дающий силы вынести тяготы изгнаннической судьбы.

Канд. филол. наук О. В. Спачиль и д-р филол. наук В. В. Катермина (Кубанский государственный университет, Краснодар) предложили свое видение диалога с Пушкиным в чеховском рассказе «Черный монах». Канд. филол. наук Е. В. Суровцева (РАЕН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет) выявила пушкинский код в письмах властителям Ф. М. Достоевского и М. А. Булгакова. Доклад А. Дильдяева (студента-филолога Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге) «Поэтика “продолжений” пушкинских стихов о доже и догарессе (конец XIX — начало XX вв.)» вызвал некоторую полемику, участие в которой обнаружило готовность начинающего исследователя аргументированно отстаивать свою концепцию.

Ярким событием второго дня конференции стал доклад канд. филол. наук Е. Н. Григорьевой (Санкт-Петербургский государственный университет) и канд. филол. наук В. Т. Золотухина (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург) «“Стихи и проза” в послании А. Н. Вульфу: о пушкинских истоках поэтического “сора”». Предметом внимания соавторов стала прозаизация, возможная и благодаря жанровой природе текста, и вопреки ей. Пограничное — между поэзией и бытом — положение дружеского послания традиционно позволяло насыщать текст будничными подробностями; однако в данном случае прозаизация нарушает законы высокой поэзии, даже в самых вольных ее формах. В результате совмещения противоположных стратегий «проза» входит в поэтический текст, расширяя возможности самой поэзии — и (добавим от себя) предвещая рефлексию XX столетия о стихах, способных, по крылатому слову Анны Ахматовой, расти из сора.

Секция «Пушкин в коммеморативных, идеологических и мифотворческих практиках XX–XXI вв.» объединила выступления, посвященные как «окололитературным» обстоятельствам (доклады канд. филол. наук О. И. Шапкиной (ИМЛИ РАН, Москва) «Провинциальная пресса о юбилее А. С. Пушкина в 1912 г.» и канд. филол. наук О. В. Шуган (ИМЛИ РАН, Москва) «Вопросы реставрации пушкинских мест к 100-летию со дня смерти поэта»), так и вопросам творческого осмысления фигуры Пушкина на разных этапах: они были рассмотрены в содержательных докладах д-ра филол. наук А. Ю. Овчаренко и Е. А. Шапринской (РУДН им. П. Лумумбы, Москва) «Поэтические манифесты “больших двадцатых годов” и пушкинский миф: соприсутствие классика в советскую эпоху»; канд. филол. наук Л. И. Вигериной (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина) «Рождественский и пасхальный комплексы мотивов и образов в структуре пушкинского мифа в поэзии А. М. Городницкого»; Чэнь Сянмин (аспиранта Нанкинского университета, КНР) «Пушкин как культурный символ в романе Т. Н. Толстой “Кысь”»; канд. филол. наук Е. С. Ступиной (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова) «Риторические коды иронической направленности в литературных анекдотах о Пушкине».

Особо отметим доклад д-ра филол. наук Т. А. Алпатовой (Государственный университет просвещения, Москва) «Личность и творчество Пушкина глазами современных читателей: опыт осмысления анкетирования», который вызвал живую реакцию слушателей, делившихся в ходе обсуждения собственными представлениями о специфических проблемах коммуникации в этой области. Мы полностью согласны с мыслью автора доклада, что анкетирование подобного рода полезно как способ активизации культурной рефлексии современного читателя. Обобщения, представленные Т. А. Алпатовой, согласуются с результатами исследования М. В. Загидуллиной, о котором было сказано выше.

Работа секции «Пушкин в культуре русского зарубежья» началась докладом традиционной участницы нижегородских конференций канд. филол. наук Ю. Е. Павельевой (Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына, Москва) «Рецепция пушкинской “русоцентричности” в творчестве А. И. Солженицына». Коллега поставила размышления писателя о национальном характере в контекст пушкинской традиции отождествления Руси и деревни.

В докладе д-ра филол. наук И. А. Тарасовой (Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского) «“Александр Сергеич, я о вас скучаю”: Пушкин — персонаж лирики Георгия Иванова» были тонко проанализированы стилистические средства создания образа Пушкина, осмыслена его эстетическая функция. Убедительно показано, что Пушкин воплощает различные грани художественного смысла, актуального для лирического героя Г. Иванова: это мечта о поэтической славе; личная вовлеченность в трагические исторические события; прикосновение к мировой гармонии; мужество перед лицом смерти. Строя образ Пушкина на пересечении высокой патетики

и сниженной разговорной стихии, Г. Иванов ориентировался на пушкинскую антиномию «ничтожного» и «божественного».

Своеобразие — на фоне советских государственных празднований —мемориальных пушкинских событий в русской диаспоре стало темой докладов канд. культурологии Л. В. Крошкиной (Российский государственный гуманитарный университет, Свято-Филаретовский институт, Москва) «Пушкин и освобождение России: концепция столетнего юбилея смерти поэта в русском зарубежье»; А. Смоленцевой (студентки МГУ им. М. В. Ломоносова) «Трактовка наследия А. С. Пушкина деятелями русской эмиграции в ситуации Пушкинского юбилея 1937 года (на примере варшавской речи И. С. Шмелева)»; канд. филол. наук М. И. Кузьминой (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова) «Семантика имени собственного в “лирической публицистике” Б. Зайцева: “Три кометы” (Слово на пушкинском вечере)».

Канд. филол. наук Ю. У. Каскина (ИМЛИ РАН, Москва) проследила использование персонажами рассказов И. С. Шмелева пушкинской формулы *есть упоение в бою*, которая в эпоху великих потрясений интерпретируется (по выражению автора доклада) «антагонистически», причем каждый из субъектов цитирования оказывается далек от пафоса героя «Пира во время чумы».

Участники секции «Пушкинское творчество в инокультурном восприятии» рассматривали опыты перевода пушкинских произведений на немецкий, итальянский, греческий, удмуртский, казахский, китайский языки.

Секция «Пушкинский мир в современных словесно-визуальных интерпретациях» объединила исследователей кинотекста, театрального языка, литературного экфрасиса и даже комикса — жанра, принадлежащего к массовой культуре, но в талантливых руках обретающего некие возможности для неканонического, «остраняющего» воплощения образа Пушкина.

На последнем этапе работы конференции неожиданные повороты в рецепции личности Пушкина и его творчества продемонстрировали доклады, представленные в секции с классическим названием «Пушкинская традиция в современной русской литературе». Большинство ее участников — молодые филологи (в том числе аспиранты и магистранты). Среди них нам особенно приятно упомянуть коллегу, недавно защитившую кандидатскую диссертацию — Елизавету Лочмелис (МГУ им. М. В. Ломоносова), которая исследовала парадоксальную интерпретацию мотива поэтического памятника в русской рок-поэзии.

Завершая наш обзор, отметим, что модераторам секции подчас приходилось напоминать молодым участникам конференции о строгости критериев отбора изучаемого материала: некоторые «герои» докладов рассмотрения на пушкинском фоне, в качестве «продолжателей традиции» совершенно не выдерживали, а язык их описания обличал принадлежность докладчиков к тому

поколению, которое, по выражению М. В. Загидуллиной, возросло «на обломках прецедентной базы». Таким образом, опыт проведения конференции оказался полезен и с диагностической точки зрения, и в плане профессионального воспитания начинающих филологов. Как было сказано некогда А. Н. Островским, «в присутствии Пушкина умнеет всякий, кто способен поумнеть».

Организаторы конференции анонсируют ее регулярное (ежегодное) проведение.

М. А. Александрова
Н. Р. Ладухина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архаван Фаттах Аудил, аспирант, Малайзийский государственный технический университет, Джохор-Бару, Малайзия, arxawanf@gmail.com

Беляев Андрей Николаевич, доктор филологических наук, доцент, Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия, anbelajew@mail.ru

Валери Марта, PhD (славистика), Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, mvalery@lunn.ru

Васильева Мария Алексеевна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, mavasileva@lunn.ru

Голубых Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия, ana.golubykh@ya.ru

Дмитриева Елена Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, eldmitrieva@yandex.ru

Иванов Андрей Владимирович, доктор филологических наук, профессор, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, aivan@lunn.ru

Иванова Римма Анваровна, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский институт развития образования, Нижний Новгород, Россия, ira@niro.nnov.ru

Исаева Лидия Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, vlisaev@rambler.ru

Исаева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия, onis.77@mail.ru

Макшанцева Наталия Вениаминовна, доктор педагогических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, makshan@lunn.ru

Миндиахметова Римма Махияновна, кандидат филологических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, r.m.khasanova @yandex.com

Остроухова Ксения Сергеевна, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, kseniya_ostrouhova@mail.ru

Разумных Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, amilano80@mail.ru

Софи Хама Али Хуссен Хама Амин, аспирант, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, h.hussen80@yahoo.com.

Суворова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, Москва, Россия, suvorlen@yandex.ru

Хема Рошени Мустафа, преподаватель, Малайзийский государственный технический университет, Джохор-Бару, Малайзия, hemarosheny@utm.my

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

Выпуск 3 (71)

Редакторы:
Н. С. Чистякова
В. М. Цымбалова

Компьютерная верстка
С. В. Туманов

Подписано в печать 25.09.2025. Дата выхода в свет 30.09.2025.
Формат 60×90 1/16. Печ. л. 11,25. Тираж 500 экз.
Свободная цена. Заказ № 11706.

Адрес редакции, издателя, типографии:
603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а

Подписной индекс в электронном каталоге Почта России: ПН269